КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ТОМЪ XXXIV.

1891 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 10-го іюля 1891 г.

ІОСИФЪ ШУМЛЯНСКІЙ,[1]

ПОСЛѢДНІЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЕПИСКОПЪ ЛЬВОВСКІЙ И ЕГО „МЕТРИКА".

(ОКОНЧАНІЕ).

III.

„Метрика" Шумлянскаго имѣетъ значительный историческій и литературный интересъ. Это не покажется преувеличеннымъ, когда мы разсмотримъ ея текстъ. Но прежде всего, именно въ виду этого интереса, желательно было бы констатировать, вся ли книга написана Шумлянскимъ, или только нѣкоторыя ея части и какія. Мы знаемъ, что Шумлянскій обыкновенно говорилъ и писалъ по польски, и вотъ является первое затрудненіе, которое можно устранить развѣ допустивъ, что Шумлянскій велѣлъ написанное имъ по польски перевести на русскій языкъ. Что нѣкоторыя части Метрики, какъ формулы крещенія, вѣнчанія и святцы, были взяты Шумлянскимъ изъ книгъ церковныхъ или редактированы кѣмъ нибудь изъ состоявшихъ при немъ священниковъ по его повелѣнію и согласно потребностямъ сельскаго духовенства, это, мнѣ кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ Шумлянскій, въ качествѣ военнаго человѣка, въ богословіи и обрядности смыслилъ очень немного. Но съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что все прочее въ книгѣ, житейскія наставленія, обличенія и историческія воспоминанія принадлежатъ перу Шумлянскаго, которому та-

[1]) См. „Кіевская Старина", 1891 г., № 6.

кимъ образомъ нужно отвести нѣкоторое, хотя и скромное, мѣсто въ исторіи южнорусской литературы.

Въ началѣ первой части Шумлянскій говоритъ, что „Метрика“ есть первая книга, выходящая изъ новооснованной типографіи епископской во Львовѣ (стр. 1). Затѣмъ слѣдуетъ пространное поученіе о томъ, что такое метрическія книги и какая отъ нихъ польза для мірской и духовной администраціи. Авторъ опровергаетъ мнѣніе закоснѣлыхъ консерваторовъ, что, „не было въ церквѣ нашой той книги Мéтрики, а по стáрому отправлялися сакрамéнта святыи“ (стр. 7). Онъ доказываетъ противное: „возми собѣ Трéбникъ великій Могилянскій, а тáмъ обачишъ при концу книги той, на картѣ ѵкє вырàзную о тымъ науку... жé не новàя то рéчъ въ церквѣ Божой Мéтрика“. „Прàвда—прибавляетъ авторъ,—же передъ небóжчикомъ блажéнной пàмяти Петромъ Могилою якось ся былà книга тàя затлумила въ Рóссіи нашой, àле не дивъ, знàті, для великого тàмтыхъ чàсовъ на церковъ Божію преслѣдовàня, бо не тылько не мѣлъ другій чàсу тогды въ Мéтрику когó вписовати, àле и церкве не единъ отбѣгàти мусѣлъ, а затымъ при утрачéню церкве, мусѣли и Мéтрики гинути“. Але въ Богу зéшлый преосвященный архіепископъ и митропóлита кіевскій Пéтръ Могила, яко чулый церкве Христовы пàстырь, презрѣвшися дóбре въ порядкахъ духóвныхъ и чину церкóвномъ, дóйзрѣлъ и тогó дóбре, же духовéнству нàшему россійскому яко наука и інформàціа о Сакрамéнтахъ святыхъ, тàкъ и Мéтрика éстъ потрéбная, для чогó въ рóку ахмѕ (1646) мѣсяца декàмврія ѕі (16) дня мѣлъ въ Кіевѣ, въ церквѣ святыя Сóфіи катедрàльнои метрополитанской соборъ духóвный, на котóромъ... долóжено и тогó, àбы и Мéтрику книжку кóждый священникъ мѣлъ въ церквѣ своéй“ (стр. 9—11).

Далѣе авторъ разсказываетъ, что „по Могилянской смерти въ нѣкоторыхъ церквàхъ àлъбо діецéзіахъ и книга тàя Мéтрика прàве южъ была умéрла... и якобы въ Могилѣ пéрстю недбàлъства пàстырского и пѣскóмъ лѣнивства осóбъ духóвныхъ тàкъ была загромàжена, ижъ розумѣли нѣкоторіи, же той книги нѣгды не было нà свѣтѣ“ (стр. 12). Это именно побудило Шумлянскаго издать настоящую книгу. „И я—пишетъ онъ—сми-

ре́нный и недосто́йный церкве Христовы па̀стыръ, презъ двадесятъ лѣтъ наслу́хавшися на помѣ́стныхъ собо́рахъ мно́го о тымъ самы́хъ честностей вашихъ жа̀лобы и ска̀рги, я́ко обѣца̀лемъ честностямъ вашимъ въ ты́мъ угоди́ти..., та̀къ ско́ро ми да̀лъ Господь Богъ... типогра̀фію а̀лъбо друка̀рню но́вую пра̀цею и ко́штомъ вла̀снымъ спорядивши (sic), заразъ обѣтницы мое́и и жада̀ню вашему... до́сыть чиню́" (стр. 12—13).

Въ „Предмовѣ" къ третьей части „Метрики" мы находимъ интересную картину безурядицы, какая произошла въ Польшѣ послѣ введенія григоріанскаго календаря въ церкви латинской. „Привела̀ мя (къ включенію святцевъ въ Метрику) жа̀лость и ча̀стая ска̀рга людій працови́тыхъ посѣ́лныхъ, и убо́гихъ ремеснико́въ по мѣ́стахъ и мѣсте́чкахъ живу́чихъ. Наслу́халемся бовѣмъ того́ мно́го, же лю́де працови́тіи по се́лахъ, а реме́сники убо́гіи по мѣ́стахъ, у́скаржаются не ти́лько на пано́въ и уря́дниковъ по́льскихъ, а̀ле те́жъ и на духовныхъ сво́ихъ ру́скихъ. На пано́въ жа̀луются для́ того́, же и́мъ по се́лахъ ка̀жут въ свой свята по́льскіи па́нщизну отбыва́ти; на духовныхъ засъ, же и́мъ ча̀стыи свята въ ты́ждню заповѣда̀ютъ и не ка̀жутъ роби́ти. Ремесники́ засъ по мѣ́стахъ и свой свята зъ повинности христіа̀нскои, и по́льскіи зъ росказа̀ня уря́дового му́сятъ святи́ти. А кото́рій для зaро́бку собѣ, жонѣ и дѣтемъ на хлѣ́бъ поважится въ по́льское свято що зроби́ти, а̀жъ оскаржо́ный до уря́ду му́сить дава̀ти гри́вны а̀бо вязе́нье сѣдѣти. Не послу́хаетъ же кто́, лю́бъ ремесни́къ въ мѣ́стѣ, лю́бъ працови́тый чло́векъ на селѣ́ духовнаго зака̀зуючого свята въ церквѣ,... грѣшитъ смерте́лъне" (ч. III, стр. 3—5). Вотъ почему Шумлянскій издаетъ святцы, въ которыхъ обозначены праздники, въ которые совсѣмъ нельзя работать, а также меньшіе праздники, въ которые съ полдня „могу́тъ про́стіи працови́тіи лю́де, убо́гіи ремесники́ бе́зъ скру́пулу робити, менови́те о́выи, кото́рій не зароби́вши на хлѣ́бъ, не мѣлъ бу́детъ що и́сти, а̀льбо мѣлъ бы кто́, не ро́бячи того́ дня́, въ по́ли а̀льбо въ до́му шко́ду понести́" (стр. 6). Конечно, тому, чтобъ „убогіи ремесники" по городамъ не были принуждаемы праздновать и по русскому, и по латинскому календарю, Шумлянскій своими святцами помочь не могъ.

Самая обширная и самая интересная статья въ Метрикѣ Шумлянскаго, это „Нравоученіе мірскимъ іереомъ“, составленное по показанію самого автора для того, чтобъ указать, „якіе персо́ны и яки́мъ спо́собомъ а̀льбо поря́дкомъ, я́ко до ста̀ну архіере́йскаго, та̀къ іере́йскаго, і діа̀конскаго промова̀тися и всту́повати ма́ютъ, а освящшеся, я́ко въ то́мъ „священномъ чи́ну а̀льбо ста̀ну до́лжни су́тъ жи́ти“ (стр. 22). Программа эта въ самомъ сочиненіи не выполнена настолько, что авторъ ограничился наставленіями однимъ іереямъ, объ архіереяхъ по легко понятнымъ причинамъ умолчалъ. Поученія, данныя Шумлянскимъ мірскому духовенству своей епархіи, составляютъ драгоцѣнный памятникъ, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, мы видимъ незавидное состояніе мірскаго православнаго духовенства южнорусскаго во второй половинѣ XVII в., а также тѣ идеалы, къ какимъ старались направлять его развитіе люди въ родѣ Шу́млянскаго.

Прежде всего авторъ считаетъ нужнымъ указать на то, что поученіе, какое онъ здѣсь преподаетъ, не есть что нибудь новое, но тоже самое, „я́же мы́ са̀ми отъ першаго ро́ку нашего епископства... я́ко на помѣстныхъ, та̀къ и на енера̀льныхъ собо́рахъ всѐгда ва̀мъ... предлагахомъ и кро́тцѣ моля́ще учи́хомъ“ (стр. 24). Поэтому „для́ снаднѣйшаго ко́ждому выразумѣня не *словѐнскимъ язы́комъ, а́ле на́шимъ прирожо́нымъ Росі́йскимъ діалѐктомъ изволи́хомъ писа́ти*“ (стр. 25).

Рѣшеніе это было весьма кстати, такъ какъ большинство мірскаго духовенства въ то время было едва грамотное; по крайней мѣрѣ Шумлянскій, вычисляя условія, необходимыя для священническаго сана, хотя и пишетъ, что „пови́ненъ таковы́й ко́ждый мѣти въ себѣ нау́ку зго́дную, и овше́ки священникомъ потре́бную“ (стр. 27), но какая это наука и гдѣ можно было ее получить, объ этомъ онъ не говоритъ. Съ своей стороны Шумлянскій, какъ мы уже сказали, не сдѣлалъ почти ничего для поднятія уровня этой „науки“. Все, что онъ сдѣлалъ, по его собственнымъ словамъ, состояло въ томъ, что „ѯамѣна̀тора назнача̀емъ и приходя́щихъ на посвященіе до́брѣ ѯамѣнова̀ти ка̀жемъ, подча̀съ (иногда) и самі́ ѯамѣну́емъ“ (стр. 27). При

недостаткѣ какихъ бы то ни было правилъ для этихъ „eξамѣнаторовъ" могли, разумѣется, проскальзывать въ іереи люди совсѣмъ неспособные, такъ что еще въ 1722 г. монахи Супрасльской обители, издавшіе „Леξіконъ сирѣчъ Словесникъ Славенскій имѣющъ въ себѣ словеса первѣе славенскія азбучныя, по семже польскія, благопотребный къ выразумѣнію словесъ Славенскихъ обрѣтающихъся въ книгахъ церковныхъ, (Супрасль, 4°, 32 листа), въ предисловіи къ этому изданію писали: „съ неисчетною болестію сердца, и язвою утробы неудобъ исцѣлимою изобрѣли искусителіе или eξаминаторове поставляемыхъ въ іерейство людей, яко *сотный іерей едва славенскій языкъ разумѣетъ, невѣдай что четъ въ Божественной службѣ*"[1]). Правда, ниже Шумлянскій убѣждаетъ священниковъ, чтобы посылали своихъ дѣтей въ школы, но нигдѣ мы не видимъ, чтобы для достиженія іерейскаго сана необходимо было *школьное* образованіе, не говоря уже о спеціальной, богословской подготовкѣ.

Затѣмъ Шумлянскій переходитъ къ праву патроната, которое для мірскаго сельскаго духовенства состояло въ томъ, что желающій вступить въ санъ священническій долженъ былъ постараться, чтобъ его избрала громада и чтобы выборъ его подтвердилъ панъ-землевладѣлецъ. Конечно, Шумлянскій, который только благодаря этому праву сдѣлался епископомъ, далекъ былъ отъ всякой мысли объ его измѣненіи или упраздненіи; онъ настаиваетъ только на его точномъ исполненіи. „А же ту̂тъ въ Коро́нѣ и державѣ... коро́ля по́льскаго... панове дѣдичніе, я̀котѐжъ зѐмскихъ до́бръ поссессо́рове, а̀льбо пано́ве старо́стове добръ его́ королѐвской милости, гдѐ кото́рій зъ ни́хъ пану́етъ, та̀мъ на̀дъ подда̀нствомъ ма̀ючи вла̀дзу, ча̀сомъ предъ посвященіемъ, ча̀сомъ по посвященію не ты̀лко тыхъ, кото́ріи ся бе́зъ вѣдомости и волѣ и̂хъ на священство становя̀тъ, а̀ле и грома̀ды и на̀съ епископа частокро́тне турбу́ютъ; прето па̀стырско наказуемъ, а̀бы отъ сего́ ча̀су бе́зъ во́лѣ цѣло́и гро́мады (sic) и бе́зъ кон-

[1]) См. Приручный слова́ръ славено-по́льскій, или собра́ніе реченій славенскихъ неудобъ разумѣтелныхъ обрѣтающихся въ книгахъ церковныхъ, на языкъ польскій толкованыхъ. Лвиго́родъ. 1830. Предисловіе, стр. 5—6.

се́нсу а̀льбо писма̀ па̀на вла̀сне належи́того не ва̀жился жа̀денъ къ на̀мъ приходи́ти, подъ утра̀тою конди́ціи а̀льбо парохіи, на кото́рую бы ся мѣлъ посвятити" (стр. 27—28). Наблюденіе за этимъ онъ поручаетъ протопопамъ или намѣстникамъ, которые должны „го́дніе и спосо́бніе осо́бы на священство усмотрѣва̀ти, и до на̀съ епископа, поря́дне вы́писавши о его́ уроже́ню и повоже́ню, и присылати. А же кате́дра наша лвовская—скромно прибавляетъ Шумлянскій—по благода́ти Божіей естъ то едно́ свѣтило все́я Ро́ссіи, пре́то тіи осо́бы, кото́ріе промовуютъ ся на священство, ма̀ючи пи́смо отъ па̀на належи́того и наме́стника свое́го, если́ мо́щно двохъ чл҃ковъ а̀льбо прина́мнѣй едно́го зъ грома̀ды, а̀льбо те́жъ писа̀нье отъ громады вы́правивши собѣ, въ присто́йнымъ одѣню, вче́сне дво́ма недѣлми до тоей же кате́дры лвовской ма̀ютъ приходи́ти, чого́ всего́ отцѐве протопо́пове а̀льбо наме́стникове пи́лне ма̀ютъ и до́лжни сутъ дойзрѣти и испра̀вити. А еже́ли бы́ кото́рій зъ акколи́товъ бе́зъ тако́вои наместни́чои інформа̀ціи, а̀льбо безъ пи́сма па̀нского, въ гру́бомъ одѣню, въ непристо́йномъ обу́вю мѣлъ прійти́ до кате́дры нашой, тако́вый наместникъ на енера̀льномъ соборѣ сужде́нъ бу́детъ, и если́ за его́ ста̀нетъ ся то́ небреже́ніемъ, публи́чную отнесе́тъ поку́ту" (стр. 29—30).

Упоминаніе о „грубомъ одѣню" и „непристойномъ обувю", которыя ставятся „акколиту" въ столь тяжкую вину, что за него долженъ быть наказанъ даже протопопъ, можетъ показаться здѣсь логическимъ скачкомъ, но оно составляетъ существенную часть философіи Шумлянскаго. Ниже мы увидимъ, что разумѣетъ Шумлянскій подъ „грубымъ одѣньемъ" и „непристойнымъ обувьемъ" и почему они такъ сильно не нравятся ему.

Опредѣливъ такимъ образомъ условія, на какихъ можно было въ то время достигнуть сана православнаго священника, Шумлянскій переходитъ къ перечисленію обязанностей священника, какъ онъ ихъ понималъ. Первая и самая главная обязанность священника, это—*трезвость*. „Любѣте сію добродѣтель па̀че зла̀та и топа̀зія", восклицаетъ Шумлянскій (стр. 36), ибо „тре́звость е́стъ роди́телькою и фунда̀ментомъ вся́кого добра̀.

Трезве́нный священникъ" кромѣ всякихъ другихъ добродѣтелей, „мо́жетъ до чи́таня кни́гъ и пи́сма святого спосо́бнымъ бы́ти, а зъ чита́ня (sic) кни́гъ чого́ нѣгды не вѣдалъ, довѣда́тися, чого́ нѣґды не умѣлъ, научи́тися, и друго́го научи́ти мо́жетъ". „Трезве́нна священника,—прибавляетъ Шумлянскій,—я́ко всѣ лю́де лю́бятъ, я́ко самі́ пано́ве хва́лятъ и поважа́ютъ, наслу́халемся того́ вла́снымъ слу́хомъ" (стр. 35—36). Вообще поучая свое духовенство о трезвости, Шумлянскій употребляетъ самые сильные резоны и впадаетъ въ концѣ даже въ лирическій паѳосъ, подражая стилю акафистовъ не хуже галицкихъ одокропателей XIX в.: „О трезве́ніе, ма́ти добродѣтелей! восклицаетъ онъ.—О трезве́ніе, а̀нгельская дѣтели! О трезве́ніе, души́ и тѣлу украшеніе! О трезве́ніе, всѣхъ тебе́ любя́щихъ непосты́дное къ спасе́нію упова́ніе". (36).

Очевидно, добродѣтель эта должна была среди современнаго ему духовенства быть большой рѣдкостью, когда ее нужно было такъ расхваливать и пропагандировать. Въ этомъ убѣждаетъ насъ слѣдующее поученіе Шумлянскаго о пьянствѣ, самое обширное во всемъ сочиненіи. Въ пьянствѣ Шумлянскій видитъ „ко́рень всему́ злу́" (37); „піяный, посполи́те мо́вимо, вѣршовъ не склада́етъ" (40). Пьяный священникъ дѣлаетъ противъ своей присяги пропуски въ богослуженіи, „бо вече́рни, па̀вечерни не прочита̀етъ, на полу́ночницу не вста̀нетъ, у́трню хо́чъ то и́ въ церкви спячи́ отпра̀витъ", и даже „слу́жбу Божію не ты́лько въ повше́дныи, а́ле́ и въ неде́льніе, и́ въ святочніи дни частокроть опуска̀етъ, а̀льбо те́жъ зъ вели́кою неспосо́бностю и піанствомъ поскверне́нного тѣла своего́ отправу́етъ" (41—42). Іерей пьяница не можетъ исполнять и другихъ своихъ обязанностей. „Прида́сть ся якій зъ парохіи, чіей на кого́ на̀глій припа̀докъ, же тре́ба въ ночи́, о по́лночи порва̀тися, вста̀ти и пойти́, а̀льбо дитя́ крестити, а̀льбо рождшую любъ та̀мъ кого́ и́ншого на̀гле безго́дне умира́ючого диспонова̀ти, а священникѣ на нога̀хъ не встои́тъ, о себѣ не памята̀етъ, неха̀йже та̀мъ кто́ зъ тако́выхъ припа̀дковъ умретъ въ грѣху смерте́льномъ бе́зъ спо́вѣди, безъ раздрѣше́нія, а за твои́мъ, о Іере́ю піянство́мъ, вѣдайже, вѣдай запе́вне, же згине́ня его́ зъ ру́къ твои́хъ отъ тебе́ реквѣрова̀ти бу́дутъ" (42—43). Въ концѣ Шумлянскій ссылается

на то, что „отправуючи помѣстніи соборы въ диецезіей нашой, признаете мнѣ то сами, же если б що, яко о піянство упоминаемъ священниковъ, абы ся его хоронили, въ корчмахъ зъ посполитыми людьми не засѣдали и на оказіяхъ, яко то на крестинахъ, шлюбахъ альбо веселяхъ и поминкахъ абы такъ осторожными были, жебы трезвыми отходили, да не дасться кому претиканіе въ соблазнь“. (44).

Тема о пьянствѣ непосредственно вяжется съ другой темой—объ обществѣ, въ какомъ должны держаться священники. „Упоминалемъ и о то-говоритъ дальшеШумлянскій,-абы на ярмарки на торги и на праздники въ купѣ съ подружіи своими на едномъ возѣ не издили, а то для того, же ся невѣрніи жидове зъ того насмѣваютъ и поругаютъ, зъ посполъства многіи соблазняются, панове въ легкомъ поваженю маютъ, православная Русь, иле уважный, и поважніи люде за то встыдаются, а намъ пастыревѣ слышачи то сердце болѣзнуетъ. Вымовлялися нѣкоторіи на соборахъ помѣстныхъ, же то насъ до того приводитъ наше убозство, тяжары панскіи и отъ громадъ неушановане. Але яко заразъ на тыхъ же соборахъ мовилемъ же то неслушніи вымовки, такъ и теперъ симъ писмомъ ганячи то мовлю такъ: Даремная то, честніи отцеве, скарга ваша. Мѣй тылко кождый трезвость, около себе опатрность, пристойное одѣня, въ набоженствѣ пильность, около сакраментовъ святыхъ умѣетность, в наученю людей горливость, въ припадкахъ людцкихъ чуйность и готовость, до того въ домахъ корчемныхъ не засѣдай, зъ людми не своеи кондиціи кромѣ потребы нужнои не переставай, и зъ ровными себѣ при слушной оказіи зостаючи статкуй, словъ праздныхъ иле гнилыхъ зъ устъ не выпущай, а ему же честь, честь и ему же дань, дань воздавай, то есть Бога бойся, церкве и набоженства пильнуй, болшого тебе, яко то епископа и его наместника послушай, пана належитого яко пана поважай и молися о немъ, ровныхъ себѣ братій братерско, меншихъ же парохіяновъ яко чадъ своихъ духовныхъ духовне люби, домъ свой добрѣ управляй, а вѣру ми йми, же и отъ пана ласку и повагу, отъ громады ушанованье, отъ насъ пастыра любовь, и отъ Господа милость имѣти будеши“. (44—47).

Читатель вполнѣ пойметъ значеніе этихъ и слѣдующихъ поученій Шумлянскаго, когда вспомнитъ тотъ крайне низкій уровень просвѣщенія и общественнаго значенія, на какомъ стояло православное мірское духовенство въ южной Руси въ XVI и XVII, и даже еще въ XVIII и началѣ XIX вѣка. Мы не намѣрены здѣсь развертывать полную картину этого состоянія, но укажемъ только на нѣкоторые менѣе извѣстные факты. Такъ, въ „Реестрѣ преступниковъ, которые судились за уголовныя преступленія саноцкимъ гродскимъ судомъ въ 1554—1638 годахъ", мы нашли не менѣе 20 поповъ и поповичей, обвинявшихся въ кражѣ, разбоѣ, укрывательствѣ. Нѣкоторые изъ нихъ были допрашиваемы на пыткѣ и кончили позорной смертью [1]). Вотъ для примѣра разсказъ одного свидѣтеля (№ 11): „Однажды въ русское „середопистье", въ понедѣльникъ, 1606 г. былъ Иванъ Яворницкій (разбойникъ) въ с. Творильномъ съ творильницкимъ попомъ и пьянствовали до вторника. Во вторникъ, къ вечеру пошли оба съ тѣмъ же попомъ и его сыновьями въ Полянки и пьянствовали тамъ до пятницы. Потомъ попъ въ воскресеніе во время богослуженія погрозилъ пальцемъ Сенькѣ Пашковяту и сказалъ такія слова: „Небоже Сеньку, маешь ты пятьдесятъ золотыхъ, але ихъ не уживешъ. Але знай о тимъ, що на три домы буде сичка". Послѣ этого попъ пошелъ въ кабакъ и, пьянствуя тамъ, приступилъ къ Савкѣ (онъ же Сенько), обнялъ его и молвилъ къ нему: „Бидна голова, будешъ въ великій биди". Тотъ отвѣтилъ ему: „Што, попе, жартуешъ?" А попъ ему сказалъ: „Не бійся, небоже, поки я ту живу въ Творильнимъ, поты тоби ничого не буде. А коли я пиду зъ коршмы, то ты иды передо мною". А недѣлю спустя напали на того самого Сенька-Савку, зятя моего, убили его и все побрали, мучили и жгли и проч." [2]). Болѣе чѣмъ полтораста лѣтъ спустя мы читаемъ въ рукописной книгѣ „Acta Revisionis Ecclesiarum intra decanatum Pruchnicensem consistentium", которую деканъ (намѣстникъ) Да-

---

[1]) Regestr złoczyńców grodu sanockiego 1554—1638, wydał Oswald Balzer. Lwów. 1891, №№ 3, 4, 6, 10, 27, 29, 33, 39, 40, 58, 67, 75, 105, 111, 113, 144, 150.

[2]) Regestr, стр. 158.

ніилъ Затварницкій началъ писать въ 1765 г. [1]), слѣдующее: „Въ 1763 году судился судомъ духовнымъ Григорій Терлецкій, приходникъ капицкій за то, что прибѣгалъ къ ворожеямъ, предавался пьянству, въ пьяномъ видѣ обзывалъ другихъ ворами и проч.“ Въ 1748 г. деканъ, осматривая церковь въ Рѣплинѣ, пишетъ: „Священникъ не только ad administranda sacramenta, но даже и къ св. Богослуженію неспособный“. Тоже повторяется въ 1749 году. Въ 1750 деканъ замѣчаетъ: „Въ церкви болото было, какъ на дорогѣ грязь. Никакимъ образомъ нельзя позволить, чтобы въ ней отправлялось богослуженіе“. Въ другомъ селѣ Сѣнновѣ въ 1754 году деканъ заноситъ въ свою книгу слѣдующее: „О. Антоній въ пьяномъ видѣ дѣлаетъ scandala, пренебрегаетъ властями, въ дворѣ играетъ роль шута. Брагу въ дворѣ съ нюхательнымъ табакомъ in ludibrium насыпаннымъ пьетъ. Вмѣсто цыплятъ воронъ и сорокъ жареныхъ ѣстъ, и въ настоящемъ году велѣли ему изжарить ворону, подать на столъ въ присутствіи многихъ достойныхъ господъ, а когда онъ ѣлъ, то гости кричали: кра, кра! Это мнѣ самъ о. Антоній, во время настоящей визитаціи безъ моего разспроса разсказывалъ“. Въ запискахъ декановъ, какія встрѣчаемъ на метрическихъ книгахъ въ XVIII в., почти постоянно встрѣчается роковая фраза: „Parochus ebrius inventus est“. Скорбная исторія о. Маркевича въ Красноставцахъ, коломыйскаго округа въ 1719—1767 годахъ, разсказанная мною по такимъ деканскимъ запискамъ [2]), была, кажется, типическимъ явленіемъ тѣхъ временъ.

Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, когда экономическое положеніе и умственное развитіе русскаго духовенства почти ничѣмъ не отличалось отъ крестьянскаго, кромѣ развѣ того, что священникъ не былъ обязанъ работать на барщинѣ. Еще въ 1786 году писалъ одинъ нѣмецкій путешественникъ о галицко-русскомъ духовенствѣ: „Сельскій священникъ своей наружностью и обычаемъ мало отличается отъ крестья-

---

[1]) Книга эта, вмѣстѣ съ грамотами деканальными, хранится въ селѣ Розборѣ Округломъ, повѣта ярославскаго. За выписки изъ нея приношу благодарность о. Мих. Зубрицкому.

[2]) „Зоря“, письмо литературно-наукове. Львовъ. 1886, стр. 67—68.

нина. Живетъ онъ въ жалкой лачугѣ, какъ и тотъ, пашетъ землю, пьетъ, терпитъ недостатокъ, какъ и тотъ. Доходы греческихъ приходовъ даютъ часто въ годъ едва 15—20 злотыхъ польскихъ, священнику приходится самому пахать поле, чтобы прокормиться. Нѣтъ ничего необыкновеннаго, видѣть сельскаго священника въ оборванной одеждѣ, съ „обойчикомъ“ на шеѣ, съ трубкой во рту, съ хлыстомъ въ рукѣ бредущимъ около своихъ лошадей или воловъ. Большинство пьетъ водку, какъ воду, пьяно почти ежедневно и дѣлаетъ всякія гадости. Я очень хотѣлъ увидѣть священника. Управляющій имѣніемъ R... повелъ меня къ священнику своего села. Было послѣ обѣда. Густой водочный паръ такъ и ударилъ намъ въ носъ, когда мы отперли дверь комнаты. Почтенный пастырь былъ уже довольно на веселѣ, но все таки могъ говорить нѣсколько понятно, принялъ насъ съ какимъ то рабскимъ подобострастіемъ, и хотѣлъ во чтобы ни стало возложить свое пастырское цѣлованіе на наши ноги. Управляющій увѣрялъ меня предварительно, что это одинъ изъ лучшихъ и болѣе ученыхъ священниковъ, или, какъ онъ выразился, епископъ въ сравненіи съ другими,—понимаетъ нѣсколько по латыни и въ пьяномъ видѣ не дѣлаетъ никакихъ безобразій. Онъ поставилъ передъ нами бутылку водки, заткнутую сѣномъ. Устройство его комнаты показывало бѣдность и неряшливость, одежда была грязная и противная, а вся его библіотека состояла изъ букваря, по которому обучались его дѣти, метрическихъ книгъ и евангелія. Я старался завести разговоръ о разныхъ предметахъ, о религіи, нравственности, духовныхъ обязанностяхъ, обученіи, просвѣщеніи, новыхъ распоряженіяхъ,—онъ ничего не понималъ, его отвѣты были глупы и невѣжественны. Я польстилъ ему надеждой, что греческіе приходскіе священники скоро поставлены будутъ въ болѣе сносное положеніе, и онъ понялъ меня сейчасъ“ [1]).

Переходя къ причинамъ этихъ прискорбныхъ явленій, Шумлянскій прежде всего указываетъ на невѣжество право-

---

[1]) Briefe über den ietzigen Zustand von Galizien, ein Beitrag zur Staatistik und Menschenkenntniss. Leipzig. 1786, t. II, стр. 1—3.

славнаго духовенства. „Наслу́халемся и того́ ча̀сто — пишетъ онъ,—же на̀мъ пано́ве духове́нство ры́мское, а ча̀сомъ и ля́да кто́ примовля́ютъ простото́ю, называ̀ютъ на́съ неу́ками, а то для того́ само́го, же лати́нского пи́сма а̀льбо по́льского мно́гіе не разумѣютъ, а язы́комъ лати́нскимъ а̀льбо по́льскимъ мо́вити не умѣютъ, хоча̀й дру́гій священникъ въ слове́нскомъ язы́ку и писмѣ бу́детъ до́бре учо́ный и умѣетный, и бо́льшъ умѣти бы́ неповинненъ, то́лько ко́ждій свое́го вла̀сного язы́ка до́бре пи́смо, а̀ле же лати́нского язы́ка а̀льбо польскаго не умѣетъ, то ю́жъ у па̀на проста̀къ“ (47). Потому, заключаетъ Шумлянскій, что „и сама̀ слу́шность а̀льбо потре́ба духо́вная того́ по насъ вытяга̀етъ, и́лье (особенно) ту́тъ въ краяхъ коро́ны по́льской, а́бы духове́нство наше, россійское правосла̀вное духове́нству ры́мскому язы́комъ прина̀мнѣ корреспондова̀ло, же́бы священникъ зъ па̀номъ полѣти́чне мо́глъ ся розмо́вити и на зада̀нье яко́и тру́дности умѣ́тне отповѣди́ти. Пре́то потре́ба овше́ки духовенству на́шему туте́йшому не то́лько слове́нского, а̀ле и по́льскаго пи́сма, а мо́жна и лати́нского, бы́ти умѣ́тному. За̀чимъ зда̀лося на̀мъ па̀стыреви за ре́чъ слу́шную въ то́й книжцѣ на̀шей и то ту́помъ изъобрази́ти и па̀стырско ва̀съ пречестніи и че́стніи отце́ве упо́мнѣти“ (48—49). Сообразно съ тѣмъ, Шумлянскій наставляетъ священниковъ, чтобы они заботились о приличномъ обученіи своихъ дѣтей. „А жебы́сте до́мъ свой добре пра̀вячи, особли́ве въ то́мъ закоха̀тися и въ звы́чай собѣ взя́ти хотѣли, абы́сте сыно́въ свои́хъ зъ молодыхъ дити́нъскихъ лѣтъ заправова̀ли, пе́рвѣй своего́ слове́нскаго пи́сма и язы́ка до́бре научи́вши, пото́мъ до шко́лъ по́льскихъ и латинскихъ не заборони́ли, и о́вшемъ отце́вско и́хъ промовова̀ли. Су́тъ зъ ла̀ски Божои шко́ли не то́лько ту́тъ въ Льво́вѣ, въ Яросла̀вю, въ Кра̀ковѣ, а̀ле и въ Кіевѣ, еще́ за держа̀вы наяснѣ́йшихъ мона̀рховъ кро́льовъ по́льскихъ, а за особли́вымъ стара̀ньемъ блаженнои па̀мяти преосвященнаго митропо́лити кіевскаго и все́я Ро́ссіи г-на отца̀ Петра́ Моги́ли зафундо́ванніе, а тепе́ръ за держа̀ви благочести́выхъ царей и вели́кихъ князе́й россійскихъ повеле́ніемъ и ска̀рбомъ ихъ но́во реставрова̀нніе а̀льбо отновленніе; су́тъ и бли́жши насъ школи въ

Гойщи [1]), дорога тежъ за успокоеніемъ монарховъ христіянскихъ хвала Богу вольная, такъ зъ Кіева до насъ, яко и отъ насъ до Кіева. Тамъ же чест отцеве сыновъ своихъ для науки посылайте, кошту не жалуйте, а если немаешь що дати дай же му отцевское наказаніе, кажи ему для науки где хочетъ вендровати и много утерпѣти, горекъ бо корень ученія, але напотомъ сладокъ, и будешъ мѣти зъ него утѣху. А если того сынови заборонишъ, то и ему фортуну, щастя, дорогу загородишъ, и самъ Богу даси отвѣтъ, же боронилесь сынови того, чимъ ся моглъ Богу и церквѣ его святой прислужити. А ежели кому здаетсся до Кіева далеко, посылай теды до Гойщи, можетъ и тутъ поучитися добре такъ руского словенскаго, яко и польскаго и латинскаго писма и языка. Я самъ мѣю и мѣти обѣцую на таковыхъ мое пастырское ласкавое око" (49—51). Слова эти показываютъ, что Шумлянскій, повидимому, интересовался просвѣщеніемъ низшаго духовенства и желалъ видѣть его на болѣе высокомъ уровнѣ развитія. Но цитированное нами предисловіе супрасльскаго Леѯікона 1722 г., равно какъ и многіе другіе документы XVIII в. указываютъ на то, что и въ этомъ отношеніи владыка львовскій не достигъ ничего, вѣроятно потому, что никогда серьезно не принимался самъ за развитіе школьнаго образованія въ своей епархіи.

Продолжая свои наставленія, Шумлянскій убѣждаетъ духовенство, чтобъ „не вѣрило жаднымъ забабонамъ и бабскимъ баснемъ яко дѣломъ неподобнымъ: яко то овымъ на псалтыри албо на евангеліи святомъ приключи церковномъ ворожкамъ, и иншимъ тымъ подобнымъ баснемъ" (52—53). Наставленіе это показываетъ, что и въ отношеніи вѣрованій духовенство православное тѣхъ временъ почти ничѣмъ не отличалось отъ простаго народа. Гаданіе по псалтыри или евангелію до сихъ поръ употребляется среди простого народа въ Галиціи; занимаются имъ преимущественно дьячки старой школы. Гаданіе произво-

[1]) Свято-Михайловскій монастырь въ Гощѣ на Полѣсьѣ, основанный въ XV ст. семействомъ князей Кердеевъ—Гойскихъ; о школѣ, существовавшей въ томъ монастырѣ, ничего ближе неизвѣстно, см. *М. Н. Коссакъ*, Шематизмъ монастырей св. Василія В. Львовъ, 1867, стр. 108.

изводится такимъ образомъ, что особа, желающая узнать будущее или сокровенное, кладетъ руки на книгу, а „ворожбитъ“, нашептывая молитву, вводитъ въ книгу ножъ остріемъ, потомъ открываетъ ее этимъ ножемъ; какія попадутся слова на томъ мѣстѣ, гдѣ остановилось остріе, тѣ и толкуетъ кабалистическимъ образомъ, какъ ему нужно. Замѣчу, что народъ считаетъ этотъ родъ „ворожбы“ менѣе грѣховнымъ, чѣмъ другіе роды, или даже совсѣмъ дозволеннымъ, вѣроятно потому, что еще до недавнихъ поръ этой ворожбой занимались нѣкоторые священники старой школы.

Не останавливаясь долго на этой интересной темѣ, Шумлянскій переходитъ къ своимъ излюбленнымъ наставленіямъ—о внѣшнемъ видѣ священниковъ: наружность, лоскъ и опрятность для него самая важная сторона цивилизаціи, самое вѣрное мѣрило достоинства человѣка. А такъ какъ духовенство, по понятіямъ Шумлянскаго, должно было быть отлично отъ мужика и стоять гораздо выше его, то естественно, что, между прочимъ, оно должно было отличаться отъ него наружностью. И вотъ въ своей книгѣ онъ дважды возвращается къ этой темѣ, останавливаясь на ней очень подробно. „Опа̀ство тѣла а̀льбо охендо́жность на ты́мъ нале́житъ — пишетъ онъ,—а̀бы священиикъ за̀вше, а особли́ве ґды до церкве божои на служе́ніе иде́тъ, на собѣ мѣлъ сукма̀ну присто́йную, не захля̀панную, го́лову и бо́роду уче́саную, ру́ки умы́тіи, па̀зури обрѣзаніи, да и у́сы если́ въ кото́рого су́тъ вели́кіи навѣ́слыи на уста̀, могу́т бы́ти бе́зъ сумнѣнія на пере́дѣ пристри́женіи, и обу́вя на нога̀хъ неха̀й бу́детъ чи́стое, и не дегтя́ное, а̀ нѣ ходаки́ а̀бо постоли́ лыча̀ніи, а̀ле овше́ки бо́ти, а̀льбо прина̀мнѣй санда̀лія папу́цѣ (валенки) пови́ненъ священникъ ко́ждый мѣти до служе́нія осо́бніи, и про́чая“ (55—56).

Той же темѣ объ опрятности духовенства посвященъ обширный *postscriptum* подъ заглавіемъ: „Суппleме́нтъ а̀льбо прида́токъ до того́жъ нака̀занія“. „Любо ю́жъ намѣни́лося и я́сне описа̀лося— говоритъ тамъ Шумлянскій,—а̀бы духовенство на̀ше россійское ме́жи и́ншими, и́мъ зго́ла потре́бными обы́чаями взяли́ то собѣ въ обы́чай, а̀бы присто́йное ста̀новѣ своему́ духовному

одѣня и обу́вя носи́ли, еднàкъ ещé и ту́тъ о тымъ же здало́ся нàмъ за рéчъ слу́шную вырàзнѣй написàти, и якóе влàсне мàютъ одѣня священници и обу́вя носи́ти, наказàти. Понéважъ тéды за недойзрéньемъ и за недбáньемъ єппокъ прéшлыхъ предъ нàми бу́дучихъ, духовéнство на свóй стàнъ взгля́ду не мàючи, такóго собѣ одѣня мнóгіи позволя́ли, въ котóромъ отъ прóстого человѣка, наймнѣй ся не рознúли, бо едни́ въ сермяжискахъ бѣлыхъ, другіи хочай то въ сукмàнахъ, але я́сныхъ éще зъ ґу́зѣками вмѣсто срѣбрныхъ цинóвыми звы́кли ходи́ти, на головѣ àльбо ку́чмиско якóе, або ґарлóвую, àбо барàннюю шàпку цàле простàцкую, а на ногàхъ àльбо дегтя́ніи чóботы àльбо шпéтнии ходаки́ носячи́, въ такóмъ одѣню не ты́лко въ дóму́ привàтне, àле и мéжи людьми́ публи́чне не встыдàются ходи́ти. Прéзъ що самó же ся не помàлу трàтитъ и гинетъ повàга духовéнству нàшему, такъ у пàновъ, я́ко и у поддàныхъ: прéто отсéлѣ мѣти хóчемо, и пàстырско розскàзуемо, абы́сте чéстніи отцéве таковы́хъ нечéстныхъ и безчéстныхъ стрóевъ понехàли, а я́ко и́менемъ éсте чéстни, такъ и одѣня вàше нехàй бу́детъ чéстно. Найпéрвѣй тéды жадàемо и пàстырьско роскàзуемо, àбы жàденъ зъ духовéнства нàшего не вàжилъся нѣгдé на пу́блику въ еднóй ты́лько сукмàнѣ я́къ снопъ подпасàвшися зъ дóму выходи́ти, àле пови́ненъ кóждый принàмнѣй для́ церкве и пу́блѣки двѣ сукмàнѣ, спóднюю и вéрхнюю ря́су мѣти пристóйную, а тàя пови́нна бы́ти если́ не фалендишóвая, то тузѣнкóвая àльбо паклякóвая, àле влàсне чóрная, àльбо принàмнѣй тéмно лязурóвая, àльбо тéжъ у убóжшого изъ габи́ зрóбленая, а піенкне чóрно уфабóваная, ґузѣковъ срéбрныхъ а нѣ цѣнóвыхъ, àнѣ шну́рковъ фàрбы барщóвои, червóнои и я́снои жàднои не мàючая, тылько пóдлугъ чóрного кóльору и потрéбы потрéба прибирàти чóрніе. Шапка если́ не мóжетъ бы́ти у кого собóлемъ, оґóнками, бобрóмъ, то принàмнѣй кунóю піенкне шерóко обложенная, а кому́ бы на такóвую не ставàло, нехай же кàжетъ собѣ по старожи́тному обы́чаю зъ вóлны фрéнзлѣ уткàти чи́ли увязàти и уфарбовàти чóрно, до шапки приши́ти; а если́ бы котóрому и на тóмъ сходи́ло, нехай же самýю сукенную шнуркóмъ ти́лько обложéнную шàпку на

кштàлтъ чернéцкого подкàпка нóситъ, àле лúсомъ, барàномъ àльбо úншимъ чúмъ обшúтои жàдною мѣрою шàпки не позволя́ю заживàти отсéлѣ жàдному. Ходакóвъ зàсь àльбо постолóвъ еслú бы ктó зъ духовéнства въ диецéзіи нàшой вàжилъ ся отсéлѣ уваживàти, звлàща до церкве àльбо на пýблѣку гдé въ нúхъ вы́йти, за пéршимъ донесéньемъ прéзъ інстиґàтора духовнаго обѣцýемъ такóваго судóвне карàти. А еслú бы ктó зъ вàсъ хотѣлъ вы́мовитися недостàткомъ, мы́ той вы́мовки не приймуемъ, бо вѣдаю дóбре, úжъ въ моéй диецезіей по лàсцѣ Божой нѣмàшъ жàдного духовнаго тàкъ недостàтного, котóрому бы на бóты не стàло. Не для́ моегó то, àле рàчей для вàшего пожúтку, тóе вàмъ даю́ наказàніе, бо чувàете то честность вàша, же лю́де я́ко тя вúдятъ, тàкъ тéжъ и пúшутъ, тàкъ тебé сýдятъ, тàкъ и поважàютъ. Ґды тéди и вàсъ обàчатъ чúнно, честно ходя́чихъ, то тéжъ и вàсъ не ты́лько парохія́не вàшѣ, àле и посторонніи лю́де, и самú панóве я́ко честныхъ честно поважàти бýдутъ. Вàмъ тéди то, мóвлю, бýдетъ пожитéчно, а Богу мúло, и намъ пàстыревѣ потѣшно" (68—73).

Въ связи съ этимъ наставленіемъ стоитъ и слѣдующее о благопристойномъ поведеніи духовенства: „Доходятъ насъ пастыря слухи, же духовенство наше зобравшеся где на праздникъ, не празднославятъ, але празднословятъ много, байки собѣ повѣдаютъ, загадки вымышляютъ, а що большая и горшая, попившися альбо еденъ другого зневажаетъ, альбо еденъ зъ другого безъ студно насмѣвается. Що мы, епископъ, чуючи, и встыдатися и поболѣвати мусимо" (61).

Читатель, вѣроятно, замѣтилъ уже, что преобладающей нотой во всѣхъ этихъ наставленіяхъ является желаніе Шумлянскаго, чтобы духовенство имѣло—„повагу у пановъ". Желаніе это очень понятно: паны, шляхта, это былъ единственный полноправный и всемогущій общественный слой въ Польшѣ, сближеніе съ которыми могло поднять значеніе загнаннаго и пренебрегаемаго православнаго духовенства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожалѣть о томъ, что Шумлянскій ставилъ своему духовенству безъ всякой оговорки, какъ образецъ достойный подражанія или даже какъ предметъ подобострастія, тотъ

общественный классъ, который въ то время быстро клонился къ нравственному и политическому разложенію, доведшему до паденія Польши, и который былъ главнымъ виновникомъ той забитости и того униженія, въ какомъ находилось православное мірское духовенство. Какой поразительный контрастъ представляетъ въ этомъ отношеніи Шумлянскій съ строгимъ аскетомъ Іоанномъ Вишенскимъ, который училъ своихъ соотечественниковъ „не надѣяться на пановъ даже русскаго рода“, пренебрегать внѣшнимъ блескомъ, и самъ своимъ „невытертымъ черевичищемъ“ потопталъ все то, что составляло современную польскую цивилизацію. Ежели считать Іоанна Вишенскаго типическимъ представителемъ южнорусской интеллигенціи конца XVI вѣка, а Шумлянскаго такимъ же представителемъ конца XVII вѣка, то отношеніе ихъ къ польской цивилизаціи указываетъ намъ коренную перемѣну понятій и направленій, какая въ теченіи столѣтія произошла въ средѣ южнорусской интеллигенціи. Аскетическая простота и презрѣніе ко всему мірскому смѣнились желаніемъ во чтобы то ни стало сравняться съ панами и занять мѣсто въ ряду польскихъ привилегированныхъ классовъ. Школа должна теперь давать не одно знаніе догматовъ и ученій, но и свѣтскій лоскъ, умѣніе обращаться и говорить съ панами. Для Вишенскаго православное ученіе, догматы и обряды—все; къ духовенству низшему и высшему онъ относится критически, почти съ пренебреженіемъ. У Шумлянскаго въ головѣ носится образъ духовенства богатаго, организованнаго и пользующагоси всѣми шляхетскими привилегіями.

Нельзя однакоже сказать, чтобы Шумлянскій въ одной только одеждѣ видѣлъ признаки культурности. Мы уже привели то мѣсто, гдѣ онъ уговариваетъ духовенство отдавать своихъ сыновей въ школы, хотя нѣтъ сомнѣнія, что школьное дѣло не было очень близко его сердцу. Въ его „нравоученіи“ есть еще одно мѣсто, которое указываетъ, что онъ нѣсколько шире глядѣлъ на призваніе духовенства, желалъ видѣть его классомъ дѣйствительно интеллигентнымъ, просвѣтителемъ народа. Конечно, какъ человѣкъ практическій, онъ считался съ данными

состояніемъ духовенства, и потому его требованія въ этомъ отношеніи были болѣе чѣмъ скромныя. „По божественной литурѓіи, звлаща въ недѣлю або въ свято значное не отпущати людей, ажъ ихъ первѣй чого доброго научишь; аже нѣмашъ нѣчого лѣпшого кождому человѣку христіанскому, яко умѣти въ Бога вѣрити и ему молитися, прето повиненъ священникъ своимъ пароѳіяномъ напервѣй Вѣрую въ единаго Бога: все порядне зъ книжки выразне прочитати, потомъ Отче нашъ: также и Богородице Дѣво промовити, и наказати, абы ся того конечне всѣ малыи и великіи, мущизни и невѣсты учили, звлаща въ дни святые. А если тежъ маетъ кто книгу якую учительную, отъ церкве святои принятую, то нехай не лѣнуется слово якое душеполезное, звлаща дню и святу служащее прочитати. А хочай бы парохіане и тескнили, слухати тя не хотѣли, еднакъ же тебѣ, о іерею, чести и учити подобаетъ. Пойдутъ люде, останутъ стѣны церковныя, тымъ повѣдай слово Божіе, а тіи тебѣ на страшномъ судѣ свѣдительствовати будутъ, же былесъ благимъ и нелѣнивымъ рабомъ Господа своего“ (59—60). Далѣе, онъ рекомендуетъ духовенству книгу, имъ самимъ изданную, какъ самое лучшее и необходимое чтеніе. „Маетежъ вы честніи священницы чимъ иншимъ, а лѣпшимъ, нѣжъ загадками, бавитися такъ въ дому, яко и на праздникахъ, ґдыжъ кромѣ инныхъ многихъ богодухновенныхъ книгъ маете чести ваша отъ мене вамъ умысльне для духовнои забавы и науки выданную зъ уневскои друкарнѣ книжку, названную Зверцадло, въ которой досыть потребная, любо вкоротце, еднакъ выразне описалася вамъ наука о седми сакраментамъ святыхъ, о десятеромъ бозскомъ приказаню и о артикулахъ вѣры святои православно-каѳолической; туюжъ читайте, зъ той зъ собою диспутуйте, але не попившися“. (61—62).

Мы исчерпали все содержаніе „Нравоученія“ Шумлянскаго и надѣемся, что по сдѣланнымъ нами выпискамъ читатель и самъ убѣдится въ важности этого сочиненія для исторіи общественнаго развитія южной Руси. Намъ остается только привести еще интересное окончаніе, въ которомъ Шумлянскій говоритъ о своей типографіи, и о „Метрикѣ“, которую онъ рекомендуетъ

духовенству. „Сію же книжку рекомую метрика южъ зъ нашеи катедральнои львовскои ново-зафундованои типографіи альбо друкарнѣ выдалисмо на свѣтъ для поправи обычаевъ необычайныхъ то естъ священниковъ непристойныхъ, за которыхъ поправою можетъся имъ поправити на томъ, що самй собѣ необычностю своею зопсовали. Не лѣнуйтежъ ся ей собѣ причитати, а узнаешъ и признаешъ, же то все потребно, що ся тутъ написано. Не утыскуй на то, же тую книжку метрику приказуемъ и хочемо цалье у каждого зъ васъ мѣти и часу певного видѣти ей схочемо: бо яко ся зъ нею обезнаешъ, признаешъ, же естъ вельми потребна".

„А любо треба ей заплатити, и тому не дивуйтеся честніи отцеве, бо вѣдаете добре, же и намъ друкарня не пришла даромъ. Мусѣлисмо ей добре оплатити. А же тую друкарню не на свою якую прывату анѣ примноженье добръ на кревныхъ моихъ постаралемся выставити, тылько найпервѣй для умноженія книгъ ку помноженю хвалы Божой служачихъ, повторе для поправи и оздоби церкве святой великомученика Христова Георгія катедральнои, и для выживленя при той же церквѣ святой зостаючихъ законныковъ священниковъ, діаконовъ, монаховъ, ґдыжъ жаднои иншои до той церкве нѣмашъ маетности. Анѣ на свой теди пожитокъ, анѣ на кревныхъ своихъ, тылько на помененную церковъ и при ней зостаючихъ людей духовныхъ всю интрату обертати хочу, и обѣцую. Аже бы то и по смерти моей непорушно трвало, и отъ катедры нашой львовской не отходило, тестаментомъ моимъ и актами ґродзкими зтвердити того не понехаю, фундаментъ тежъ тоейже друкарнѣ маю: Привѣльей наяснѣйшаго монархи Іоана третего кроля пана, намъ щасливе пануючого, з которого ласки по ласце Божой, маю и безъ друкарнѣ хлѣба досытъ на мою потребу.

„Нехай теды сія книга названная метрика, не будетъ вамъ честніи отцеве тяжесная, вшакъ не великая а много потребная. Не жалуетъ другій на кварту и на ґарнецъ заразливого трунку, которій можетъ обезумити, а чемужъ маешъ жаловати на книжку, которая тя можетъ умудрити о Господѣ.

„Прошу́ те́ды и па́стырско жа́даю, пріймѣте ю я́ко пе́ршое дѣло пра́цы и стара́ня типографіи на́шой, гды да́сть ли Господь Богъ дочека́ти ча́су помѣстныхъ собо́ровъ, схо́чемо самй ва́съ посѣщати и ко́ждого зъ ва́съ схо́чемо вйдѣти, а́ще пребу́дете въ семъ наказа́ніи въ любвѣ къ на́мъ па́стыреви своему, и въ своѐмъ священническомъ зва́ніи и послуша́ніи святомъ, кото́рое же въ пйсмѣ Божомъ называется живото́мъ, а преслуша́ніе сме́ртію. Жйчу те́ди ва́мъ, о всечестніи отцѣве и бра́тія о Христѣ, ту́тъ вре́меннаго на землй, а вѣчнаго живота́ въ небѣ. Послуша́нія святого цно́ту, при концу́ сего́ наказанія моего па́стырского залѣца́ю. А я́ко нача́лемъ сіе мое архіере́йское и па́стырское къ вамъ наказа́ніе отъ словесъ царству́ющаго пророка Давида, такъ и кончу́ его́ зъ ты́мъ же пророкомъ святы́мъ, его́ святы́ми сло́вы до васъ мовячи: Пріймѣте наказа́ніе, да не ко́гда прогнѣва́етъ ся Господь: Емуже честь и держава вѣчная. Аминь“ (63—68).

Если сравнить это посланіе воина и шляхтича Шумлянскаго съ тѣми безтолковыми и очень часто безграмотными пастырскими посланіями, какія издаютъ уніатскіе галицко-русскіе владыки въ XIX вѣкѣ, то намъ придется признать за сочиненіемъ Шумлянскаго несравненно болѣе жизненности, практичности, теплоты и даже литературныхъ достоинствъ, чѣмъ за всѣми современными изданіями этого рода. И потому намъ кажется, что „Метрикѣ“ Шумлянскаго должно быть отведено свое, хотя бы и скромное, мѣсто въ исторіи южнорусской литературы XVII вѣка.

Что касается языка „Метрики“, то по сдѣланнымъ нами извлеченіямъ изъ этой книги читатель, надѣюсь, будетъ имѣть возможность составить себѣ о немъ достаточное понятіе. Замѣчу только, что, не считая примѣсей польскихъ и церковнославянскихъ, довольно, впрочемъ, незначительныхъ, языкъ этотъ вообще довольно близокъ къ народному нарѣчію червоннорусскому. Ударенія скопированы нами со всей точностью потому, что въ нихъ мы замѣчаемъ особенности, не встрѣчающіяся въ нынѣшнемъ народномъ языкѣ (грѣхъ—грѣха, пи́смо и проч.), или же особенности, свойственныя нарѣчіямъ подольскому и

украинскому (того́, сего́, выживле́ня и проч.). Правописаніе, въ подлинникѣ очень непослѣдовательное, отчасти сглажено въ нашей транскрипціи; конечно, мы удержали все, что можно считать хоть сколько нибудь характернымъ (смѣшеніе ы съ и, напр. оздоби, которіе, вымишляютъ и проч.). Равнымъ образомъ и знаки препинанія разставлены нами болѣе сообразно нынѣшнимъ требованіямъ, такъ какъ въ подлинникѣ они перепутаны до того, что иногда смыслъ текста становится неудобопонятенъ.

Миронъ.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1])

VI.

Кременчугъ.

На другой день послѣ свиданія съ королемъ польскимъ, 26 апрѣля, въ 4 часа утра, по сигналу съ галеры Днѣпра флотилія снялась съ якоря и до 11 часовъ прошли только 30 вер. Послѣ стола, по случаю противнаго вѣтра, плаваніе было очень затруднительно и, пройдя только 2 версты, принуждены были остановиться на ночлегъ, близъ мѣстечка Домантова.

Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ: „26 апрѣля. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, были довольны, что избавились вчерашняго безпокойства. Кн. Потемкинъ ни слова не говорилъ; принуждена была говорить безпрестанно; языкъ засохъ; почти осердили, прося остаться. Король торговался на 3, на 2 дни или хотя для обѣда на другой день“.

Императрица 26-го же апрѣля писала къ графу Брюсу: „Вчерашней день моя галера была грузна, мы цѣлый день стояли на якорѣ противу Канева, мои шлюбки посланы были въ 11 часовъ по короля польскаго и онъ съ своею свитою чрезъ часъ пріѣхалъ на мою галеру и мы были вмѣстѣ часовъ девять, потомъ шлюбки мои отвезли паки его величество, а сего утра на разсвѣтѣ мы паки подняли якори и пошли въ путь. А сегодня послѣ обѣда я чаю Левъ Александровичъ (Нарышкинъ) отъ трусости занеможетъ, понеже вѣтръ сдѣлался такой крѣпкой,

[1]) „Кіевская Старина“, 1891 г., № 5.

что послѣ обѣда, прошедъ верстъ съ пять, принуждены стать на якори и Днѣпръ сильно волнуется и непріятный аспектъ имѣетъ. Мы всѣ здоровы, нечего дѣлать то пишу къ вамъ. Скажите Аннѣ Никитишнѣ (Нарышкиной), что король польскій у меня спрашивалъ объ ней и я ему сказывала, comme on l'a purgée depuis le premier de janvier jusqu'au dernier de decembre. Только онъ такъ перемѣнился, что его узнать нельзя, я чаю онъ тоже скажетъ. Я нахожу, что Днѣпръ бурлитъ болѣе Невы и Волги. Прощайте, Богъ съ вами. Съ галеры Днѣпръ, на Днѣпрѣ 26 апрѣля 1787 года".

27 апрѣля, въ день рожденія великаго князя Константина Павловича, противный вѣтеръ продолжался; утромъ съ 5 часовъ до 10 проплыли только 21 версту и, миновавъ польскій городъ Черкасы, остановились къ обѣду въ виду острова Корчиватаго.— По желанію императрицы, приглашены были къ обѣду на галеру Днѣпръ: статсъ-дамы Браницкая и Скавронская, Нарышкинъ, гр. Ангальтъ, принцъ де-Линь и посланники; остальная свита обѣдала на галерѣ Десна. Тостъ за здравіе новорожденнаго былъ провозглашенъ императрицею, при чемъ съ галеры Днѣпръ сдѣлано 15 пушечныхъ выстрѣловъ. Весь день былъ сильный противный вѣтеръ, почти буря, которая стихла только къ 6 часамъ; тогда рѣшились пуститься въ путь, но пройдя 9 верстъ, въ 8 часу остановились на ночлегъ противъ польскаго села Измагайловки. Въ 9 часовъ вечера, по сигналу съ галеры Днѣпръ, приглашены были къ императрицѣ на „*партію*" кн. Потемкинъ и гр. Кобенцель.

Въ этотъ день многіе изъ путешествовавшихъ были безъ обѣда. Вотъ что случилось: придворный главный кухмистеръ доложилъ еще въ Кіевѣ, что кухонныя барки такъ дурно построены, что неизбѣжно должны сгорѣть; но его докладъ не повелъ ни къ чему. Когда обѣ барки стояли близъ города Черкасъ на якорѣ, загорѣлось на обѣихъ. Одна, первая, сильно пострадала, вторая менѣе. Слуги пассажировъ съ одного бичеваго судна, отправляясь за кушаніемъ для своихъ господъ, достигли первыми до горѣвшей кухни и увидѣли множество людей, кричавшихъ о помощи и требовавшихъ, чтобы ихъ взяли на служительскую

шлюпку. Но слуги были на столько осторожны, что поскорѣе удалились, боясь, что слишкомъ много народа, спасаясь къ нимъ въ шлюпку, потопитъ ее.

Но тутъ со всѣхъ сторонъ подоспѣли другія шлюпки и грузъ, такимъ образомъ, раздѣлили. Понятно, что по этому случаю вся флотилія должна была довольствоваться обѣдомъ весьма скуднымъ [1]).

28 апрѣля, по утру въ 3 часу снялись съ якоря; въ исходѣ 12 часа, проѣхавъ 28 верстъ, становились къ обѣду противъ острова Желтенки. Послѣ обѣда проѣхали 17 верстъ и на ночлегъ въ 7 ч. вечера стали на якорь противъ села Яленцы. Въ этотъ день императрица писала къ Брюсу: „Вчерашній день мы не болѣе отошли какъ верстъ тритцать и теперь верстъ 90 отъ Кременчуга находимся; тутъ я получила ваше письмо отъ 15 апрѣля. Мы всѣ здоровы. Обходя непрестанно косъ и өтмели при крѣпкихъ всякихъ вѣтрахъ, никто смѣшнѣе при сихъ обстоятельствахъ не бываетъ, какъ Левъ Александровичъ; онъ переселился ко мнѣ на галеру и спитъ въ моей передней каютѣ и думаетъ, что тутъ ему лучше, нежели на той, гдѣ былъ съ оберъ-камергеромъ (И. И. Шуваловымъ). Сей еще болѣе труситъ, нежели самъ оберъ-штальмейстеръ, впрочемъ всѣ веселы и здоровы, mais nous sommes contrariés et retardés par les vents. Надѣемся со всѣмъ съ тѣмъ быть завтра или послѣ завтра рано въ Кременчугѣ. Причину вѣтровъ урывистыхъ, кажется, съ вѣроятностію приписать можно польскому берегу, который весьма высокъ, а между вышинъ заразы, отъ чего вѣтры аки сквозные дуютъ, когда противу нихъ сравняемся“.

Весь день 28 апрѣля свирѣпствовала буря; а между тѣмъ приходилось плыть между пороговъ; гребцы выбились изъ силъ, чтобы избѣгнуть ихъ; графъ Ангальтъ, Безбородко и другіе принялись помогать гребцамъ и только этимъ избавились отъ опасности. (См. Сбор. р. истор. об. т. 26).

Храповицкій же объ этомъ обстоятельствѣ, подъ 29 апрѣля, отмѣтилъ: „Вычернено изъ Журнала, что вчера по утру при-

---

[1]) Смот. Taurische Reise, стр. 99.

жало къ берегу галеру „Днѣпръ", на которой находилась императрица, для того дабы не вышло пустыхъ разглашеній и толковъ".

29 апрѣля, снялись съ якоря въ 4 часа; обѣдъ не доходя польскаго села Липова. На ночлегъ остановились ниже устья рѣки Тясмина, протекающей противъ мѣстечка Крылова и составляющей границу Польши съ намѣстничествомъ екатеринославскимъ. Здѣсь, на легкихъ судахъ, выѣхали на встрѣчу флотиліи екатеринославскій губернаторъ, генералъ-маіоръ Иванъ Максимовичъ Синельниковъ, губернскій предводитель, бригадиръ Лалошъ, уѣздные предводители и дворянство. Народъ съ криками „ура!" выбѣжалъ толпами на берегъ.

Потемкинъ постарался украсить берега Днѣпра. Иногда появлялись въ виду проходившей флотиліи крестьяне съ пѣснями и музыкою, выходило духовенство и козаки гарцовали на проворныхъ своихъ скакунахъ, или отряды вновь образованной Потемкинымъ кавалеріи въ новой легкой формѣ. Иностранцы писали даже басни о какихъ то декораціяхъ, изображавшихъ постройки, для очарованія днѣпровскихъ путешественниковъ. (См. Смоленскія Губ. Вѣд. 1871 г. № 10—14).

30 апрѣля въ 5 часовъ утра пустились въ путь и въ 9 часовъ стали на якорь противъ города Кременчуга. Пушечная пальба съ городской батареи загремѣла, когда флотилія была еще за двѣ версты отъ города, а когда галера „Днѣпръ" легла передъ городомъ, то съ нея салютовали городу 9-ю выстрѣлами. Когда императрица сѣла въ шлюпку, то началась снова пальба, а въ церквяхъ колокольный звонъ. На пристани встрѣтили императрицу: Амвросій, архіепископъ екатеринославскій и херсонесо-таврическій съ крестомъ и князь Потемкинъ, какъ генералъ-губернаторъ екатеринославскаго намѣстничества, съ „генералитетомъ".

Приложившись ко кресту, предшествуемая духовенствомъ, императрица шла пѣшкомъ до тріумфальныхъ воротъ, на которыхъ помѣщены были музыканты съ трубами и литаврами; пѣвчіе въ это время пѣли: „*Воспойте людіе боголѣпно въ Сіонѣ*" и молитву „Воздадите Христу во Іерусалимѣ, Самъ грядетъ во

славѣ со областію". (См. К.-ф. журналъ 1787 г. стр. 353). За императрицею шла вся ея свита, посланники и генералитетъ; у воротъ встрѣтили императрицу магистратъ и купцы съ хлѣбомъ и плодами; здѣсь императрица сѣла въ двухмѣстную карету, въ которой и слѣдовала въ приготовленный для нея домъ генералъ-губернатора. Вновь выстроенный губернаторскій домъ, точно дворецъ, имѣлъ по обѣ стороны двѣ площадки и громадныя тріумфальныя ворота. Входъ съ рѣки передъ домомъ былъ выстроенъ въ видѣ театра, но такъ не прочно, что чрезъ четыре недѣли все провалилось. Собственно до дворца или дома генералъ-губернатора было около трехъ верстъ отъ берега. Тамъ были устроены громадный залъ, большой апартаментъ для императрицы, спальня съ колоннами, за которыми скрывалась кровать, такъ точно какъ въ Царскомъ Селѣ. Все это было воздвигнуто въ шесть недѣль. Такъ, напр., было выписано съ экстренной почтой около 20,000 оконныхъ стеколъ, для того только, чтобъ найти между ними хоть нѣсколько сотенъ цѣлыхъ [1]). По обѣ стороны пути, по которому проѣзжала императрица, стояли *легкоконные* полки: сумской, ахтырскій, изюмскій, харьковскій, павлоградскій и маріупольскій, батальонъ екатеринославскій гренадерскій и четыре батальона бугскаго егерскаго корпуса; къ самому же дому генералъ-губернатора примыкалъ екатеринославскій кирасирскій. Передъ каретою императрицы верхами ѣхали: городничій, городская команда и дворяне; возлѣ кареты—фельдмаршалъ князь Потемкинъ, генералъ-аншефы: кн. Ю. В. Долгоруковъ и Текелли; генералъ-поручики: Гейкинъ, гр. Румянцевъ и Левашевъ; генералъ-маіоры: Дунинъ, Голенищевъ-Кутузовъ, Аршеневскій, баронъ Ферзенъ и Волковъ; затѣмъ штабъ и оберъ-офицеры. Шествіе замыкалъ екатеринославскій кирасирскій полкъ съ штандартомъ и обнаженными палашами. Когда карета императрицы приблизилась ко дворцу, изъ поставленныхъ передъ нимъ пушекъ произведена пальба; на подъѣздѣ встрѣтилъ императрицу гофмаршалъ кн. Барятинскій. Послѣ обѣда, въ 5 часовъ, въ тронной залѣ былъ концертъ,

---

[1]) См. Taurische Reise. Koblenz, 1799, стр. 103.

исполненный 186 пѣвцами и музыкантами кн. Потемкина; они исполняли итальянскую кантату, сочиненную къ пріѣзду императрицы въ Кременчугъ капельмейстеромъ Сартіемъ. Концертъ продолжался часъ времени и потомъ во внутреннихъ покояхъ императрица забавлялась игрою въ карты. Домъ и садъ генералъ-губернатора были иллюминованы.

Въ тотъ же день, 30 апрѣля, императрица писала изъ Кременчуга къ Брюсу:

„Сего утра, часу въ осмомъ, мы кинули якорь предъ здѣшняго города и къ обѣду я поѣхала на берегъ и обѣдала въ здѣшнемъ генералъ-губернаторскомъ домѣ, который при прекрасной дубовой рощѣ и фруктовомъ регулярномъ садѣ; всѣ деревья, даже и дубъ раскинулся и тепло такъ, какъ у насъ въ іюлѣ; вообще съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали въ екатеринославское намѣстничество воздухъ и всѣ вещи и люди перемѣнили видъ и все кажется живѣе. Сегодня я имѣла удовольствіе видѣть на лицо то, про что старушечки всѣ твердили въ обѣихъ столицахъ будто только это находится на одной бумагѣ, то есть легкая конница. Я васъ могу увѣрить, что треть ее находится здѣсь не бумажная, но прекраснѣйшее какое только видѣть можно. Мы всѣ здоровы. Половина Польши и сюда прискакала и Кременчугъ еще люднѣе гораздо и если смѣть сказать лучше Кіева, по крайней мѣрѣ мѣстоположеніе веселѣе“.

Въ письмѣ къ Еропкину въ Москву императрица въ тотъ же день писала гораздо подробнѣе:

„Петръ Дмитріевичъ! сего утра я благополучно и здорова пріѣхала на галерѣ сюда, въ Кременчугъ. Здѣсь я нашла треть прекрасной легкой конницы, той, про которую нѣкоторые незнающіе люди твердили до нынѣ, будто она лишь счисляется на бумагѣ, а въ самомъ дѣлѣ ее нѣтъ, однако же она дѣйствительно на лицо и такова, какъ можетъ быть, еще никогда подобной не бывало, въ чемъ прошу, разсказавъ любопытнымъ, слаться на мое письмо, дабы перестали говорить неправду, а отдавали бы справедливость усердно мнѣ и имперіи въ семъ дѣлѣ служащимъ. Здѣсь всѣ деревья безъ изъятіи раскинулись и тепло какъ у насъ въ іюлѣ. Здѣшній городъ веселѣе Кіева.

Генералъ-губернаторскій домъ, въ которомъ теперь нахожусь, съ пріятной дубовой рощей и фруктовымъ садомъ; домъ великъ и прекрасно расположенъ; зала обширна. Здѣсь людство необычайное и многіе поляки и сюда за нами послѣдовали. Въ здѣшней губерніи трудъ и прилежность вездѣ ощутительны, что мнѣ весьма пріятно. Третьяго числа мая думаю ѣхать отселѣ паки водою до днѣпровскихъ пороговъ. Пребываю къ вамъ доброжелательною. Кременчугъ, апр. 30, 1787 г. [1]).

На другой день, 1 мая, въ 10 часовъ утра, въ тронной залѣ собрались представиться императрицѣ всѣ знатныя особы и духовенство; во главѣ первыхъ былъ князь Потемкинъ, во главѣ духовенства архіепископъ Амвросій. Передъ обѣдомъ Потемкинъ представлялъ императрицѣ трехъ депутатовъ отъ осетинскаго народа; депутаты отъ племенъ туюганскаго, кубаданскаго и карабусинскаго, желавшихъ принять св. крещеніе. Къ столу приглашенъ былъ, между прочими, и знаменитый впослѣдствіи Суворовъ; во время стола была инструментальная и вокальная музыка—и, между прочимъ, исполнена была кантата, сочиненная придворнымъ капельмейстеромъ Сартіемъ на случай прибытія императрицы въ Кременчугъ. Вечеромъ, поигравши въ карты, императрица пѣшкомъ осматривала иллюминацію передъ генералъ-губернаторскимъ домомъ [2]).

Въ этотъ день императрица писала къ Салтыкову:

„Николай Ивановичъ! Вчерашній день по утру я пріѣхала сюда благополучна и здорова и нашла все здѣсь въ самомъ лучшемъ виду, погода самая лѣтняя, всѣ деревья и самые дубы распустились. Здѣсь я нашла три легкоконные полка, т. е. треть тѣхъ, про которыхъ покойный Панинъ и многія иныя старушенки говорили, что они только на бумагѣ, но вчерась я видѣла своими глазами, что тѣ полки не карточные, но въ самомъ дѣлѣ прекрасные. Князь Юрья Владимировичъ здѣсь не одинъ. Я ему говорила, что если онъ къ Натальи Влади-

---

[1]) См. Сочиненія Екатерины II, изд. Смирдина, Спб. 1850.

[2]) Щитъ, представлявшій въ „прорѣзи [храмъ, съ приношеніемъ жертвы и съ разными по сторонамъ изображеніями“ (К.-ф. журналъ 1787, стр. 368).

мировнѣ или къ вамъ писать хочетъ, что я письмо перешлю, что удетъ, то незнаю, есть ли пришлетъ, то получите съ симъ курьеромъ". (См. Р. Архивъ. 1864, стр. 966).

2 мая утромъ, передъ выѣздомъ императрицы къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ, представлялись ей купечество елисаветградское, крюковское и крыловское и поднесли хлѣбъ-соль, апельсины, лимоны, яблоки, банки съ разными вареньями и фруктами.

Въ Успенскомъ соборѣ передъ литургіею, въ присутствіи императрицы, было совершено посвященіе нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря архимандрита Дорофея въ епископы ѳеодосійскіе и маріупольскіе.

Обѣдъ въ Кременчугѣ въ этотъ день былъ на 62 персоны; къ столу приглашены были: духовенство, высшіе гражданскіе и военные чины, между которыми былъ и Суворовъ. Вечеромъ былъ балъ, передъ началомъ котораго статсъ-дама графиня Браницкая представила императрицѣ „дамъ знатнаго генералитета, чиновниковъ и дворянъ, въ Кременчугѣ находившихся". (К.-Ф. Ж.)

Адмиралъ Дмитрій Николаевичъ Сенявинъ, посланный въ маѣ 1787 г. гр. Войновичемъ къ Потемкину съ важными депешами, записалъ слѣдующія очень любопытныя подробности о пребываніи императрицы въ Кременчугѣ [1]):

„По пріѣздѣ моемъ въ Кременчугъ, князь приказалъ мнѣ отдохнуть; это было подъ вечеръ и въ тотъ самый день, когда дворянство дѣлало великолѣпный балъ въ галлереѣ, нарочно построенной для сего празднества. Я былъ тогда молодъ, здоровъ и, несмотря на то, что въ два дня проскалалъ 300 верстъ верхомъ, на летучей казачьей почтѣ, и столько жъ верстъ сдѣлалъ на перекладныхъ дрянныхъ повозкахъ, разсудилъ, что высплюсь еще дорогою и на мѣстѣ, а теперь останусь во дворцѣ позѣвать (на балѣ я не могъ быть дѣй-

[1]) Сенявинъ, Дмитр. Николаев., адмиралъ, родился 1763 г. въ селѣ Комлевѣ, боровскаго уѣзда калужск. губерн., ум. 5 апр. 1831 г.. Отецъ его Николай Ѳедор. служилъ въ морской службѣ. Родоначальникъ фамиліи Сенявиныхъ польскій дворянинъ Рафаилъ Грановскій. (См. Морской Сборникъ 1855 г. № 4).

ствующимъ, потому что не было со мной изъ платья ничего кромѣ дорожнаго); въ восемь часовъ вечера государыня изволила выйти изъ внутреннихъ своихъ покоевъ въ залу и, лишь только подошла къ среднему открытому окну, какъ въ самый тотъ моментъ упалъ занавѣсъ, закрывающій вдали и прямо предъ нею тріумфальныя ворота, и тріумфъ сей показался ей во всемъ блестящемъ сіяніи. Народъ, во множествѣ окружавшій дворецъ, прокричавъ нѣсколько разъ „ура!", умолкъ. Императрица, любуясь и похваляя какъ будто въ огнѣ сіяющія тріумфальныя ворота, изволила сказать: „все очень хорошо, очень хорошо, но чего то недостаетъ"; князь тотчасъ понялъ, что недостаетъ, приказалъ музыкѣ играть и пѣсни пѣть и въ тоже время отвѣчалъ: „виноватъ, государыня, недоразумѣніе случилось" (все это было приготовлено, но было приказано не начинать прежде, пока приказано будетъ); вдругъ музыка заиграла, пѣсни въ разныхъ мѣстахъ запѣли и народъ заплясалъ. Государыня, услышавъ музыку, пѣсни и увидѣвъ движеніе народа, показала себя, какъ будто тѣмъ была обрадована".

„На другой день князь, апробовавъ распоряженія графа на принятіе государыни по прибытіи ея въ Севастополь, приказалъ мнѣ ѣхать обратно" [1]).

На слѣдующій день (3 мая), въ исходѣ 12 часа утра, императрица въ двумѣстной каретѣ, посадивъ съ собою графиню Браницкую, отправилась къ пристани; передъ каретою ѣхали верхами городничій, дворяне и эскадронъ кирасирскаго полка съ штандартомъ, трубами и литаврами; за каретою слѣдовали верхами кн. Потемкинъ и всѣ генералы; съ батареи стрѣляли изъ пушекъ и въ городѣ въ церквахъ звонили въ колокола.

На пристани ожидало духовенство съ крестомъ и св. водою; у тріумфальныхъ воротъ императрица вышла изъ кареты, приложилась ко кресту и, пожаловавъ духовенство къ рукѣ, на шлюпкѣ переѣхала на галеру „Днѣпръ". Пушечная пальба и колокольный звонъ не прекращались до вступленія императрицы на галеру; къ обѣду всѣ были приглашены на столовую галеру

---

[1]) См. Морской Сборникъ 1855 г., № 4, стр. 139.

„Десна“, въ продолженіи стола игралъ придворный оркестръ. Послѣ обѣда императрица возвратилась на галеру „Днѣпръ“ и въ два часа данъ сигналъ подняться съ якоря. При сильномъ и противномъ юго-западномъ вѣтрѣ галеры едва могли двигаться, но въ 6 часу погода стихла и, проѣхавъ отъ Кременчуга всего 17 верстъ, остановились на ночлегъ противъ слободы Свято-Троицкой.

Выѣхавъ изъ Кременчуга, императрица писала къ Салтыкову: „На галерѣ „Днѣпръ“ на Днѣпрѣ, верстахъ въ осми отъ Кременчуга мая 3 ч. 1787, стоя на якорѣ по причинѣ сильнаго урывистаго вѣтра.

Николай Ивановичъ! Сего дня, передъ тѣмъ, чтобъ ѣхать изъ Кременчуга, я получила ваши письма отъ 22 апрѣля; радуюсь, что вы съ великими князьями здоровы. Съ симъ же курьеромъ получила подтвержденіе отъ вел. княгини, что въ газетахъ ложно напечатано о ея беременности. Въ Кременчугѣ намъ всѣмъ весьма понравилось, наипаче послѣ Кіева, который между нами не единаго не получилъ партизана, и естьли бъ я знала, что Кременчугъ таковъ, какъ я его нашла, я бы давно переѣхала въ немъ жить вмѣсто кіевскаго пребыванія. Домъ генералъ-губернаторской прекрасной, веселой и покойной. Вчерашній день былъ балъ, и я нашла людство превеликое, между прочими княгиня Катерина Александровна Долгорукова, и понеже уже давно, десять лѣтъ прошло, и сей бракъ закономъ покрытъ, то и не усумнилась по сему обстоятельству ее принять, и она крайне казалась признательна, и мы обошлись весьма ласково и пріятно. Князь Юрій же Владиміровичъ таковъ веселъ, какъ я давно его не видала; онъ проводилъ меня на галеры и съ нами обѣдалъ. Чтобъ видѣть, что я не попусту имѣю довѣренность къ способности фельдм. князя Потемкина, надлежитъ пріѣхать въ его губерніи, гдѣ всѣ части устроены какъ возможно лучше и порядочнѣе: войска, которыя здѣсь таковы, что даже чужестранные оныя хвалятъ не ложно; города строятся, недоимокъ нѣтъ. Въ трехъ же малороссійскихъ губерніяхъ, оттого что ничему не дано движенія, недоимки простираются до милліона, города мерзкіе, и ничто не дѣлается. Здѣшній климатъ прекрасный: всѣ деревья въ цвѣтахъ. Я отъ роду не

видала такія грушевыя деревья, охвата въ два, какъ въ моемъ саду въ Кременчугѣ. Посылая подарки къ тѣмъ, кои трудились усердно около великихъ князей, могла ли я забыть горячее ваше объ нихъ попеченіе, и посылая къ другимъ, совѣстно бы было мнѣ не показать онымъ, что вы у меня первой въ спискѣ усердныхъ по сему случаю, а дружескія ваши объясненія пріемлю, какъ знакъ вашей ко мнѣ откровенности. Сіе письмо отправлю не прежде какъ изъ Кайдаковъ. До Кременчуга съ нами ѣхалъ маленькой Браницкой, и онъ тамо будетъ ждать моего возвращенія; у насъ съ нимъ дружба крайняя, и онъ такъ ко мнѣ привыкъ, что гдѣ только можетъ, то покинувъ родителей и хожатыхъ, ко мнѣ прибѣжитъ и безъисходно у меня, и мы съ нимъ по саду въ Кременчугѣ безъ хожатыхъ, безъ людей за просто хаживали, какъ съ большимъ человѣкомъ, и этотъ мальчикъ безцѣнной, уменъ, послушливъ, веселъ и забавенъ до крайности; естьлибъ былъ на улицѣ, а не графъ Браницкой, ябъ его не отпустила. Видно, что сіе письмо на досугѣ писано. Прощайте, Богъ съ вами. Пребываю къ вамъ доброжелательна [1]).

Мы кончимъ о пребываніи императрицы въ Кременчугѣ, свѣдѣніями, отмѣченными посланникомъ графомъ Сегюромъ въ его запискахъ:

„30 апрѣля мы благополучно прибыли въ Кременчугъ.

Скучное пребываніе въ Кіевѣ, зима и въ особенности недовольный видъ Румянцева расположили къ грусти веселую императрицу. По высадкѣ нашей въ Кременчугѣ иная картина представлялась взорамъ ея: весна, ожививъ природу, придала предметамъ праздничный видъ, и свѣтлая, прелестная зелень украшала все, даже болота. Домъ обширный, красивый, построенный и расположенный по вкусу Екатерины, англійскій садъ, въ которомъ волшебнымъ образомъ князь Потемкинъ насадилъ огромнѣйшія деревья; прекрасный видъ, украшенный тѣнистой зеленью, цвѣтами и водою; 12,000 вновь снаряженнаго войска; собраніе всего дворянства губерніи, въ богатыхъ нарядахъ, и

---

[1]) Русскій Архивъ 1864 г., стр. 966.

купцовъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ имперіи; наконецъ повсемѣстное движеніе послѣ трехмѣсячнаго покоя и близость къ цѣли этой необыкновенной поѣздки, занявшей вниманіе Европы, вотъ чѣмъ открылись для меня эти новыя зрѣлища. Удовольствіе Екатерины, при ежедневномъ видѣ новыхъ, занимательныхъ предметовъ, высказалось ясно. Потемкинъ, необыкновенный всегда и во всемъ, явился здѣсь столько же дѣятельнымъ, сколько былъ лѣнивъ въ Петербургѣ. Какъ будто какими то чарами умѣлъ онъ преодолѣвать всевозможныя препятствія, побѣждать природу, сокращать разстоянія, скрывать недостатки, обманывать зрѣніе тамъ, гдѣ были лишь однообразно песчаныя равнины, дать пищу уму на пространствѣ долгаго пути и придать видъ жизни степямъ и пустынямъ. Станціи были размѣщены такимъ образомъ, что путешественники не могли утомиться: флотъ останавливался всегда въ виду селеній и городовъ, расположенныхъ въ живописныхъ мѣстностяхъ. По лугамъ паслись многочисленныя стада; по берегамъ располагались толпы поселянъ; насъ окружало множество шлюпокъ съ парнями и дѣвушками, которыя пѣли простонародныя пѣсни, однимъ словомъ, ничего не было забыто.

Надобно согласиться, что хотя Потемкинъ былъ плохой полководецъ, своенравный дипломатъ и далеко не великій государственный человѣкъ, но за то былъ самый замѣчательный, самый ловкій царедворецъ. Впрочемъ, если бы и снять искусственную оболочку съ его созданій, то осталось бы все-таки много существеннаго. Когда онъ принялъ въ управленіе эти огромныя области, въ нихъ было только 204,000 жителей; а подъ его управленіемъ населеніе въ нѣсколько лѣтъ возрасло до 800,000,— число, впрочемъ, еще незначительное для пространства на 800 верстъ въ длину и 400 въ ширину.

Приращеніе это составляли колонисты греческіе, нѣмецкіе, польскіе, инвалиды, уволенные солдаты и матросы. Одинъ французъ, поселившійся здѣсь за три года до нашего пріѣзда, сказалъ мнѣ, что, проѣзжая ежегодно эту страну, онъ находитъ новопостроенныя, богатыя селенія тамъ, гдѣ за годъ были пустыни.

Въ Кременчугѣ Потемкинъ доставилъ намъ зрѣлище большихъ маневровъ, въ которыхъ участвовали 45 эскадроновъ конницы и многочисленная пѣхота. Я рѣдко видывалъ такое прекрасное и блестящее войско. Движенія ихъ могли дать намъ понатіе объ этой тактикѣ, страшной для турокъ, хотя, можетъ быть, и недостаточной противъ другихъ войскъ. Впослѣдствіи мы дали имъ славные уроки, которыми они прекрасно воспользовались. Вся ихъ тактика въ то время, какъ я ихъ видѣлъ, состояла въ движеніи четырьмя колоннами съ цѣпью стрѣлковъ впереди, предшествуемыхъ козачьимъ отрядомъ. Предположивъ, что непріятель приближается въ значительныхъ силахъ, колонны строились въ четыре большіе трехшеренговые карре; козаки отступали за колонны и, построясь фронтомъ въ одну шеренгу, становились въ ихъ интервалы такимъ образомъ, что весь боевой порядокъ имѣлъ видъ четырехъ бастіоновъ и двухъ куртинъ; артиллерія становилась въ углахъ карре. Въ эту минуту, предполагая, что карре окружены непріятелемъ, какъ обыкновенно бываетъ въ сраженіяхъ съ турками, вдругъ открывался сильный огонь, послѣ котораго, если непріятель приведенъ въ замѣшательство, карре двигалось, стрѣлки высылались впередъ, а козаки, опустивъ пики, съ гикомъ бросались на опрокинутаго непріятеля, чтобы довершить его пораженіе.

Послѣ блистательнаго осмотра войскъ, императрица, чтобы выразить князю свое удовольствіе, въ порывѣ искренней радости сказала ему: „Отъ Петербурга до Кіева мнѣ казалось, что пружины моей имперіи ослабли отъ употребленія: здѣсь онѣ въ полной силѣ и дѣйствіи".

Слѣдуя непремѣнной привычкѣ своей, императрица и здѣсь принимала духовенство, мѣстное начальство и купцовъ, потомъ пригласила все дворянство на вечеръ, кончившійся баломъ и вслѣдъ за тѣмъ возвратилась на свою галеру".

Въ Кременчугѣ, къ пріѣзду императрицы, мѣстный поэтъ Завьяловъ написалъ огромную, торжественную *пѣснь*, которая была написана въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ* 1788 г. (іюньская кн., стр. 69 и слѣд.).

VII.

Отъѣздъ изъ Кременчуга. Свиданіе съ императоромъ Іосифомъ II.

3-го мая въ 2 часа по полуночи флотилія начала сниматься съ якоря, но съ большими неудачами по случаю сильнаго противнаго вѣтра. При самомъ отъѣздѣ изъ Кременчуга одно судно сѣло на мель, матросы работали по колѣна въ водѣ и успѣли освободить его. Въ 3 часа принуждены были опять остановиться; одинъ трешкоутъ также попалъ на мель, а въ это время на него налетѣло было судно съ живою съѣстною провизіею: съ курами, утками и др. птицами. Матросы и солдаты опять поработали. Въ 8 часу вечера прибыли на ночлежную станцію противъ слободы Свято-Троицкой [1]), отъ Кременчуга въ 17 верстахъ.

Отъ слободы Свято-Троицкой флотилія, 4 мая, по сигналу съ галеры „Днѣпръ", въ 3 часа ночи снявшись съ якорей, пошла въ путь и въ началѣ 11-го часа стала на якорь въ виду мѣстечка Переволочны, проплывъ 32 версты.

Отъѣзжая изъ Кременчуга, съ галеры императрица писала графу Брюсу: „Здѣшній климатъ почитаю лучшимъ въ имперіи; здѣсь безъ изъятія всѣ фруктовые деревья ростутъ на вольномъ воздухѣ, я съ роду не видала грушевыя деревья величиною и толщиной съ самаго большаго и толстаго дуба; воздухъ самый пріятнѣйшій; cette contrée est en verité un paradis... жаль очень, что несчастные времена и тогдашнее до моего царствованія положеніе границы не дозволяло оными пользоваться съ тѣми выгодами, кои имѣть могли; ici, sans forcer la nature, avec fort peu de soin et moins de depenses on aurait eu tout ce qu'on aurait voulu; quelle différence avec ce Kioff, si triste, si vilain, si sale et où à chaque pas l'on lit les malheurs qu' il a souffert depuis sa fondation.

Сіе письмо отправлено будетъ не преждѣ Кайдаки; я чаю, теперь мы проѣхали мѣстечко Калиберды; мы всѣ здоровы, какъ большіе, такъ и малые, и хотя со мною двѣ тысячи семьсотъ

---

[1]) См. Taurische Reise. Koblenz. 1799, стр. 190.

человѣкъ, но больныхъ только по вчерашній день шесть человѣкъ, слабыхъ же съ десяткой, то есть сегодня голова болитъ, а завтра паки здоровъ, и слѣдовательно и считать нечего, думаю, что и на мѣстѣ живучи не менѣе бываетъ, а весьма часто и болѣе. На галерѣ Днѣпръ. Мая 4 ч. 1787 г.“ [1]).

Послѣ обѣда, плаваніе было чрезвычайно затруднительно; по причинѣ противнаго вѣтра не могли проплыть болѣе 7 верстъ въ теченіе трехъ часовъ, и принуждены были остановиться не тамъ, гдѣ было предположено по маршруту, а легли на якорь близь слободы Чичиринской. На галерѣ Днѣпръ выкинули сигнальный флагъ „къ собранію“ на эту галеру. Императрица вышла въ залу, бесѣдовала и играла въ карты съ Мамоновымъ, Браницкимъ и Фицъ-Гербертомъ.

Сегюръ сообщилъ интересныя подробности о плаваніи отъ Кременчуга: „Несмотря на то, что рѣка становилась все шире и шире, плаваніе наше затруднялось. Часто противные или слишкомъ слабые вѣтры прибивали насъ къ островамъ или останавливали на мели; иногда мы принуждены были стоять на якорѣ цѣлыя сутки. Но видъ незнакомыхъ мѣстъ, любопытство при поѣздкѣ черезъ страну, гдѣ недавно еще жили запорожскіе козаки, разбойники и враги всякаго труда, а теперь поселились люди мирные и трудолюбивые, наконецъ удобства при жизни на нашихъ галерахъ, чтеніе и бесѣды, все это сокращало время такъ, что незначительныя остановки на этомъ дальнемъ пути доставляли намъ развлеченіе. Даже императрица, повидимому, была такъ довольна собою и нами, что съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ ожидала скораго окончанія нашего водянаго путешествія по Днѣпру; но вмѣстѣ съ тѣмъ она принуждена была поспѣшать, чтобы не заставить долго ждать императора, который тогда, по дошедшимъ къ намъ извѣстіямъ, уже прибылъ въ Херсонъ.

Де-Линь, будучи двадцатью годами старше меня, удивлялъ меня живостью своего воображенія и юношескимъ умомъ. Рано утромъ будилъ онъ меня стукомъ въ тонкую перегородку, которая отдѣляла его кровать отъ моей, и читалъ экспромпты въ

[1]) Изъ приложеній къ Камеръ-Фурьер. журн. 1787 г.

стихахъ и пѣсенки, только что имъ сочиненныя. Немного погодя, его лакей приносилъ мнѣ письмо въ 4 и 6 страницъ, гдѣ остроуміе, шутка, политика, любовь, военные анекдоты и эпиграммы были всѣ перемѣшаны очень оригинально. Онъ требовалъ немедленнаго отвѣта. Ничего не могло быть послѣдовательнѣе и точнѣе этой странной, ежедневной переписки, которую вели между собою австрійскій генералъ и французскій посланникъ, лежа стѣна объ стѣну въ галерѣ, недалеко отъ повелительницы сѣвера, на волнахъ Борисѳена, въ землѣ козаковъ и на пути въ страны татарскія! Множество разнообразныхъ забавъ, любопытные и остроумные разсказы Екатерины, дѣльные, хотя нѣсколько грустныя, разсужденія Фитцъ-Герберта, шутки Нарышкина и неутомимая веселость Кобенцеля, который заставлялъ насъ разыгрывать пьески въ спальнѣ государыни, все это пріятно разнообразило наше время.

Между тѣмъ, препятствія и задержки на пути умножились, нетерпѣніе государыни возрастало, какъ вдругъ мы получили извѣстіе, что императоръ, на другой день по пріѣздѣ въ Херсонъ, выѣхалъ оттуда и поспѣшилъ въ Кайдакъ, отъ котораго мы были недалеко. Императоръ намѣревался выѣхать на встрѣчу царской галерѣ“ [1]).

Дѣйствительно, это извѣстіе получено было во флотиліи во время обѣда (К.-Ф. ж.). Тотчасъ послѣ обѣда, по приказанію императрицы, поѣхали на встрѣчу императору генералъ-поручикъ графъ М. П. Румянцевъ, а съ нимъ отправился и посланникъ австрійскій графъ Кобенцель.

Свиданіе съ Іосифомъ II во время крымскаго путешествія было условлено еще въ 1780 году, когда онъ пріѣзжалъ въ Россію, а въ августѣ 1786 г. императрица увѣдомила Іосифа II о путешествіи черезъ Кіевъ. Императоръ въ декабрѣ 1786 года отвѣчалъ императрицѣ, что онъ пріѣдетъ непремѣнно въ Кіевъ [2]).

На слѣдующій день, 5-го мая, опять противный вѣтеръ былъ еще сильнѣе вчерашняго, такъ что, проплывъ 6 верстъ,

---

[1]) См. Записки графа Сегюра.

[2]) Госуд. арх., IV, 12.

остановились на якорѣ въ виду мѣстечка Орлика, на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Флотилію привѣтствовали съ берега: духовенство съ крестами и хоругвями, народъ бросалъ вверхъ шапки. Послѣ обѣда, въ половинѣ 3-го часа, попробовали подняться и въ теченіе трехъ часовъ прошли всего 10 верстъ и стали на якорь противъ села Глинскаго на правой сторонѣ по теченію Днѣпра.

6 мая еще хуже—прошли съ 4-хъ часовъ ночи до 8 часовъ утра 9 верстъ и здѣсь пробыли весь день и ночевали у слободы Григорьевки.

7 мая, неожиданно для всѣхъ, пріостановилось и затѣмъ прекратилось путешествіе императрицы водою на галерахъ. Въ 4-мъ часу утра, едва тронулась флотилія въ путь отъ слободы Григорьевки, какъ черезъ часъ времени на берегу показался экипажъ; закричали, чтобъ подали къ берегу шлюпку — и на ней пріѣхалъ прямо на галеру „Днѣпръ" графъ М. П. Румянцевъ, посланный, какъ мы видѣли, 4-го мая на встрѣчу императору. Не смѣли долго будить императрицу, но наконецъ при содѣйствіи Мавры Савишны Перекусихиной, доложили о пріѣздѣ Румянцева съ извѣстіемъ, что графъ Фалькенштейнъ еще вчера вечеромъ пріѣхалъ въ Новые Кайдаки и ѣдетъ на встрѣчу императрицѣ. Было уже 11 часовъ утра—надо было спѣшить и началась суматоха: надо было притянуть къ берегу конюшенную галеру, надо было свезти на берегъ экипажи, лошадей; все было исполнено очень удачно и скоро. Императрица сѣла въ свою шлюпку съ графинею Браницкою, Мамоновымъ и принцемъ де-Линемъ, переѣхала на берегъ, и пересѣла съ ними же въ четырехмѣстную карету. Въ шестимѣстной каретѣ поѣхали: камеръ-фрейлина А. С. Протасова, оберъ-шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ, гр. Безбородко, гр. Ангальтъ и гр. М. П. Румянцевъ.

О свиданіи съ Іосифомъ II императрица разсказала барону Гримму подробно въ письмѣ своемъ изъ Херсона отъ 15 мая (см. Русскій Арх. 1878. Апрѣль).

„Седьмого этого мѣсяца, находясь на своей галерѣ за Кайдаками, я узнала, что графъ Фалкенштейнъ скачетъ ко мнѣ

на встрѣчу во весь карьеръ. Я тотчасъ вышла на берегъ и тоже поскакала ему на встрѣчу, и оба мы такъ поусердствовали, что съѣхались въ чистомъ полѣ носъ съ носомъ. Первое слово его было, что вотъ де въ какой просакъ попались всѣ дипломаты: ни одинъ не увидитъ нашей встрѣчи. При немъ находился его посланникъ, при мнѣ принцъ де-Линь, красный кафтанъ и графиня Браницкая. Ихъ величества, помѣстившись въ одномъ экипажѣ, однимъ духомъ, безъ остановки, проскакали 30 верстъ до Кайдаковъ; но прискакавъ такимъ образомъ одни одинешеньки по полю (при чемъ онъ разсчитывалъ обѣдать у меня, я же разсчитывала найти обѣдъ у фельдмаршала князя Потемкина, а сей послѣдній вздумалъ поститься, чтобы выиграть время и приготовить закладку новаго города), мы нашли князя Потемкина только что возвратившимся изъ своей поѣздки и обѣда не оказалось. Но такъ какъ нужда дѣлаетъ людей изобрѣтательными, то князь Потемкинъ затѣялъ самъ пойти въ повара, принцъ Нассаускій въ поваренки, генералъ Браницкій въ пирожники, и вотъ ихъ величествамъ никогда еще, съ самаго дня ихъ коронаціи, не случалось имѣть такой блистательной прислуги и такого плохого обѣда, не взирая на то кушали, много смѣялись и удовольствовались обѣдомъ, приготовленнымъ пополамъ съ грѣхомъ".

Императоръ Іосифъ II также оставилъ намъ описаніе свиданія его съ императрицею и любопытныя свѣдѣнія о Херсонѣ, гдѣ онъ былъ проѣздомъ передъ этимъ свиданіемъ. Эти свѣдѣнія сохранились въ напечатанныхъ его письмахъ къ фельдмаршалу графу Ласси [1]).

Императоръ Іосифъ II прибылъ въ Херсонъ 3 мая, сухимъ путемъ, подъ именемъ графа Фалькенштейна—до прибытія туда императрицы. Осматривалъ со вниманіемъ всѣ строенія, корабли, дома, казармы; онъ особенно любопытствовалъ объ образѣ жизни солдатъ, употребляемыхъ для работъ и въ тоже время готовыхъ въ строй. Племянникъ Потемкина, А. Н. Самойловъ въ оставленныхъ имъ запискахъ сообщаетъ: „Осмотръ гошпи-

---

[1]) См. книжку Arneth. Joseph II und Katharina von Russland.

тали, съ какимъ приличіемъ они устроены и съ какимъ раченіемъ, императоръ изъявилъ командовавшему въ Херсонѣ корпусомъ генералъ-поручику Самойлову свое удивленіе, отдавая въ полной мѣрѣ справедливость мудрымъ распоряженіямъ и заведеніямъ князя Потемкина-Таврическаго" [1]).

Императоръ хитрилъ съ Потемкинымъ—хвалилъ въ глаза его распоряженія, а писалъ другое къ фельдмаршалу Ласси.

„Койдакъ 19 мая 1787. Любезный маршалъ, пишу это письмо, пользуясь свободнымъ временемъ,—пишу изъ запорожской деревни.

Императрица вчера не могла продолжать свое путешествіе водою по Днѣпру, вслѣдствіе бурной погоды; галера ея сѣла на мель и она рѣшилась ѣхать далѣе сухимъ путемъ.

Я въ это самое время ѣхалъ ей на встрѣчу, и мы съѣхались на разстояніи всего четверти часа отъ ея судовъ; она посадила меня въ свой экипажъ, и мы вмѣстѣ прибыли обратно въ Кайдакъ. Здѣсь оказалось, что вся ея прислуга отстала и потому некому было ни приготовлять кушанья, ни подавать на столъ. Тогда князь Потемкинъ, который обогналъ насъ вмѣстѣ съ принцемъ Нассаускимъ, и польскій генералъ Браницкій затѣяли стряпать сами. Со мною былъ поваренокъ; я послалъ было за нимъ, но они не допустили его ни до чего, и благодаря этому, обѣдъ представлялъ смѣсь блюдъ, очень невкусныхъ.

Вообразите себѣ, что я встрѣчалъ императрицу въ извѣстной каретѣ принца де-Линя, такъ какъ у Кобенцеля другой не имѣется. Это настоящій курятникъ.

Вчера было такъ холодно, что мы всѣ надѣли шубы, а вечеромъ ея в-во приказала затопить каминъ. Я нахожу, что она только похудѣла немного, а впрочемъ пользуется превосходнымъ здоровьемъ. Съ моей стороны было бы слишкомъ большимъ хвастовствомъ повторять все, что она мнѣ наговорила: но все, что она говорила, было искренно и дружелюбно. Составъ ея спутниковъ довольно хорошій; де-Линь въ большомъ

---

[1]) См. Русскій Архивъ, 1867, стр. 1233.

почетѣ и очень любезенъ. Галеры, на которыхъ ѣхала вся свита, красивы, очень удобны, но немножко велики и грузны.

На Днѣпрѣ слишкомъ много отмелей, и потому онъ неудобенъ для плаванія въ большихъ судахъ.

Войско обмундировано заново; мундиръ, какъ у нашихъ уланъ: короткій, безъ камзола, безрукавный жилетъ, суконные шаровары, въ которыхъ на ногахъ извнутри кожанный подбой, вродѣ сапога. Обувь—короткіе полусапожки, которые поддѣваются подъ штаны. Штаны лѣтомъ изъ бѣлой холстины, какъ у кавалеріи, такъ и у пѣхоты. Пѣхота теперь уже не имѣетъ ни кирасъ, ни шпагъ, ни сабель. Сабли у кавалеріи довольно плохи, а также приборъ и замки у ружей. На головахъ у всѣхъ что то вродѣ круглой войлочной шапки съ жесткимъ кожаннымъ козырькомъ для защиты отъ солнца, приблизительно какъ у нашихъ понтонеровъ. Съ этой шапки свѣшивается короткій кусокъ сукна, какъ бывало прежде у гренадерскихъ шапокъ, а поверхъ шапки полукругомъ облегаетъ что то въ родѣ бѣлаго лисьяго хвоста, который безполезенъ и въ холодъ, и въ дождь, а только давитъ спереди на носъ и не защищаетъ отъ сабельнаго удара. Несмотря на стужу, предполагается, что теперь лѣто, и солдаты щеголяютъ въ холстинныхъ шароварахъ и холстинныхъ камзолахъ, а подъ ними одна рубашка; они стучатъ зубами отъ холода, многіе заболѣваютъ лихорадкою, но не жалуются. Всѣ полки гусарскіе и часть козацкихъ переформированы и изъ нихъ составили новые полки и назвали конными егерями; потомъ сформировали батальоны егерей, у которыхъ такое же вооруженіе, кромѣ унтеръ-офицеровъ, имѣющихъ нарѣзные мушкеты; ихъ набираютъ изъ разныхъ полковъ, и князь Потемкинъ хочетъ составить изъ нихъ легкую инфантерію, вродѣ нашихъ кроатовъ. Сверхъ того изъ гренадерскихъ полковъ тоже отдѣлили въ армію, отчего полки въ настоящее время очень слабы, и вмѣсто 100,000 войска, о которыхъ говорили, на самомъ дѣлѣ во всей этой области едва наберется и 40,000. Не знаю, каково то въ другихъ областяхъ, которыхъ я не видѣлъ. Всю легкую кавалерію принуждены продовольствовать однимъ подножнымъ кормомъ; овса нѣтъ вовсе,

и это въ степяхъ, гдѣ почти нечего ѣсть; за то у лошадей подвело порядочно животы.

Князь Потемкинъ дѣлаетъ все, что ему вздумается. Ангальтъ очень остороженъ и никому не высказываетъ своего мнѣнія. Онъ на хорошемъ счету при дворѣ, но его считаютъ мелочнымъ за то, что онъ говоритъ съ рядовыми и бываетъ самъ при смѣнѣ часовыхъ. Херсонская крѣпость, въ большей части совершенно отстроена, вся сооружена изъ земли или, вѣрнѣе, изъ песку, который даже не утрамбовываютъ, а верки при очень незначительномъ скатѣ. Приготовлялись при встрѣчѣ императрицы стрѣлять изъ пушекъ, стоящихъ на валу, но по случаю бывшей на этихъ дняхъ грозы опасались, чтобы при первомъ же выстрѣлѣ, всѣ укрѣпленія вмѣстѣ съ артиллеріей не сползли бы въ свои с бственные рвы, такъ какъ четыре дня тому назадъ отъ одного удара грома крѣпость такъ была потрясена, что цѣлый фасъ съѣхалъ въ ровъ. Въ артиллерійскомъ паркѣ 160 орудій, но почти нѣтъ пороху и зарядовъ; всѣ орудія большаго калибра и при этомъ ни одного заттель-вагена; даже на походѣ 24-фунтовыя орудія перевозятся на лафетахъ; можете судить, въ какомъ положеніи они доѣдутъ до траншеи. Сооружаются три военные корабля, но лѣсъ до такой степени сыръ, мачты до того плохи, что, полагаю, послѣ императорскаго смотра они пойдутъ на сломъ, за негодностію въ какое бы то ни было дѣло. Построенные въ прошедшемъ году въ Севастополѣ корабли отданы на съѣденіе червямъ. Торговля пока совершенно ничтожна, особенно для Россіи; весь Херсонъ и живетъ и обстраивается тѣмъ, что получается изъ Польши, и существуетъ только тѣмъ, что привозятъ изъ-за-границы.

Нагруженныя купеческія суда до города не доходятъ; имъ приходится останавливаться за тридцать верстъ ниже, въ одной мѣстности, называемой Клобокъ, гдѣ бы собственно и слѣдовало построить городъ. При этомъ, если бы туркамъ вздумалось затопить въ днѣпровскомъ устьѣ, которое находится въ ихъ рукахъ, хотя одну изъ своихъ каравеллъ, нагруженную камнемъ, то они могутъ остановить всю навигацію и не пропустить ни одной лодки въ Днѣпръ. Тогда не ладно для Херсона.

Безпорядокъ во время этого путешествія происходитъ невообразимый. Высадка на берегъ, какъ оказывается на дѣлѣ, сопряжена съ большими затрудненіями; вещей и людей на судахъ больше, чѣмъ сколько могутъ вмѣстить приготовленные экипажи и для этихъ экипажей недостаетъ лошадей. Одинъ поскакалъ впередъ, а другіе поспѣвай, какъ знаютъ. Я съ большимъ любопытствомъ ожидаю посмотрѣть, какъ все это наконецъ устроится. Одинъ князь Потемкинъ, помѣшанный на музыкѣ, везетъ съ собою 120 музыкантовъ, а съ этимъ вмѣстѣ одному бѣдному офицеру, который страшно обжегъ себѣ руки порохомъ, четыре дня не подаютъ помощи. Такъ какъ этотъ несчастный живетъ въ одномъ домѣ со мною, то я взялъ на себя обязанности хирурга и посовѣтовалъ, чтó ему дѣлать; я отыскалъ, наконецъ, одного хирурга, состоящаго при императрицѣ, но у этого не оказалось медикаментовъ.

Путешествіе по сухому пути исполняется такъ безпорядочно, что трудно составить себѣ объ этомъ понятіе; часть экипажей еще на водѣ, каждый спѣшитъ захватить кибитку чтобы накидать въ нее, какъ попало, свой багажъ. На этихъ неизмѣримыхъ равнинахъ всѣ скачутъ въ перегонку, шесть, восемь каретъ рядомъ, и хотя въ сутки дѣлаютъ только четыре перегона, два — до и два послѣ обѣда, много экипажей ломается, и посуда, матрацы, багажъ все такъ и остается валяться въ степи, а послѣ во всемъ оказывается недостатокъ. Мой багажъ, весь уложенный въ одной коляскѣ, всегда поспѣваетъ. Столъ обильный, но большею частію скверно приготовленный; все холодное, черствое; наконецъ, не будь императрицы, которая очень любезна, и нѣкоторыхъ спутниковъ, которые могутъ считаться сносными собесѣдниками, особенно иностранцевъ, мое настоящее житье было бы сущимъ наказаніемъ. Что касается Потемкина, то его положеніе при дворѣ лучше, чѣмъ когда нибудь и власть его не имѣетъ границъ. Бѣдный фельдмаршалъ Румянцевъ въ опалѣ.

Новый фаворитъ (Дмитріевъ-Мамоновъ) довольно красивъ, самъ, кажется, не вѣритъ своему счастью, и умомъ недалекъ. Французскій посланникъ, графъ Сегюръ, любезенъ; но и онъ,

кажется, теряетъ терпѣніе. Англичанинъ Фицъ-Гербертъ человѣкъ очень образованный и не скрываетъ испытываемой имъ страшной скуки. Генералъ Ангальтъ, котораго вы видѣли въ нашихъ лагеряхъ, и здѣсь держитъ себя совершенно также. Онъ до свѣта на ногахъ, говоритъ со всякимъ солдатомъ, ласкаетъ ихъ, что́ очень ихъ удивляетъ, такъ какъ они не пріучены къ подобному обращенію. Онъ развѣ тайкомъ только позволяетъ себѣ покритиковать, а въ глаза увивается какъ за императрицею, такъ и за княземъ Потемкинымъ, кредитъ котораго очень великъ. Новый фаворитъ—молодой человѣкъ лѣтъ двадцати шести, безъ образованія, совсѣмъ дитя. Линь пользуется отличнымъ расположеніемъ и держитъ себя очень хорошо въ отношеніи къ моимъ интересамъ".

Въ Россію также дошли скоро слухи о свиданіи императрицы съ Іосифомъ II и о любопытномъ ужинѣ; бывшій канцлеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, жившій въ это время на покоѣ въ своемъ селѣ Пахоркѣ, писалъ къ брату своему, князю Дмитрію Михайловичу, въ Вѣну 31 мая 1787 года:

„Весьма любопытный анекдотъ пишутъ оттуда сюды послѣдовавшій при свиданіи государыни императрицы съ императоромъ. Ея величество, получа отъ кн. Потемкина изъ Кайдака извѣстіе, что императоръ, свѣдавъ о ея путешествіи, поѣхалъ сухимъ путемъ ей на встрѣчу. Государыня, услыша о его приближеніи, оставя свою галеру, поѣхала къ нему въ каретѣ съ малымъ числомъ первыхъ людей своей свиты и, встрѣтясь съ нимъ въ деревнѣ одного купца, не имѣя съ собою ни поварни, ни услуги, ѣхать же туда, гдѣ вся свита императорская находилась, уже было поздно, такъ и расположено было въ оной деревнѣ имѣть вечерній столъ. Но какъ тутъ находился только одинъ хозяйскій поваренный малой, то и представилъ себя способнымъ князь de-Ligne, который, будучи на всякую руку къ стряпанію въ поварнѣ, и сварилъ ужинъ, за которымъ сіи оба великіе государи и присутствовали, будучи услужены первѣйшими особами ея императорскаго величества. Таковое происшествіе и пріятельское и дружеское ихъ императорскихъ величествъ между собою блистательно изображено и представлено

быть можетъ въ журналахъ и періодическихъ листахъ съ прибавленіемъ разныхъ гаданіевъ и заключеніевъ и о причинѣ сихъ государей свиданіевъ и переговоровъ“ [1]).

Оффиціальныя свѣдѣнія о свиданіи съ Іосифомъ II, записанныя въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ 1787 года, слѣдующія:

„За три версты, не доѣзжая до Кайдакъ, послѣдовало радостное свиданіе ея императорскаго величества съ графомъ Фалькенштейномъ, которое тѣмъ болѣе ощутительно было видѣть, что когда высокіе путешественники едва издали примѣтили слѣдовавшіе одинъ къ другому на встрѣчу экипажи, не соединяя оныхъ, чрезъ довольное разстояніе остановясь, вышли изъ своихъ экипажей и слѣдовали другъ къ другу пѣша, а соединившись, сдѣлавъ взаимность дружественнаго привѣтствія, обще сѣли въ карету ея императорскаго величества“.

Въ карету тогда же былъ приглашенъ графъ Кобенцель, а Мамоновъ и принцъ де-Линь пересѣли въ карету австрійскаго императора.

При приближеніи къ Кайдакамъ, здѣсь началась пушечная пальба и колокольный звонъ; у церкви св. Николая встрѣтилъ архіепископъ Амвросій, а у дворца, на подъѣздѣ, князь Потемкинъ, прискакавшій сюда ранѣе. Тутъ же былъ представленъ императрицѣ австрійскій генералъ, графъ Кинскій, сопутвавшій императору.

За обѣдомъ были слѣдующіе: графъ Фалькенштейнъ, графиня Браницкая, А. С. Протасова, князь Потемкинъ, Л. А. Нарышкинъ, графъ А. А. Безбородко, графъ Ангальтъ, Мамоновъ, графъ М. П. Румянцевъ, принцъ де-Линь, графъ Кобенцель и графъ Кинскій.

Къ вечеру съѣхалась въ Кайдаки вся остальная свита и расположилась на квартирахъ по избамъ.

Вечеромъ передъ дворцомъ и по улицамъ горѣла иллюминація; также были иллюминованы тріумфальныя ворота, построенныя на берегу Днѣпра, на судахъ, въ ожиданіи пріѣзда императрицы.

---

[1]) Изъ писемъ кн. А. М. Голицына, хранящихся въ главномъ арх. мин. и. д.

Слѣдующій день, 8-го мая, императрица оставалась въ Кайдакахъ [1]). По утру собрались въ дворецъ преосвященный архіепископъ Амвросій и екатеринославское именитое гражданство, чиновники екатеринославскаго намѣстничества и военные чины. Именитые граждане поднесли хлѣбъ и соль и разные фрукты на фаянсовыхъ блюдахъ. Всѣ жалованы были къ рукѣ [2]).

8 мая изъ Кайдаковъ императрица писала къ Еропкину: ...„Завтра ѣдемъ сухимъ путемъ въ Хортицу, дорогою же заложимъ новый намѣстническій городъ Екатеринославль и сіе будетъ происходить въ самый Николинъ день. Съ третьягоднешняго вечера здѣсь стало такъ студено, что мы вечеръ вчерашній проводили передъ каминомъ съ огнемъ и всѣ ходимъ почти въ зимней одеждѣ. Я здорова“ [3]).

Отставшіе суда флотиліи къ вечеру пришли къ Кайдаку; императрица очень была довольна видѣть, что они не были повреждены. Но судамъ предстояло еще впереди пройти черезъ знаменитый порогъ *Ненасытецъ*. Это былъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ днѣпровскихъ пороговъ—простирался вдоль рѣки до 700 саженъ и на этомъ разстояніи паденіе рѣки было на 6 футовъ... [4]) До этого страшнаго порога надобно было пройти шесть пороговъ: 1) Кайдакскій, 2) Волосскій или Яцкая забора, 3) Сурскій, названный по впаденію близь него въ Днѣпръ рѣчки Суры; 4) Лохань, 5) Стрѣльча, 6) Звонецъ, 7) Княгинецъ,—а за 8) *Ненасытцомъ* до слободы Хортицы оставалось еще пять пороговъ: Воронова забора, Вольный, Будыльскій, Лышній и Вильнянскій. — Императрица поручила Потемкину спросить старыхъ новокайдацкихъ и каменскихъ лоцмановъ, могутъ ли суда флотиліи царской пройти безвредно сквозь пороги. Лоцманы, получивъ дозволеніе освидѣтельствовать каждое судно и осмотрѣвъ ихъ,

---

[1]) Необходимо было дождаться если не всѣхъ судовъ, потому что многіе изъ нихъ сѣли на мель, то по крайней мѣрѣ тѣхъ, на которыхъ находились люди и вещи, необходимыя для дальнѣйшаго путешествія.

[2]) Изъ Камеръ-Фурьерскаго журн. 1787 г. и изъ записокъ Сегюра.

[3]) См. Дѣянія Екатерины II. Колотова. Стр. 122.

[4]) См. Путешествіе ея императорскаго величества въ полуденный край Россіи въ 1787 г. Печат. при Горномъ училищѣ въ 1786 г., стр. 50.

донесли, что суда могутъ пройти сквозь пороги съ тѣмъ только, чтобъ отбросить рули, а вмѣсто ихъ поставить стерны, которые были похожи на широкую, длинную деревянную лопату изъ одного бревна вытесанную. Императрица изъявила согласіе и 9 мая утромъ, безъ рулей со стернами, суда поплыли изъ Кайдака внизъ по Днѣпру, а императрица выѣхала сухимъ путемъ въ 9 часовъ утра въ сельцо Половицу, гдѣ назначено было положить основаніе новому городу.

Императрица выѣхала въ шестимѣстной каретѣ, въ которую были приглашены графъ Фалькенштейнъ, графиня Браницкая, князь Потемкинъ, Мамоновъ и графъ Кобенцель.

„Въ 8-ми верстахъ отъ Кайдакъ, на возвышенномъ берегу Днѣпра, съ котораго видны были излучины онаго съ лѣсистыми островами, на мѣстоположеніи очаровательномъ, зеленью и цвѣтами покрытомъ, гдѣ слѣдовало быть постановленою святынѣ Господней, разбита была императорская палатка съ походною при ней полковою церковью, и преосвященный Амвросій, архіепископъ екатеринославскій и херсонисо-таврическій, встрѣтивъ государыню императрицу съ крестомъ и со святою водою, отслужилъ въ церкви Божественную литургію, въ присутствіи императрицы. По литургіи преосв. Амвросій прочиталъ обыкновенныя, на случай основанія храма, молитвы, окропилъ ровъ, вырытый для фундамента, святою водою; императрица сошла туда же по приготовленнымъ для нея ступенькамъ, коврами обложеннымъ. Приложась къ животворящему кресту, поднесенному ей преосвященнымъ, и поклонясь на обѣ стороны народу, какъ самовидцы живые еще свидѣтельствовали, она положила первый камень собственными руками, присовокупя нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ монетъ, начиная съ полуимперіала до гривенника. Спросили, говоритъ живое преданіе: нѣтъ ли пятачка? поданъ, и присоединенъ былъ къ прочимъ драгоцѣнностямъ. Все это покрыто было мѣдною густо вызолоченною доскою съ надписью: „Екатерина императрица всея Россіи въ основаніи храма Преображенія Господа Спасителя нашего первый положила камень 1787 г.“ Плиту съ надписью, для положенія въ основаніе, подалъ императрицѣ князь Потемкинъ, причемъ участвовалъ

и графъ Фалькенштейнъ, положившій въ мѣсто основанія кирпичъ и известь.

Простившись съ преосвященнымъ, при громкихъ крикахъ народа „ура", императрица съ прежними своими спутниками въ шестимѣстной каретѣ продолжала путь къ станціи *Ненасытецкій порогъ*.

Послѣ отъѣзда императрицы, подполковникъ Фалѣевъ, любимецъ Потемкина, угощалъ на чистомъ воздухѣ духовенство, дворянъ, купечество и весь народъ" [1]).

На станцію *Ненасытецкій* порогъ императрица прибыла во 2-мъ часу, въ домъ екатеринославскаго губернатора Синельникова; хозяинъ встрѣтилъ съ хлѣбомъ и солью, а крестьяне его поднесли только что пойманнаго ими въ Днѣпрѣ осетра.

До начатія обѣденнаго стола, для удостовѣренія возможности проходить судами черезъ пороги, въ присутствіи императрицы произведенъ былъ опытъ. Вотъ какъ описываетъ это современникъ этихъ событій маститый старецъ, архіепископъ екатеринославскій Амвросій, въ своемъ предсмертномъ сочиненіи:

„При шумѣ Ненасытинскихъ пороговъ Днѣпра, государыня императрица на мызѣ генералъ-маіора Синельникова, бывшаго тогда правителемъ екатеринославскаго намѣстничества, изволила обѣдать. Между тѣмъ, сколько съ любопытствомъ, столько же и со страхомъ смотрѣла, какъ проходили чрезъ пороги царскія ея императорскаго величества суда. Будто звѣремъ какимъ то, въ одно мгновеніе ока они поглащались бездною клокочущихъ волнъ Днѣпра, и въ то же мгновеніе, будто изъ чрева, извергаемы были на поверхность тихихъ водъ рѣки, чтобы плыть впередъ путемъ, для нихъ назначаемымъ. При семъ случаѣ немало дивилась государыня ловкости, искусству и неустрашимости лоцмановъ, препровождавшихъ чрезъ пороги флотилію, изъ которыхъ старшаго называли Полтарацкій; потребовала ихъ къ себѣ на лицо и, удостоивъ лестнаго личнаго разговора, наградила каждаго весьма щедро, пожаловавъ, говорятъ, упомянутаго старшаго лоцмана чиномъ поручика, а сына его, 13 лѣтъ

[1]) См. Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Одесса 1863 г., т. V.

мальчика прапорщикомъ, съ обѣщаніемъ прислать имъ грамоты на чины и потомственное дворянство.

Осчастлививъ же столь неожиданно вѣрноподданныхъ своихъ, осыпавъ ихъ неизреченными милостями, государыня императрица немедленно и быстро отбыла далѣе" [1]).

Графъ Сегюръ, очевидецъ прохожденія судовъ черезъ пороги, описалъ его тоже подробно:

„Мы остановились въ усадьбѣ губернатора Синельникова. Она была расположена по берегу рѣки, въ виду главнѣйшаго порога, который долго считался непреодолимымъ препятствіемъ для прохода торговыхъ судовъ. Въ самомъ дѣлѣ, Днѣпръ въ этомъ мѣстѣ во всю свою ширину загроможденъ цѣпью скалъ, изъ которыхъ однѣ равны съ водою, а другія высятся надъ ея уровнемъ и мѣстами образуютъ нѣсколько столь шумныхъ водопадовъ, что мы не могли разслышать словъ другъ друга. Потокъ здѣсь съ яростью и пѣною бьется о скалы. Съ перваго взгляда кажется, что невозможно проѣхать между этими скалами на самомъ легкомъ челнѣ, и съ самыми отважными гребцами. Однакожъ невдалекѣ стояло на якорѣ большое судно и лодка, назначенныя для проѣзда черезъ пороги. Князь Потемкинъ, принцъ Нассау и я хотѣли было отважиться на эту поѣздку, но насъ остановило рѣшительное запрещеніе императрицы.

Суда въ виду насъ счастливо прошли опасный проливъ съ быстротою стрѣлы. Но ихъ такъ сильно качало, что, казалось, они ежеминутно могутъ разбиться или исчезнуть въ волнахъ: особенно мелкія лодки безпрестанно исчезали изъ виду. Намъ сказали, что при полной водѣ проѣздъ этотъ удобнѣе, особенно при помощи ловкихъ старыхъ запорожцевъ, привыкшихъ къ такимъ опаснымъ подвигамъ. Князь Потемкинъ такъ полагался на ихъ опытность, что предположилъ спустить до Херсона всѣ суда, на которыхъ мы плыли изъ Кіева до Кайдака..."

9 мая послѣ обѣда, проѣхавъ 51 версту, остановились для ночлега въ слободѣ Хортицѣ, принадлежавшей камергеру Черткову.

---

[1]) См. Записки Одесскаго Общества истор. и древностей, т. V.

Въ понедѣльникъ 10 мая, въ 10 часовъ утра въ 6-мѣстной каретѣ съ прежними лицами переѣхали въ г. Никополь. За 6 верстъ до города, новопоселенные тутъ отставные военные съ семействами встрѣтили съ хлѣбомъ и солью. Послѣ обѣда, передъ отъѣздомъ изъ Никополя, на подъѣздѣ священникъ Знаменской церкви поднесъ хлѣбъ и соль, а князь Потемкинъ представилъ переселенцевъ изъ Польши. Черезъ подставу Базавлукъ, для ночлега пріѣхали въ слободу Грушевку, принадлежавшую генералъ-прокурору кн. А. А. Вяземскому. Крестьяне и деревенскій священникъ встрѣтили императрицу съ хлѣбомъ и солью.

Вечеромъ вся слобода была иллюминована плошками.

11-го мая въ 10 ч. утра императрица выѣхала изъ Грушевки въ 6-ти-мѣстной каретѣ; съ ней сидѣли: гр. Фалкенштейнъ, графиня А. В. Браницкая, А. Д. Мамоновъ, принцъ де-Линь и гр. Кобенцель.

Обѣдъ былъ на станціи въ дер. Насаковкѣ, принадлежавшей карабинернаго нѣжинскаго полка бригадиру Перету.

Хозяинъ дома съ женою встрѣтили императрицу, и были приглашены къ столу. Отсюда на ночлегъ пріѣхали въ городъ Бериславль; за 6 верстъ до города съ хлѣбомъ и солью выѣхалъ на встрѣчу изъ Мокорвенской пустынѣ архимандритъ съ монашествующими. Въ Бериславль императрица прибыла въ половинѣ 7-го часа вечера. Отдохновши во внутреннихъ комнатахъ, императрица пришла въ залу и сѣла у окна. „Графъ же Фалкенштейнъ въ сіе время, прохаживаясь по улицѣ, смотрѣлъ мѣстоположеніе города; также и ея императорское величество изволила смотрѣть въ зрительную трубку на островъ Тавань и протекающія около онаго рѣку Днѣпръ и Конскіе воды и на прочее мѣстоположеніе; въ это время прибылъ гр. Фалкенштейнъ и, сѣвши близь ея величества, продолжалъ разговоръ“. Такъ записано въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ. 1787 года.

Между тѣмъ въ той же комнатѣ знатнѣйшія особы и господа чужестранные министры играли въ шахматы и карты, а въ половинѣ 9 часа вечера императрица удалилась во внут-

ренніе покои; вскорѣ и графъ Фалькенштейнъ отбылъ въ свою квартиру [1]).

Императрица была очень довольна своею поѣздкою. 12 мая она писала въ Москву генералу Еропкину изъ Бериславля: „Хорошо видѣть сіи мѣста своими глазами; намъ сказали, что наѣдемъ на жары, несносные человѣчеству, а мы наѣхали на воздухъ теплый и вѣтръ свѣжій, весьма пріятный и самый весенній; степь, правда, что безлѣсная, но слой земли самый лучшій и такой, что безъ многаго труда все на свѣтѣ произведетъ; почиталась она безводною, а мы видѣли повсюду ручьи и рѣчки, при которыхъ поселеній уже не въ маломъ числѣ. Сравнивая здѣшнюю губернію, которая при мирѣ Кайнарджійскомъ не существовала, исключая уѣзды: елизаветградскій, кременчугскій и полтавскій, съ тѣмъ, что с.-петербургская была по десяти или шестилѣтнемъ заведеніи или заложеніи оной, думаю, что здѣсь все дѣлается и успѣваетъ съ меньшей хотя силой, издержками, отягощеніемъ противу той; польза окажется современемъ, какъ во всѣхъ великихъ предпріятіяхъ, которыя пользы не всегда въ началѣ паче открыты понятію множества. С.-Петербургская губернія составляетъ осьмую часть доходовъ имперіи; она сусуществуетъ 84 года и дворъ тамо имѣетъ свое пребываніе. Посмотримъ, каковы доходны будутъ здѣшніе порты чрезъ короткое время; еще скажу, что здѣшніе жители, всѣ безъ изъятія, имѣютъ видъ свѣжій и здоровѣе, нежели кіевскіе, и кажутся работящѣе и живѣе. Всѣ эти примѣчанія и разсужденія пишу къ вамъ нарочно, дабы вы, знавъ оныя, могли кстати и ко времени употребить сущую истину ко опроверженію предубѣжденій, сильно дѣйствующихъ иногда въ умахъ людскихъ. Все вышеписанное оспаривать можетъ лишь слабость, либо страсть, или невѣдѣніе“ [2]).

Изъ Бериславля выѣхали 12 мая въ 10 ч. утра—въ три четверти втораго часа пріѣхали обѣдать въ село Никольское. Здѣсь встрѣтили генералъ-маіоръ Василій Васильевичъ Энгель-

[1]) Камеръ-Фурьерскій журналъ, 1787 г.

[2]) Соч. Екатерины изд. Смирдина, III, 344—345.

гардтъ, генералъ-маіоръ Яковъ Николаевичъ Рѣпнинскій, Давыдъ Гавриловичъ Неранжичъ и бригадиръ Гедеоновъ.

Отъѣхавъ 17 верстъ, въ слободѣ Николаевкѣ, принадлежавшей генералъ-маіору Рѣпнинскому, владѣлецъ просилъ императрицу посѣтить его домъ на берегу р. Ингула. Императрица удостоила его посѣщеніемъ, потомъ переѣхала на катерѣ черезъ рѣку Ингулъ на другую ея сторону, гдѣ ожидали уже экипажи; здѣсь встрѣчали херсонскіе мѣщане и эскадронъ легкоконнаго александрійскаго полка. Императрица пересѣла въ 6-ти-мѣстную карету съ гр. Фалькенштейномъ, Мамоновымъ, принцемъ де-Линь, гр. Кобенцелемъ и графинею Браницкою, и императорскій поѣздъ поскакалъ въ Херсонъ; впереди ѣхали верхами мѣщане и эскадронъ. Оставалось 17 верстъ до Херсона.

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЗОВЦЫ.[1]

I.

Переходъ русскихъ запорожцевъ за Дунай. Жизнь задунайскихъ запорожцевъ въ турецкой имперіи.

1775 годъ былъ роковымъ годомъ для запорожскаго козачьяго войска. Въ этомъ году по высочайшей волѣ государыни императрицы Екатерины II Запорожская Сѣчь была уничтожена, а съ ней вмѣстѣ пало и Запорожье.

Послѣдняя сѣчь войска запорожскаго находилась на р. Подпольной въ мѣстечкѣ Красномъ Кутѣ; она служила укрѣпленной резиденціей кошеваго атамана запорожскаго войска, съ генеральной старшиной войсковаго управленія. Тамъ чинился судъ и расправа надъ козаками, по обычному войсковому праву; тамъ же собиралась козацкая рада, трактовавшая о политическихъ и внутреннихъ дѣлахъ войска. Запорожское войско, хотя и составляло какъ бы провинцію россійскаго государства, но оно пользовалось широкой автономіей, и нерѣдко не только не подчинялось распоряженіямъ русскаго правительства, и не исполняло русскихъ законовъ, но даже само вступало въ политическія сношенія съ иностранными державами. Болѣе всего приходилось

[1]) При составленіи настоящей статьи авторъ пользовался:

1) *Скальковскій*. Исторія запорожской сѣчи.

2) *Эварницкій*. Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа.

3) Черты изъ жизни и царствованія императора Николая (Воен. Сборн. 1868, № 7).

4) *Кондратовичъ*. Задунайская сѣчь

драться и мириться съ пограничнымъ ханствомъ крымскимъ, находившимся въ вассальной зависимости отъ турецкаго императора. Сопредѣльныя съ Крымомъ турецкія области постоянно находились предъ глазами запорожцевъ и они, какъ безстрашные моряки, на своихъ *човнахъ* не разъ смѣло пускались по волнамъ Чернаго моря и внезапными стремительными набѣгами опустошали прибрежные турецкіе города.

Такіе набѣги не выражали собою злобы и ненависти запорожцевъ противу турокъ, а скорѣе носили характеръ удальства и отваги козаковъ и турецкое правительство это хорошо понимало. Оба народа скорѣе симпатизировали другъ другу, чѣмъ враждовали. Это доказывается тѣмъ, что турецкій султанъ уважалъ запорожцевъ и въ тяжелое время ихъ жизни въ Россіи не разъ давалъ пріютъ въ своихъ земляхъ запорожскимъ козакамъ.

Такъ было и въ тотъ роковой годъ, когда генералъ Текели, обложивши русскими войсками Запорожскую Сѣчь, въ 1775 году, потребовалъ ея сдачи.

. . . .
. . . .
Ой у суботу у полудни
Москва наступыла;
А въ недилю до схидъ сонця
Лагери розбыла.
. . . .
. . . .

Ой ужежъ наши славни запорожци
Тай не веселы сталы,
Ой облягли ихъ облягли москали
Та всима сторонамы.
Ой кругомъ церкви, церкви сичевои
Ой караулы сталы.
Ой священныку отцу Владымеру
Та служыты не далы.

Такъ описывается въ народной пѣснѣ осада русскими войсками Запорожской Сѣчи. Запорожцы, не ожидавшіе ничего подобнаго, были поражены этимъ событіемъ до крайности. Они хотѣли защищаться оружіемъ противъ русскихъ, пришедшихъ внезапно разорить ихъ родную дорогую Сѣчь,—вполнѣ сознавая,

---

5) Разныя статьи въ журналѣ „Кіевская Старина" 1889 г. № 1 и 2 и нѣкоторыя мелкія печатныя извѣстія о задунайскихъ запорожцахъ.

6) Матеріалы, добытые изъ дѣлъ, хранящихся въ кубанскомъ войсковомъ архивѣ.

7) Личные разсказы двухъ бывшихъ турецкихъ запорожцевъ и другихъ старыхъ черноморцевъ, знавшихъ какъ запорожскаго кошевого атамана Гладкаго, такъ и жизнь азовскихъ козаковъ.

что если русскія войска восторжествуютъ надъ ними, то съ паденіемъ Сѣчи падетъ и все войско запорожское; а вмѣстѣ съ нимъ улетитъ и вся свобода и вольность козацкая. Поднялась смута въ Сѣчи, большинство козаковъ не желало подчиниться русскому правительству и требовало военной обороны. Но кошевый атаманъ Калнишевскій съ духовенствомъ успѣли уговорить суровыхъ рыцарей не поднимать оружія на своихъ братьевъ русскихъ—христіанъ. До оружія дѣло не дошло, но многіе запорожцы были этимъ недовольны и говорили, какъ передается въ народной пѣснѣ:

Хоть не станемъ съ палашами,
Станемъ съ кулаками,
Нехай наша слава пиде
Промежъ козаками.
. . . .
. . . .

Благоразумное кошевое начальство и рукопашной схватки здоровенныхъ своихъ завзятыхъ сичевиковъ съ русскими войсками не допустило, а напротивъ встрѣтило Текелія съ хлѣбомъ солью, и вмѣстѣ съ этимъ привѣтомъ навсегда схоронило знаменитое въ исторіи Запорожье.

Запорожская Сѣчь была разорена, кошевый атаманъ сосланъ въ заточеніе на Бѣлое море, въ Соловецкій монастырь, войско запорожскихъ козаковъ политически умерло, но не умерли самые запорожцы. Часть изъ нихъ впослѣдствіи, при содѣйствіи свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго, составила черноморское козачье войско, а часть буйныхъ, не захотѣвшихъ подчиниться Россіи, при самомъ разореніи Сѣчи, обманувъ бдительность генерала Текели, добралась до войсковыхъ лодокъ и ушла въ Турцію, искать счастія и воли у бусурманскаго государя. Оставляя свой родной край, угрюмые запорожцы сильно тосковали объ участи, постигшей ихъ войско, навсегда уничтоженное однимъ почеркомъ пера монархини. Скорбь ихъ вылилась въ слѣдующей народной пѣснѣ:

Чорна хмара наступае,
Лыбонь дощыкъ буде.
Вжежъ нашого Запорожжа
До вику не буде!

Бо царыця маты наша
Напустъ напустыла,
Славне войско запорожське
Тай запапастыла.....

До 5,000 т. запорожцевъ отправилось изъ Россіи въ турецкіе предѣлы за Дунай и, остановившись тамъ, просило турецкое правительство принять ихъ въ подданство султана и дать имъ подъ поселеніе землю.

Это тяжелое для козаковъ время и послѣдствія просьбы о принятіи ихъ подъ покровительство или подданство Турціи выразились въ слѣдующей пѣснѣ:

Ой прыйшлы до Дунаю
Тай у голосъ гукнулы,
Ой напьялы паруса
Тай за Дунай махнулы.
Прыйшлы до Тураса
Тай вклонылыся нызько:
Ой дай же намъ землю
Тай коло границы блызько.

Якъ будете хлопци
Мини вирно служыты,
То дамъ я вамъ землю
Та по прежнему жыты [1]).
Дарую вамъ землю,
Щей обыдва лыманы,
Ловить хлопци рыбу
Та справляйте жупаны.

И дѣйствительно, турецкій султанъ принялъ козаковъ благосклонно, далъ имъ землю при Георгіевскомъ устьи Дуная, а когда у нихъ зашли споры съ некрасовцами, то перевелъ ихъ вверхъ по Дунаю выше крѣпости Гирсова въ урочище Сеймены.

Въ турецкой землѣ, съ позволенія султана, запорожцы основали свой кошъ, по примѣру бывшаго въ Россіи, выбрали общей радою кошеваго атамана и прочихъ старшинъ и завели по управленію войскомъ тѣ же порядки, какіе существовали въ русской землѣ. Турецкій императоръ, надѣясь на полезную государству службу новыхъ своихъ подданныхъ, запорожцевъ, даровалъ имъ отъ себя многія права и вольности, какими они пользовались въ прежнемъ своемъ отечествѣ, и благодарные запорожцы, не измѣняя ни обычаевъ, ни вѣры, ни языка отцовъ своихъ зажили въ новомъ своемъ отечествѣ на долгіе годы.

По разсказамъ турецкихъ запорожцевъ имъ жилось тамъ хорошо и привольно. Турки ихъ не обижали, не обременяли податями и не стѣсняли службою; иногда только запорожцы ходили въ походъ отрядами, вмѣстѣ съ турецкими войсками.

---

[1]) Этотъ стихъ напоминаетъ вольную жизнь запорожскаго войска въ прежнія времена въ Турціи, откуда они обратно возвратились въ Россію и основали новый кшоъ запорожскаго войска.

на египтянъ, грековъ и другіе подвластные султану народы, но большею частью жили мирно и занимались преимущественно рыболовными промыслами.

Мы не станемъ слѣдить за исторической жизнью задунайскихъ запорожцевъ, описанною г. Кондратовичемъ и другими, такъ какъ задача нашей статьи совсѣмъ иная, но не можемъ пройти молчаніемъ тѣхъ случаевъ изъ ихъ судьбы, которые близко соприкасаются съ интересами русскаго государства.

Во время войны Россіи съ Турціей, начавшейся въ 1787 году, когда остатки русскихъ запорожцевъ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ были призваны подъ русскія знамена и образовали изъ себя вѣрное войско черноморское, императрица Екатерина II вызывала изъ Турціи невѣрныхъ запорожцевъ въ Россію, даровала имъ полную амнистію, съ правами данными черноморцамъ, если только они возвратятся въ прежнее свое отечество и примутъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ, но на этотъ вызовъ задунайскіе запорожцы въ Россію не пошли. Были, правда, случаи, когда они въ одиночку, или по нѣсколько товарищей вмѣстѣ перебѣгали на нашу сторону, поступали къ черноморцамъ, по приведеніи ихъ къ присягѣ на вѣрность, но это были скорѣе убѣгавшіе кары за свои поступки, или почему либо недовольные своимъ начальствомъ, чѣмъ искренно раскаявшіеся измѣнники. Все войско запорожскихъ козаковъ за Дунаемъ вѣрно служило турецкому султану и участвовало въ открывшихся военныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ, вмѣстѣ съ турецкими войсками. Турецкіе запорожцы при встрѣчахъ не щадили даже своихъ братьевъ черноморцевъ, убивали и брали ихъ въ плѣнъ. Они много вредили русскимъ еще и тѣмъ, что подъ видомъ черноморцевъ, отъ которыхъ ничѣмъ не отличались, высматривали расположеніе русскихъ войскъ, узнавали намѣренія нашихъ военачальниковъ и потомъ всѣ свѣдѣнія о нашей арміи передавали туркамъ. Когда это было открыто, то генералъ-поручикъ Голенищевъ-Кутузовъ приказалъ черноморцамъ носить на правой рукѣ перевязи изъ бѣлыхъ платковъ, въ отличіе отъ невѣрныхъ запорожцевъ.

Слѣдующее показаніе турецкаго шпіона, пойманнаго черноморцами въ іюлѣ 1790 года, Леонтія Скика, нѣкоторымъ образомъ обрисовываетъ тогдашнее положеніе задунайскихъ запорожцевъ. Послѣ объясненія своего имени и похожденій на рыбныхъ промыслахъ въ русскихъ и турецкихъ предѣлахъ, Скикъ говоритъ: послѣ послѣдняго годоваго служенія по найму на рыбныхъ заводахъ у бѣлгородскаго неводничего евреина Гершка Крывого „на другій годъ, согласясь съ прочими лямчиками, пошелъ для продолженія службы къ турецкимъ запорожцамъ въ городъ Бѣлгородъ, гдѣ принявши, бывшій тогда у нихъ есаулъ Яковъ Гончарь семь праперей выступилъ по лѣвую сторону Бѣлогородскаго лимана въ селеніе Калаглаи и тамъ дожидали идущихъ къ нимъ съ Барвинковой—стѣнки, состоящей на правой сторонѣ р. Дуная, 200 чел. запорожцевъ же; когда жъ пришли и тѣ къ нимъ, то находящійся при нихъ старшиною Иванъ Иванко началъ приглашать ихъ о дачѣ имъ и туркамъ противу Россіи вспомоществованія и соглася оныхъ шестьдесятъ человѣкъ и испросивши отъ бѣлогородского паши одно судно, называемое піадю, пошли онымъ и 14-ю дубами Чернымъ моремъ къ Березанскому острову, и не доѣзжая до оного, пріостановились въ трехъ верстахъ; тутъ, съ острова пріѣхавши къ нимъ чрезъ семь дней, турковъ и запорожцевъ человѣкъ до 15 начали также приглашать ихъ къ вспомоществованію, говоря при томъ, что они за ихъ службу не будутъ оставлены отъ султана выдѣломъ къ прожитію земли. Послѣ переговору, чрезъ четыре дня, по утру бѣлогородскій паша, услыхавши пальбу, произведенную на Аджидолѣ съ россійскаго флота, велѣлъ имъ туда приближаться, но поколь они достигли, то и пальба уже почти совсѣмъ окончена. Ноября же 6 дня прошедшаго 1788 года также получили певелѣніе о слѣдованіи лодкою подъ Очаковъ, которая съ *войсковыми старшинами: судьею Якововъ Гончаремъ, писаремъ Иваномъ Иванкомъ, хорунжимъ Григоріемъ Тараномъ* и сороку человѣками тогда состояла. Онъ же, Скикъ, и другіе съ нимъ бывшіе товарищи остановились на прежнемъ ихъ мѣстѣ; когда же судно россійское начало приближаться къ нимъ, то они, снявшись съ яко-

рей, отошедши въ море за пять верстъ, бросили якорь, а на пятый день послѣ сего пошли въ Днѣпровскіе гирла, а оттоль чрезъ скорое время и въ Дунай, гдѣ и нынѣ находится подъ Киліей 18 лодокъ, съ 8 орудій и принадлежащими припасами, дубовъ 20 и на всѣхъ судахъ запорожцевъ состоитъ *тысячъ до четырехъ,* кои намѣрены идти къ Смаилову, для защиты турковъ; до сего жъ 790 года апрѣля послѣднихъ числъ избраны онъ, Скикъ, и монахъ Андрей тамошнимъ *кошевымъ* Григоріемъ *Абдулою,* вышереченными войсковыми старшинами, съ согласіемъ общества—первый съ нихъ для развѣдыванія обрядовъ войскъ, состоящихъ въ Аккерманѣ, Бендерахъ и количества ченоморскаго войска козаковъ, а монахъ Андрей въ Молдавію для узнанія тамъ главнокомандующаго и арміи, состоящей подъ начальствомъ его, съ тѣмъ что бы они, свѣдавши обо всемъ томъ обстоятельно, дали имъ знать въ непродолжительномъ времени...“

Задунайскіе запорожцы и въ слѣдующую затѣмъ войну съ Турцій участвовали, вмѣстѣ съ турецкими войсками, въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ въ эту войну перебѣгали на нашу сторону къ черноморцамъ, бывшимъ на Дунаѣ въ составѣ 9 пѣшаго полка войска черноморскаго, куда они по распоряженію генералъ-фельдмаршала князя Прозоровскаго, по приведеніи къ присягѣ на вѣрность службы русскому государю, зачислились подъ надзоръ полковаго командира; а при блокадѣ и взятіи крѣпости Браилова, въ 1808 году, несмотря на свободный пропускъ по капитуляціи защитниковъ крѣпости, цѣлая партія недовольныхъ запорожцевъ, болѣе 50 чел., отдѣлилась отъ турецкаго гарнизона Браилова и передалась русскимъ, заявивъ желаніе вступить въ черноморское войско. Принявшій этихъ выходцевъ генералъ отъ инфантеріи князь Багратіонъ не нашелъ возможнымъ зачислить столь большое число въ названный черноморскій полкъ, а отправилъ чрезъ генерала дюка де-Ришелье на Одессу прямо въ Черноморію,—куда прибыло только 27 чел., а остальные то умерли, то остались въ госпиталяхъ, а быть можетъ, кто и обратно ушелъ въ Турцію; козакъ же Игнатъ Щербина признанъ черноморцемъ, бѣжавшимъ изъ войска за Дунай, и отданъ подъ

судъ. Невѣрные запорожцы, прибывши въ Черноморію, приведены къ присягѣ на подданство Россіи и причислены къ черноморскому козачьему войску,—съ водвореніемъ на жительство на общихъ войсковыхъ правахъ.

Такъ текла жизнь невѣрныхъ запорожцевъ въ Турціи до турецкой войны 1828 года.

II.

Атаманъ Гладкій.

Въ одной бѣдной малороссійской семьѣ родился Осипъ Гладкій. Народное южнорусское преданіе, какъ передаетъ г. Кулишъ, относитъ рожденіе Гладкаго къ 1792—1795 г. г. Тогда, по сказанію народа, *вся земля струслась*, иначе сказать, поднялась страшная буря, что, по народному повѣрью, означало: *народился какой нибудь лыцарь*, т. е. необыкновенный человѣкъ. Дѣйствительно, если этотъ случай относился къ рожденію *Осипа Гладкаго*, а не другаго, то народъ былъ правъ. Легендарныя похожденія возмужавшаго Осипа Гладкаго, и историческія о немъ сказанія ставятъ его на ряду со многими героями своего времени. Но, мы не станемъ увлекаться фантазіей беллетриста, а скажемъ нѣсколько словъ о Гладкомъ изъ болѣе вѣрныхъ историческихъ источниковъ и разсказовъ людей, видѣвшихъ Гладкаго лично и знавшихъ его жизнь по родственнымъ связямъ.

Осипъ Гладкій родился въ селѣ Мельниковѣ, полтавской губерніи, золотоношскаго уѣзда, отъ малороссійскаго козака Михаила Гладкаго и матери Ѳедосіи, польскаго происхожденія, изъ фамиліи Мазуръ. Рожденіе его относится къ 1787 году. Во время молодости Осипа отецъ его, Михаилъ Гладкій, былъ сельскимъ головой, что указываетъ на его грамотность и болѣе или менѣе выдающееся положеніе среди односельчанъ; если же принять въ соображеніе польское происхожденіе матери, то можно безошибочно заключить, что молодой Осипъ росъ въ далеко незаурядной семьѣ и что обстановка должна была способствовать развитію въ немъ честолюбія. Достигши извѣстнаго возраста,

Осипъ Гладкій женился на казачьей дочери въ селѣ Краснохижинахъ. Но могла ли тихая и скромная сельская жизнь удовлетворить заронившимся въ душу молодаго козака честолюбивымъ замысламъ, не имѣвшимъ на дѣлѣ никакихъ примѣненій. Осипъ Гладкій не выдержалъ: широкая козацкая натура въ немъ развернулась и онъ загулялъ.... Кончилось тѣмъ, что Осипъ Гладкій, оставивъ въ бѣдности любимую свою жену и четырехъ дѣтей—двухъ сыновей и двухъ дочерей, отправился на чумацкіе промыслы, имѣвшіе въ Малороссіи большое значеніе, свою исторію и свою поэзію.

Не имѣя собственныхъ средствъ, Гладкій нанялся батракомъ у богатаго козака и, при своей смышленности и природномъ умѣ, скоро овладѣлъ довѣріемъ хозяина, который, поручивши ему воловъ и возы, отправилъ въ дорогу чумаковать.

Случилось, что у Гладкаго въ Крыму всѣ волы отъ болѣзни пали и онъ побоялся возвратиться къ хозяину съ однимъ *батогомъ*.

Такъ передавала своей семьѣ тетка Гладкаго г-жа Чис—кова. Она, понятно, не была личной свидѣтельницей чумацкаго приключенія своего племянника, а слышала это отъ другихъ. Могло быть такъ, могло быть и иначе. Трудно предположить, чтобы Гладкій, при твердомъ и честномъ характерѣ своемъ, испугался падежа быковъ и вслѣдствіе этого не воротился къ своему хозяину, продавъ оставшееся на его рукахъ чумацкое имущество, или передавъ оное другимъ чумакамъ; самая чумацкая артель поддержала бы въ несчастномъ случаѣ своего товарища,—какъ это у нихъ всегда водилось. Скорѣе можно думать, что удалому чумаку Гладкому приглянулась какая нибудь шинкарочка съ карыми очима и черными бровями, ради которой онъ загулялъ и спустилъ все съ рукъ. А это бывало съ чумаками не разъ и даже вошло въ чумацкую пѣсню:

Пропывъ волы, пропывъ возы,
Пропывъ ярма и занозы,
Пропывъ все добро!

. . . .
. . . .

Но такъ или иначе, Осипъ Гладкій, какъ передавала г-жа Чис—кова, очутился въ Новороссіи, и уже не чумакомъ, а мастеромъ по плотничьей части. Онъ взялся у одного владѣльца выстроить водяную мельницу. Не зная основательно строительнаго искусства и надѣясь только на свою смѣтливость, онъ чего то не досмотрѣлъ, не разсчиталъ, и незаконченную еще мельницу первымъ весеннимъ половодіемъ разбило и разнесло въ щепки. Боясь чтобы панъ погибшей мельницы не надавалъ въ расплату своему мудрому архитектору батоговъ въ спину, вмѣсто ожидавшихся карбованцевъ, Гладкій, не долго думая, далъ тягу. По разсказу Савича, Осипъ Михайловичъ былъ въ Одессѣ, гдѣ занимался бондарнымъ мастерствомъ, а потомъ, бросивши это занятіе, нанялся къ одному пану въ работники, тамъ сошелся онъ съ панской горничной, хотѣлъ на ней жениться, но священникъ, не приступая къ вѣнчанію, началъ собирать справки съ мѣста родины Гладкаго. Понятно, что при такомъ оборотѣ дѣла нельзя было ожидать на мѣстѣ результата справокъ, надѣлавшихъ переполоху въ семьѣ этого авантюриста. Гладкій бѣжалъ въ Керчь. Какъ видно онъ много шатался по Новороссіи, покуда очутился за Дунаемъ у турецкихъ запорожцевъ.

Красивый, разумный и статный здоровякъ Гладкій не могъ остаться незамѣченнымъ въ запорожской сѣчи. Онъ скоро выдвинулся на почетныя должности между товариствомъ. Участвуя вмѣстѣ съ другими запорожцами въ турецкихъ войскахъ при усмиреніи бунтовавшихъ грековъ, онъ геройскими подвигами обратилъ на себя особенное вниманіе какъ турецкаго начальства, такъ и самихъ запорожцевъ, слѣдствіемъ чего было избраніе его куреннымъ атаманомъ одного изъ козачьихъ куреней. На этомъ посту Гладкій еще болѣе съумѣлъ выказать свои достоинства. Въ январѣ 1827 года Осипъ Михайловичъ Гладкій на общей войсковой радѣ былъ единогласно выбранъ кошевымъ атаманомъ запорожскаго козачьяго войска въ Турціи. Выборъ этотъ турецкій султанъ утвердилъ съ присвоеніемъ Гладкому званія двухъ-бунчужнаго паши турецкой службы. Кромѣ того султанъ подарилъ Гладкому за его отличную службу дорогую

саблю съ рукояткою изъ слоновой кости, ножнами изъ массивнаго серебра и съ арабской, на полоскѣ, надписью изъ корана.

Взявши въ руки судьбу запорожскихъ козаковъ, Гладкій задумалъ осуществить давно назрѣвавшую мысль о возвращеніи на родину, по которой онъ—при всѣхъ удачахъ и почестяхъ—тосковалъ, вспоминая на чужбинѣ любимую свою семью. Но тутъ уже къ нѣжнымъ чувствамъ присоединялись честолюбивые замыслы объ удержаніи за собою власти и славы, которыхъ онъ такъ упорно добивался и наконецъ добился. Теперь уже Гладкій думалъ воротиться въ Россію не простымъ козакомъ—батракомъ, а лицемъ властнымъ, особенно если ему удастся вмѣстѣ съ собою вывести на родину турецкихъ запорожцевъ, и такимъ образомъ извлечь изъ этого отважнаго поступка и свою личную выгоду и пользу русскому правительству. При счастливомъ исходѣ задуманнаго предпріятія Гладкій надѣялся, что русскій царь не отвергнетъ его—бѣглеца изъ отечества, фигурировавшаго въ чужой сторонѣ въ качествѣ не простой *райи*, а виднаго въ турецкомъ государствѣ лица, и проститъ его преступленіе.

Не разъ мечталъ объ этомъ Осипъ Михайловичъ Гладкій, держа крѣпко въ рукахъ атаманскую булаву въ кругу своихъ суровыхъ совѣтниковъ—старшинъ войска запорожскаго. Ему все какъ то не удавалось привести въ исполненіе завѣтное свое желаніе. Онъ долженъ былъ хитрить и весьма искусно вести опасную игру: съ одной стороны онъ не довѣрялъ своихъ мыслей войсковому товариству, вообще не имѣвшему расположенія къ русскимъ, съ другой—боялся, чтобы намѣренія его не дошли до свѣдѣнія турецкаго правительства. Въ первомъ случаѣ онъ могъ только потерять свою власть въ запорожскомъ войскѣ, а въ послѣднемъ могъ лишиться не только власти, но и самой жизни. Турецкій султанъ не любилъ шутить съ подобной игрой своихъ подданныхъ; онъ не преминулъ бы въ возмездіе за измѣну прислать своему двухъ-бунчужному пашѣ Гладкому прекрасный шелковый шнурокъ, или прямо отрубить ему голову. Самъ Гладкій единолично, конечно, могъ найти средства убѣжать въ Россію, но чѣмъ?... простымъ козакомъ, безъ знаковъ достоинства

и безъ подчиненныхъ лицъ. Это значило промѣнять атаманскую булаву въ Турціи на солдатскій штыкъ въ Россіи, или, того еще хуже, познакомиться съ русскимъ военнымъ судомъ.... Нѣтъ!— на это Гладкій не былъ согласенъ. Ему хотѣлось возвратиться въ Россію властнымъ лицомъ, способнымъ обратить на себя вниманіе русскаго царя, для чего требовался съ его стороны великій подвигъ, который не только затмилъ бы всѣ его преступленія предъ отечествомъ, вѣроломно имъ оставленнымъ, но и доставилъ бы еще почесть и извѣстность. Онъ слѣпо вѣрилъ въ блестящую свою звѣзду, которая ему постоянно сопутствовала.

Не разъ Гладкій зондировалъ чувства запорожскихъ козазаковъ на счетъ согласія ихъ воротиться въ Россію и сдаться на милость русскаго царя. Но всякій разъ получались результаты отрицательные. Молодежь выказывала нѣкоторую склонность вернуться на родину своихъ предковъ, гдѣ, по разсказамъ, запорожцы жили когда то какъ въ Божьемъ раю, но старые сѣчевики и слушать о томъ не хотѣли. Они знали, что той жизни, какой жили прежде запорожцы въ Россіи, уже не будетъ и что оставшіеся тамъ братья ихъ черноморцы не пользуются тѣми правами и вольностями, которыя были въ Запорожьи и которыми они сами пользуются у турецкаго султана.

Какъ искусный ловецъ, забросивъ удочку, терпѣливо выжидаетъ рыбу, такъ и Гладкій, пустивши изподтишка между козаками мысль о переходѣ въ Россію, терпѣливо выжидалъ покуда она мало по малу созрѣвала подъ вліяніемъ поэтическихъ думъ мечтательной молодежи и предательскаго хмеля старыхъ запорожцевъ. Истинныя намѣренія Гладкаго знали немногія приближенныя къ нему лица, имѣвшія вліяніе на толпу необузданныхъ сѣчевиковъ.

Какъ ни шатка была почва подъ ногами кошеваго атамана, но медлить было нельзя, нужно было на что нибудь рѣшаться: быть или не быть. И онъ дѣйствительно рѣшился на поступокъ самый смѣлый и отчаянный; въ случаѣ удачи онъ выигрывалъ все о чемъ мечталъ, при неудачѣ же терялъ все—и власть и жизнь.

Наступила война Россіи съ Турціей въ 1828 году. Запорожскому войску предстояло готовиться въ походъ съ турками

противъ русскихъ. Гладкій, все еще не раскрывая своихъ картъ покуда не будутъ на рукахъ козыри, по предложенію турецкаго начальства дѣятельно готовилъ отрядъ козаковъ для дѣйствій противъ Россіи. Снарядивши войсковыя лодки и посадивши на нихъ около 1500 запорожскихъ козаковъ, кошевой атаманъ двинулся въ походъ подъ видомъ непріязненныхъ дѣйствій противъ русскихъ. Вскорѣ онъ былъ уже за Прутомъ, направляясь къ русскимъ берегамъ и, только достигши Измаила, объявилъ всѣмъ своимъ спутникамъ принятое имъ твердое рѣшеніе вступить въ службу единовѣрной христіанской Россіи и стать врагомъ невѣрныхъ бусурманъ турокъ, отдавшись на милость Бога и русскаго царя.

Нечего и говорить, что такой поступокъ кошеваго атамана турецкихъ запорожцевъ какъ громомъ поразилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, не знавшихъ настоящихъ мыслей Гладкаго при выходѣ отряда изъ запорожской сѣчи. Они плыли спокойно по Дунаю, воображая, что подбираются къ нашимъ берегамъ съ враждебной цѣлью, которую таилъ отъ нихъ атаманъ, не любившій дѣлиться своими мыслями въ военныхъ предпріятіяхъ съ подчиненными, но каково же было ихъ удивленіе, когда они вмѣсто враговъ являлись къ русскимъ покорными слугами.

Всѣ запорожскіе козаки и знавшіе рѣшеніе атамана Гладкаго передаться русскимъ, и не знавшіе безпрекословно повиновались своему вождю. Они его любили и уважали, какъ заботившагося объ ихъ благосостояніи *батька* и боялись, какъ строгаго начальника; его воля для козаковъ была закономъ.

Въ Измаилѣ атаманъ Гладкій поступилъ съ своими запорожцами въ карантинъ.

О прибытіи изъ Турціи кошеваго атамана Гладкаго съ отрядомъ войска запорожскаго измаильскій комендантъ генералъ Тучковъ донесъ государю императору. Его величество, получивъ такое извѣстіе на возвратномъ пути изъ подъ Браилова, осажденнаго русскими войсками, проводилъ императрицу изъ Бендеръ въ Одессу и 18 мая былъ уже въ Измаилѣ. Когда государь прибылъ въ карантинъ, то всѣ бывшіе тамъ задунайскіе запорожцы пали ницъ передъ его величествомъ, крестясь

и читая моливы. Николай Павловичъ приказалъ имъ встать и выстроиться въ линію. Тогда атаманъ Гладкій съ 17-ю почетнѣйшими запорожцами приблизился къ монарху съ повинною головою. Сложивъ къ ногамъ государя атаманскую булаву, шашку и шапку, Гладкій съ депутатами палъ на колѣни и просилъ у государя себѣ и всѣмъ вышедшимъ съ нимъ изъ Турціи запорожцамъ прощенія и принятія въ русскую службу. Императоръ, принявъ ласково невѣрныхъ запорожцевъ, простилъ ихъ измѣну отечеству,—сказавши при этомъ, какъ передаетъ г. Эварницкій, знаменательныя слова:—„*Богъ васъ прощаетъ, отчизна прощаетъ и я прощаю*". Послѣ сказанныхъ государемъ остальнымъ запорожцамъ нѣсколькихъ милостивыхъ словъ козаки обнажили сабли и торжественно клялись служить вѣрою и правдою православному царю.

Въ то время, какъ государь разговаривалъ съ Гладкимъ, одинъ генералъ, изъ свиты его величества, обратился съ вопросомъ къ стоявшему къ нему поближе запорожскому депутату, старому съ сѣдою чуприною угрюмому козаку: „По какой причинѣ и чрезъ кого именно запорожцы оставили Россію и перешли въ Турцію?" Суровый запорожецъ, не моргнувъ долгимъ усомъ, отвѣтилъ — „черезъ такихъ якъ ты!"

Николай Павловичъ, услыхавъ, что сѣдой запорожецъ буркнулъ что то себѣ подъ носъ спросилъ: „Что онъ говоритъ?..." Генералъ поспѣшилъ отвѣтить: „Ничего, ваше величество,—такъ себѣ глупость". Государь не обратилъ вниманія и продолжалъ вести съ Гладкимъ важный и интересный разговоръ о переходѣ его изъ Турціи. Слова эти слышалъ черноморскій офицеръ Завгородній, бывшій въ то время при государѣ, и послѣ разсказывалъ другимъ черноморцамъ, какъ весьма замѣчательный случай, что у старыхъ запорожцевъ при всей любви къ отчизнѣ, родному краю и православному государю, не угасала старая ненависть къ вельможамъ, бывшимъ, по понятіямъ ихъ, главной причиной уничтоженія въ Россіи войска запорожскаго ради того, чтобы воспользоваться даромъ богатыми запорожскими землями, кото-

рыхъ, дѣйствительно, много было подарено разнымъ сановникамъ императрицей Екатериной II.

Императоръ Николай Павловичъ такъ былъ доволенъ поступкомъ запорожскаго кошеваго атамана Гладкаго, что въ знакъ монаршаго къ нему благоволенія тутъ же пожаловалъ ему золотую медаль, на андреевской лентѣ, съ своимъ портретомъ. Изъ вышедшихъ турецкихъ запорожцевъ тогда же былъ сформированъ дунайскій козачій полкъ, командиромъ котораго назначенъ атаманъ Гладкій.

Высочайшимъ приказомъ, отданнымъ въ лагерѣ при Сатуновѣ 27 мая 1828 года, Осипъ Михайловичъ Гладкій за особенное отличіе, оказанное въ тотъ день при переправѣ русской арміи чрезъ Дунай, на турецкій берегъ, произведенъ въ чинъ полковника.

По окончаніи съ Турціей войны въ 1829 году государь императоръ за усердную и ревностную службу полковника Осипа Гладкаго возвелъ его въ дворянское Россійской имперіи достоинство. При этомъ утвердилъ ему слѣдующій достопримѣчательный гербъ: щитъ раздѣленный на двѣ половины; въ верхней половинѣ на голубомъ полѣ изображенъ орденъ Георгія Побѣдоносца, внизу лодка съ поднятымъ флагомъ и россійскимъ гербомъ; въ нижней половинѣ на красномъ полѣ изображена луна съ крестомъ надъ ней и двумя бунчуками по бокамъ креста; сверху щитъ увѣнчанъ дворянской короной, а на бокахъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ.

Въ этомъ щитѣ нарисована историческая картина перехода кошеваго атамана турецкихъ запорожцевъ двухъ-бунчужнаго паши Гладкаго изъ за Дуная въ Россію и честь, оказанная ему въ отечествѣ за этотъ важный подвигъ.

Война съ Турціей кончилась. Дунайскій козачій полкъ превратился въ азовское козачье войско и Гладкій по волѣ государя назначенъ былъ наказнымъ сего войска атаманомъ; онъ награждается чиномъ генерала и живетъ въ полномъ удовольствіи среди почестей и богатства въ кругу своей семьи, въ которой принималъ участіе самъ благодарный императоръ Николай Павловичъ, высоко цѣнившій заслуги Гладкаго Россіи.

Но запорожцы—азовскіе козаки не возлюбили своего атамана. Причины этому объяснимъ ниже, а теперь скажемъ только, что при такомъ неловкомъ своемъ положеніи среди бывшаго товариства, дѣлившаго нѣкогда съ своимъ любимымъ атаманомъ радости и горе и при старыхъ своихъ лѣтахъ Осипъ Михайловичъ Гладкій вышелъ въ отставку и зажилъ на покоѣ въ своемъ имѣніи—хуторѣ Новопокровскѣ, находившемся въ александровскомъ уѣздѣ екатеринославской губерніи и на 79 году отъ роду скончался отъ холеры.

Осипъ Михайловичъ Гладкій въ жизни своей достигъ всего, чего желалъ—знатности, почестей и богатства; но достигъ ли онъ душевнаго мира, про то вѣдалъ онъ да Богъ.

Въ то время, какъ Гладкій торжествовалъ въ Россіи свою славу, въ Турціи сыпались на его голову проклятія оставленнаго имъ запорожскаго народа. За измѣну Гладкаго турки истребили много *раіи*, разорили Запорожскую Сѣчь, уничтожили кошевое управленіе, раскассировали все войско запорожское и разогнали этотъ несчастный народъ въ разныя мѣста турецкаго государства (въ Добруджѣ). Отъ такого погрома турецкіе запорожцы лишились не только своихъ правъ и вольностей, которыми пользовались до того по милости турецкаго императора, но и самой своей національности не могли уже удерживать во всей чистотѣ и неприкосновенности по козачьимъ традиціямъ. Съ того времени, подъ давленіемъ турецкой ненависти, запорожцы потеряли Сѣчь и общественное свое единство, которымъ они цѣлые вѣка были крѣпки. Не стало Сѣчи, не стало и запорожцевъ, они разбрелись въ разныя стороны, отуречились и затерялись.

Одинъ турецкій запорожецъ, жившій послѣ за Кубанью, изъ азовскихъ переселенцевъ, разсказывалъ мнѣ такъ: Когда турки узнали объ измѣнѣ Гладкаго и переходѣ его съ частью козаковъ въ Россію, то набѣжали изъ разныхъ мѣстъ и начали рѣзать остальныхъ запорожцевъ, гдѣ только они встрѣчались. Убивали съ большимъ ожесточеніемъ всѣхъ, кто попадался подъ руку, никому пощады не было, кровь рѣкою лилась; отчаянные крики, раздирающіе душу вопли и стенанія не унимали разсви-

рѣпѣвшихъ изувѣровъ. Несчастные запорожцы проклинали Гладкаго—виновника ихъ бѣдствій и гибели. Такая ожесточенная бойня продолжалась, среди споровъ турецкихъ чиновниковъ, изъ которыхъ одни удерживали убійцъ, а другіе еще болѣе подстрекали ихъ, пока не прибылъ паша и не прекратилъ кровопролитія. Тамъ же былъ убитъ и отецъ разсказчика, а самъ онъ, бывши съ матерью въ то время по дѣлу въ Тульчѣ, спасся отъ смерти. Тогда же было слышно,—добавилъ онъ, что русскій царь, узнавши, что турки рѣжутъ русскихъ христіанъ, прислалъ бусурманамъ сказать, что если они не прекратятъ этой безбожной рѣзни, то онъ на другой день двинетъ на турокъ всю русскую армію и въ пухъ ихъ разобьетъ. Поэтому турецкій паша, испугавшись угрозы русскаго царя, и поспѣшилъ унять разсвирѣпѣвшихъ османовъ.

Быть можетъ, разсказъ этотъ и преувеличенъ, но во всякомъ случаѣ турки жестоко расправились съ оставшимися послѣ ухода Гладкаго запорожцами за Дунаемъ.

Заканчивая краткій обзоръ жизни Осипа Михайловича Гладкаго, нельзя умолчать и о семейныхъ добродѣтеляхъ этого знаменитаго по романическимъ приключеніямъ человѣка. Извѣстно, что Гладкій, промотавши свое имѣніе, бросилъ жену съ дѣтьми въ самой крайней бѣдности, такой, что дѣти шли служить въ наймы простыми работниками; извѣстно также и то, что онъ, шатаясь по бѣлу свѣту, не чуждъ былъ нѣжныхъ чувствъ къ прекрасному полу и въ Россіи, и въ Турціи, но извѣстно и то, что, какъ только Гладкій возвратился въ Россію и управился съ своими служебными дѣлами, то, несмотря на высокое свое воинское званіе и почетное общественное положеніе, немедленно отправился къ своей убогой семьѣ и поставилъ ее въ положеніе, соотвѣтственное своему званію.

По традиціямъ войска запорожскаго, семейные козаки не имѣли права продолжать службу въ козачьей сѣчи; всякое сообщеніе сѣчевика съ женщинами считалось большимъ преступленіемъ и строго наказывалось. Поэтому и Гладкій, находясь за Дунаемъ въ Запорожской Сѣчи, скрывалъ отъ товариства семейное свое положеніе и даже не сказалъ этого русскому

государю при первомъ представленіи въ Измаилѣ, боясь потерятѣ ту власть надъ своими козаками, какою онъ пользовался въ Турціи, и только впослѣдствіи Николай Павловичъ, узнавъ о семейномъ положеніи Осипа Михайловича, высочайше повелѣлъ принять его дѣтей, годныхъ по возрасту, въ учебныя заведенія для воспитанія на казенный счетъ.

III.

Поселеніе запорожскихъ выходцевъ въ Россіи и образованіе изъ нихъ азовскаго козачьяго войска.

По окончаніи турецкоой войны государь императоръ Николай Павловичъ былъ такъ доволенъ службою вышедшихъ изъ Турціи задунайскихъ запорожцевъ, находившихся въ составѣ дунайскаго полка, что предоставилъ ихъ командиру, бывшему кошевому атаману турецкихъ запорожцевъ Гладкому, выбрать для поселенія ихъ свободную землю въ южныхъ предѣлахъ Россіи, гдѣ окажется удобнымъ.

На войсковой радѣ запорожцы рѣшили: по прежнему своему согласію присоединиться къ черноморскому козачьему войску, происходящему изъ одного съ ними Запорожья. Гладкій не противорѣчилъ козакамъ, но былъ другаго мнѣнія, какъ укажутъ послѣдствія.

Въ 1830 году Гладкій поѣхалъ на Кавказъ для осмотра и выбора мѣста подъ поселеніе задунайскихъ запорожцевъ. Прибывши въ Черноморію, Гладкій представился наказному атаману черноморскаго войска генералу Безкровному, который въ честь дорогаго гостя далъ балъ. На этомъ пиру Гладкій привлекалъ взоры всѣхъ своей статной мужественно-суровой, но красивой атлетической фигурой и еще болѣе исторической своей извѣстностью. На Гладкомъ былъ богатый запорожскій костюмъ и полковничьи эполеты;—такой же здоровенный саженный гайдукъ въ яркомъ кармазиновомъ кафтанѣ, носилъ за своимъ атаманомъ *люльку и кисетъ съ тютюномъ*.

Изъ Екатеринодара Гладкій поѣхалъ далѣе на кавказскую линію, но нигдѣ подходящихъ земель для поселенія своихъ за-

порожцевъ не нашелъ, или не желалъ найти. Возможно думать то и другое. На Кавказѣ вдоль правой стороны Кубани были уже поселенія: въ низовьяхъ этой рѣки черноморское козачье войско, а въ верховьяхъ кавказскіе полки, семейно поселенные на границѣ противъ закубанскихъ горцевъ. Если бы запорожцы перешли въ кавказскій край, то должны были въ первомъ случаѣ войти въ составъ войска черноморскаго, имѣвшаго уже свою организацію, а въ послѣднемъ поселиться отдѣльнымъ полкомъ, по примѣру другихъ полковъ. А чѣмъ же могъ быть Гладкій?—Въ Черноморіи, не получивши научнаго образованія, онъ могъ занять только постъ, не требовавшій личной письменной работы, но какой?... Должность наказнаго атамана—генералъ Безкровный ему уступить не могъ, безъ распоряженія высшей власти, надѣяться же на эту принудительную мѣру было болѣе чѣмъ сомнительно; остаются должности полковыхъ командировъ,—которые въ то время могли быть и малограмотны; поселившись на кавказской линіи полкомъ, онъ могъ оставаться командиромъ своего же дунайскаго полка и только...

Но Гладкій былъ не такой человѣкъ, чтобы однимъ неосторожнымъ поступкомъ утерять первенство власти надъ своимъ войскомъ, хотя и маленькимъ, состоявшимъ изъ одного только полка, а все же войскомъ, по милости Государя, не бывшимъ еще въ зависимости отъ иного начальства, кромѣ его же самаго Гладкаго. Если онъ не задумался ради своей личной славы пожертвовать въ Турціи, быть можетъ, тысячами душъ своихъ братьевъ христіанъ, загубленныхъ турками, то что ему было дорожить мнѣніемъ подчиненной ему горсти казаковъ, на которыхъ, въ силу сложившихся обстоятельствъ и національныхъ ихъ склонностей, онъ имѣлъ такое вліяніе.

Такъ или иначе думалъ Гладкій, но онъ предпочелъ поселиться съ своими запорожцами отдѣльно отъ другихъ областей, на свободной землѣ западной стороны Азовскаго моря, между Бердянскомъ и Маріуполемъ. На эту землю Гладкій привелъ своихъ козаковъ въ концѣ года, и они, ставши здѣсь лагеремъ, зазимовали.

По представленію Гладкаго, государь императоръ высочайше соизволилъ изъ задунайскихъ запорожцевъ образовать азовское козачье войско, съ отведеніемъ оному для поселенія избранной Гладкимъ земли въ сказанномъ мѣстѣ и съ назначеніемъ самаго Гладкаго наказнымъ этого войска атаманомъ.

Тогда только запорожцы увидѣли, что ихъ мечты о соединеніи съ черноморскимъ войскомъ не сбылись. Они были крайне недовольны своимъ атаманомъ, дѣйствовавшимъ самоводьно, въ разрѣзъ съ ихъ желаніями. Нѣкоторые изъ козаковъ, чувствуя себя обиженными Гладкимъ, не перенесли такой несправедливости и насилія съ его стороны; *подяковавши батьку атаману за хлибъ, силь и ласку,* такіе упорные и своевольные запорожцы бѣжали обратно въ Турцію; всѣ же остальные козаки основали на указанной землѣ двѣ станицы Никольскую и Покровскую, но прочнаго домашняго устройства не заводили, а большею частію жили въ землянкахъ. Проходили десятки лѣтъ, а нѣкоторые изъ козаковъ все еще имѣли какую то надежду на соединеніе съ черноморцами, не хотѣли производить болѣе прочныхъ построекъ, продолжали жить въ прежнихъ землянкахъ,—въ ожиданіи новыхъ переселеній въ Черноморію. Предчувствіе ихъ отчасти сбылось, какъ увидимъ впослѣдствіи.

Вслѣдствіе малочисленности вновь образованнаго азовскаго козачьяго войска, по распоряженію правительства, были причислены къ нему смежные съ отведенной войску землей: Петровскій мѣщанскій посадъ надъ самимъ морскимъ берегомъ и Новоспасовское селеніе государственныхъ крестьянъ, переименованное въ станицу; затѣмъ по высочайшей волѣ былъ добавленъ къ азовскимъ войсковымъ дачамъ свободный участокъ казенной земли и на немъ поселена изъ переселенцевъ черниговской губ. Стародубовская станица. Такимъ образомъ въ составъ азовскаго войска вошли: двѣ станицы Николаевская и Покровская изъ коренныхъ запорожцевъ, одна станица изъ казенныхъ крестьянъ, одна новая станица изъ малороссійскихъ переселенцевъ и посадъ Петровскій изъ мѣщанъ, всего пять поселеній, изъ которыхъ послѣднее—посадъ служилъ мѣстопребываніемъ наказнаго атамана съ войсковымъ управленіемъ.

Возникавшія въ разныхъ мѣстахъ Россійской имперіи козачьи войска съ древнихъ временъ заселяли окраины государства; задача козачьихъ войскъ состояла въ охраненіи пограничныхъ мѣстъ своего отечества отъ вторженія непріятелей, причинявшихъ своими набѣгами русскому народу великое разореніе. Противъ этихъ то враговъ Россіи козаки всегда составляли надежную стѣну на границахъ и заслоняли своею грудью мирныхъ жителей Россіи. Атаманъ Гладкій почему то уклонился отъ этого вѣками установившагося правила козачьихъ поселеній и поселилъ свое азовское войско не на границахъ Кубани, гдѣ въ то время много было свободныхъ земель и чувствовался крайній недостатокъ въ народонаселеніи, пополнявшемся для увеличенія войска переселенцами изъ малороссійскихъ губерній, а въ мирномъ уголку Россіи, прикрѣпивъ козаковъ къ казенной землѣ, съ податнымъ населеніемъ, которое было обращено въ козачье званіе вопреки его желанію. Большинство гражданскаго населенія поглотило меньшинство военнаго элемента и впослѣдствіи изъ азовскаго войска, составившагося изъ слившихся въ одно цѣлое козаковъ, мѣщанъ и крестьянъ, образовался какой то округъ, похожій болѣе на небольшой уѣздъ внутренней русской губерніи съ гражданскимъ населеніемъ, чѣмъ на самостоятельное козачье войско.

Такъ какъ азовское козачье войско составилось большею частью изъ крестьянскаго сословія, то внутренняя жизнь козаковъ складывалась въ формы быта мирнаго гражданскаго населенія и протекала въ обыкновенныхъ сельскихъ занятіяхъ. Никакихъ пограничныхъ треволненій азовцы не испытывали, жили себѣ въ станицахъ покойно, занимались хлѣбопашествомъ, обрабатывая по 15 дес. на душу; избытокъ отъ своихъ трудовъ сбывали въ ближайшіе портовые города, преимущественно въ Бердянскъ, а о козачьей военной жизни и рѣчи не было; одни только природные козаки запорожцы, доживая свой вѣкъ, вспоминали про свои невозвратные молодецкіе годы, проведенные въ далекомъ задунайскомъ краѣ. Старые запорожцы, будучи несклонными къ семейной жизни, большею частію оставались сиромами, а молодое поколѣніе коренныхъ козаковъ было на

столько малочисленно, что незамѣтнымъ образомъ сливалось съ гражданскимъ населеніемъ и воспринимало характеръ преобладающей мѣщанской и крестьянской среды, совсѣмъ чуждой воинскому духу истыхъ козаковъ и въ концѣ концовъ принимало весь складъ крестьянскаго люда. Одна только государственная служба, передававшаяся отъ отцовъ къ дѣтямъ, поддерживала тотъ замѣчательный духъ козацкой удали и отваги, который запорожцы, какъ настоящіе козаки, всегда умѣли передавать не только природнымъ козакамъ, но даже и пришельцамъ къ нимъ, принимавшимъ козачье званіе.

П. Короленко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. И. КОСТОМАРОВѢ.

(ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ).

Мнѣ кажется, наступило время отвести страницы „Кіевской Старины“ для помѣщенія на нихъ матеріаловъ по составленію болѣе полной біографіи нашего вѣщаго историка, покойнаго Н. И. Костомарова. Нѣсколько изданныхъ его біографій, а также помѣщенная въ „Литературномъ наслѣдіи“ съ значительными пропусками его автобіографія, не могутъ обрисовать вполнѣ личность великаго нашего историка. Онѣ освѣщаютъ ее тусклымъ свѣтомъ и имѣютъ нѣкоторое сходство съ обычнымъ формулярнымъ о службѣ спискомъ служащаго лица. Въ нихъ почти нѣтъ интимныхъ сторонъ покойнаго, которыя могли быть подмѣченными только близко знакомыми съ нимъ. Пусть эти знакомые его сообщаютъ на страницы вашего почтеннаго журнала письма Н. И. Костомарова, воспоминанія о немъ и т. п.

Признавая подобнаго рода матеріалы имѣющими существенное значеніе, я считаю своимъ долгомъ сообщить вамъ нѣкоторыя воспоминанія о Николаѣ Ивановичѣ и сохранившееся у меня одно его письмо, которое и прилагаю при этомъ.

Знакомство мое съ нимъ началось съ переписки его со мною въ бытность мою еще студентомъ кіевскаго университета. Вотъ то письмо, снятое съ детальною точностью, которое я имѣлъ счастье получить въ Кіевѣ и которое принесло мнѣ столько радостей, что и до сихъ поръ я храню его какъ святыню:

„Одибравъ я, шановный добродію, вашъ листъ. Ариөметику взявсь написати К—ій и написавъ багато и приславъ, а

кинець шче не дыславъ. Теперъ его зослано у Вологду, але винъ мини звидты пысавъ и обицявъ дослаты кинець. Іи отъ дожидаю; тымъ и не выпущаю.

„Вашу изминить коли хочете. Я николы не выкладавъ дитямъ сеи науки, тымъ и не берусь на увагу браты чы добра ваша буде, чы ни́. А отдамъ ій кому звелите, якомусь мистцеви, хочъ, прыкладомъ, Савичеви, профессорови астрономіи и землякови нашому. Якъ хочешь, такъ и робыть.

„Чувъ я у васъ у Кіеви шчось учене для нарида збираються друковаты. Колы сіому правда, то слѣдъ бы вамъ бувъ объ симъ укупи зо мною помирковатысь, шчобъ мы одно у другого не перебывалы и одны другымъ на перешкоди не становылысь. Бо колы мы тутъ, а вы тамъ одне и тежъ выпушчатымемо, то тилки соби сылы збавлятымемо. И колы у васъ тамъ есть якій збиръ, то треба булобъ и вамъ у газетахъ звишчаты людъ хрешченый, шчо тамъ у васъ е и шчо вы робыты думаете, якъ я роблю, бо у мене шчо мисяцъ друкуется и тайного ничого нема.

„Бувайты здорови. Дай Боже вамъ усякого добра. Н. Костомаровъ. Марта 21, 1863, С. П. Б., Васильевск. остр. 18 линія, д. Карманова".

Приписка: „Кланяйтесь усимъ громадянамъ вашымъ. Пошлы имъ, Господи, совитъ и волю крипку".

Если не ошибаюсь, я не получалъ больше ни одного письма до осени 1868 г., когда въ первый разъ воочію узрѣлъ изрѣзанную морщинами, живую, съ искрящими глазами, физіономію историка. У него были уже тогда нервныя подергиванія въ правомъ глазѣ, не укрывавшіяся подъ золотыми очками. По пріѣздѣ въ Питеръ, я счелъ своимъ долгомъ отправиться къ нему съ поклономъ въ домъ Карманова. До этого времени мнѣ пришлось напечатать нѣсколько произведеній, утратившихъ уже всякую цѣну. Съ усиленнымъ біеніемъ сердца я поднялся на 3-й этажъ и позвонилъ, прочитавши на дверяхъ съ лѣвой стороны отъ лѣстницы визитную карточку историка. Слуга его, имя котораго я забылъ, хотя знаю, что онъ давно служилъ у Н. И. Костомарова, пустилъ меня въ переднюю и хотѣлъ было по-

мочь мнѣ снять верхнее платье. Я попросилъ его доложить хозяину о моемъ приходѣ. Не прошло минуты, слышу изъ сосѣдней комнаты хриплый голосъ: „Земляче, любый земляче". Передо мною на порогѣ появилась старая, изможденная фигура историка съ дѣтскою радостью.—„Отъ колы довелось побачыты васъ". Двумя фразами и дѣтски-горячимъ поцѣлуемъ онъ сразу понизилъ біеніе моего пульса. Начался разговоръ. — „Ходимо пидъ древеса". Въ углу на лѣво въ первой комнатѣ стояли тропическія растенія съ громадными вѣтвями, подъ которыми стоялъ диванчикъ съ круглымъ предъ нимъ столикомъ. Хозяинъ потребовалъ два стакана кофе. Онъ не могъ сидѣть долго на одномъ мѣстѣ, постоянно вскакивалъ, ходилъ по комнатѣ, или приносилъ изъ сосѣдней комнаты—своего рабочаго кабинета, то папиросы, то сигары и предлагалъ ихъ мнѣ. Мнѣ крайне приходится сожалѣть теперь, что я не записалъ дня этой встрѣчи, а разговоръ нашъ изгладился изъ моей старой головы. Содержаніе его касалось кіевлянъ и разныхъ мѣстъ въ самомъ городѣ. Костомаровъ старался мнѣ объяснить, гдѣ стоялъ тотъ домъ, въ которомъ онъ жилъ въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Кіевѣ, передъ арестомъ.

Выпивши кофе, Н. И. повелъ меня въ свой кабинетъ, одинъ внѣшній видъ котораго возбудилъ у меня благоговѣніе. Посрединѣ—большой рабочій столъ, заваленный книгами и исписанною бумагою, вокругъ стола лежали толстые фоліанты въ одиночку и кучами. Вдоль всей стѣны передо мною красовались полки съ массою старыхъ и новыхъ книгъ. Между двумя окнами стоялъ высокій на 4-хъ ножкахъ столъ, съ поднимающеюся доскою и съ ящикомъ, гдѣ хранились курительныя принадлежности. На этомъ столикѣ стояло металлическое распятіе. Въ углу справа стояло подъ образами вольтеровское кресло, а между нимъ и дверью шкафчикъ съ книгами, игравшій также роль стола. По другую сторону дверей стояли два шкафа тоже съ книгами. На полкахъ сверху сидѣлъ старый любимый котъ историка—Васька.

— „Сидайте ось тутъ", показалъ мнѣ Н. И. на кресло въ правомъ углу. „Це для землякивъ мисто", пояснилъ онъ.

Я боялся утомлять его и нѣсколько разъ порывался уйти, но чувствовалъ будто-бы привинченъ къ креслу. Н. И. все время ходилъ взадъ и впередъ. Онъ позвалъ „Ваську съ высотъ", познакомилъ меня съ нимъ, посадилъ къ себѣ на плечо и ходилъ и все ходилъ по кабинету, разспрашивая меня то о Кіевѣ, то о кіевлянахъ.

Я просидѣлъ долго, хотя время пронеслось для меня мгновеніемъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, между прочимъ, о своихъ текущихъ работахъ.

Провожая меня въ переднюю, онъ снова обнялъ меня и сказалъ:—„Дывиться-жъ, якъ хочете до мене йти, то приходьте що вечора по вторкамъ. У мене збираються добри люде и земляки". Я поблагодарилъ его и вышелъ изъ передней сіяющимъ отъ радости.

Выѣзжая съ родины въ столицу, я получилъ отъ сестеръ вышитую и мереженую сорочку, ни разу мною не надѣванную. Мнѣ пришло на мысль отнести ее въ первый же вторникъ историку „видъ землячекъ". Этого вторника я ожидалъ съ тревожнымъ нетерпѣніемъ, но не зналъ въ которомъ часу идти на вечеръ, не зналъ порядковъ въ столицѣ, прибывши въ нее изъ благословенной Малороссіи всего 2—3 дня. Дождавшись вторника, я пошелъ въ домъ Карманова довольно поздно. Я засталъ у Н. И. человѣкъ десять гостей. Войдя въ кабинетъ, я представилъ ему измышленный мною „отъ землячокъ", а не отъ самаго себя подарокъ. Онъ тутъ же развернулъ его и стрѣлою выбѣжалъ въ дверь на лѣво. Я остался среди незнакомой компаніи. На почетномъ мѣстѣ сидѣлъ благообразный батюшка, около рабочаго стола стоялъ маленькій человѣчекъ съ жидкою выцвѣтшею уже бородкою, на диванчикѣ я замѣтилъ развалившагося человѣка среднихъ лѣтъ, который и не думалъ измѣнять своей позы. Кровь прилила мнѣ къ лицу, хотя мнѣ было тогда уже 27 лѣтъ. Но не прошло 2—3 минутъ растворяется дверь и въ кабинетъ входитъ Н. И., надѣвши сверхъ сюртука принесенный мною подарокъ отъ „землячокъ".

— Отъ, дывиться, точно я ксендзъ въ своей рубашкѣ.

Онъ меня подвелъ къ батюшкѣ, сказавъ:

— Мой духовникъ, мой землякъ и мой другъ сердечный отецъ Степанъ Опатовичъ.

За тѣмъ, онъ подвелъ меня къ маленькому человѣчку и сказалъ мнѣ:

— А отце мой другъ и мой издатель Дмитрій Ефимовичъ Кожанчиковъ, а по нашому—кажанъ (летучая мышь).—„А это“, сказалъ онъ другу, показывая на меня... и запѣлъ малороссійскую думу о козакѣ, носившемъ мою фамилію. Послѣ пѣсни онъ сталъ знакомить меня съ остальными своими друзьями—извѣстнымъ профессоромъ Савичемъ, Бѣловымъ, Никитскимъ и нѣсть имъ числа. Сознавая себя мнимою величиною, выраженіемъ, которымъ подписывалъ всегда мои статьи въ кіевской газетѣ Юнга, я не зналъ теперь, за кого меня принимаютъ: за мнимую ли величину, или же за того голову въ малороссійской опереткѣ, который поетъ:

Тутъ въ мене не клочче,
Про се знае всякъ,
Бувъ я головою—се вже не пустякъ!
Пипъ мене шануе,
Кланяетця дякъ,
Жидъ шапку здыймае,
Се вже не пустякъ!

Въ Петербургѣ пришлось мнѣ прожить до самаго марта 1868 г. Кажется, я не пропустилъ ни одного вторника. Кого-кого я не встрѣчалъ у нашего историка, его гости друзья приходили поклониться его великому генію. Всѣ были у него, какъ у себя дома, безъ всякой церемоніи, хотя достаточно было ему произнести одно слово, разговоры смолкали и каждый представлялъ собою подобіе Лотовой жены. Такое отношеніе, видимо, нравилось покойному историку. Кабинетъ его въ это время принималъ характеръ святилища. Нерѣдко онъ пѣлъ, декламировалъ стихи; стихотворенія Шевченка онъ зналъ всѣ на память. Да и чего онъ не зналъ?... Въ моихъ ушахъ и теперь раздается его голосъ и два стихотворенія Шевченка:

И на апостольскомъ престоли
Чернецъ годованый сидыть,
Людскою кровію торгуе (Иванъ Гусъ)

и

Храмы, иконы и каплицы,
И ставнички, и мура дымъ,
И передъ образомъ Твоимъ
Неутомленные поклоны и т. д.

Всѣ слушали, благоговѣли и сознавали, что передъ ними стоитъ

Апостолъ правды и науки!

Въ Петербургъ я пріѣхалъ искать должности, имѣя въ карманѣ около трехъ тысячъ, заработанныхъ по окончаніи университета воспитаніемъ Грыцька, сына богатыхъ родителей. По истеченіи двухлѣтней педагогической дѣятельности я рѣшилъ оставить Полтаву. Отецъ и мать моего питомца любили меня всею душою, предлагали мнѣ по двѣ тысячи рублей въ годъ на всемъ готовомъ, начиная отъ кареты до мойки бѣлья, и даже сколько я пожелаю тысячъ, но я не согласился. Я чувствовалъ необходимость въ отдыхѣ, не видѣлъ толку въ своей работѣ, считалъ себя богачемъ. Заѣхалъ въ х. Рогозки, черн. губ., обрадовалъ дорогую мою старуху-матушку и дорогихъ мнѣ сестеръ. Хотѣлъ было погостить 2—3 дня, но сестры взяли лукаво съ меня слово обождать окончанія ими двухъ „вышиваныхъ сорочекъ“ для меня, и продержали меня болѣе двухъ недѣль. Два года я не посѣщалъ свой родной очагъ и теперь все мнѣ казалось новымъ или обновленнымъ: и раскоряковатая груша въ громадномъ саду какъ будто бы помолодѣла, и старуха Домна, жена повара, тоже помолодѣла, и бывшіе крѣпостные матери, инвалиды—Степанъ—скотникъ и Кирикъ—телятопасъ, можно сказать, тоже помолодѣли: „Здоровеньки булы, паниченько; отце ще й не надывылысь на ихъ, а воны вже й кидати насъ хочуть“. А Яковъ—кучеръ, стоявшій сбоку, почесавши затылокъ, пробормоталъ сквозь зубы: „Куды воны поидуть? возьму, та коней усихъ и позаганяю у болото, нехай попереду отпасуться“. Изъ строгаго педагога я превратился въ ребенка. Я всю дворню перецѣловалъ и даже Пегаса, сторожившаго день и ночь красную кладовую съ запасами лѣсныхъ орѣховъ въ бочкахъ, домотканки, сушеныхъ грибовъ и всѣхъ вообще земныхъ произведеній, спустилъ съ желѣзной цѣпи. Громадный песъ узналъ

меня, бросился на грудь и сталъ лизать мнѣ лицо. Сборы въ дорогу начались, нужно заѣхать къ сестрѣ въ Нѣжинъ, а тамъ и гайда въ Питеръ. Матушка призвала Якова и приказала ему приготовлять экипажъ, провожать меня до Нѣжина.

— Якъ це? И до папеньки не поидуть? Хыба це такъ слѣдъ?

А тутъ и мать, и сестры, и баба Ганна, „що тебе нянчила, якъ ще ты тильки молоко ссавъ", и вся многочисленная челядь пристала, чтобы ѣхать на могилу отца „до церкви у Сахнивци" и отслужить у отца Хведора и напутственный молебенъ, и „панихвиду". А меня тянуло на сѣверъ, жаждалось новыхъ ощущеній. Я метался, я не спалъ все время моего пребыванія въ родительскомъ домѣ. Мое воображеніе раскинулось широко. Я не былъ при похоронахъ отца. Говорятъ, всѣ крѣпостные отца, и старъ, и младъ, человѣкъ до 300, несли на плечахъ его гробъ за семь верстъ и плакали. Каждый праздникъ онъ собиралъ народъ въ большую залу и „правивъ службу". Я помню эти службы, помню ужасный запахъ въ залѣ отъ ладана, восковыхъ свѣчей, которыя молельщикамъ выдавались даромъ, по одной на душу. Меня тянула и дорогая могила отца. Я помню, какъ послѣ смерти отца убитая горемъ мать разсылала повсюду циркуляры, предлагая премію за надгробные стихи. Наслали ей ихъ много, но она остановилась на стихахъ учителя какого-то приходскаго училища и выдала ему за нихъ 100 р. Я помню эти стихи и буду помнить до могилы. Вотъ они:

Прими, о милый прахъ,
Въ даръ памяти твоей
Слезу жены, возлюбленныхъ дѣтей,
И тамъ, въ жилищѣ божьемъ, въ небесахъ,
Молись за нихъ и жди семьи своей!

Простите меня, что я началъ объ одномъ, а говорю другое, точно хочу сказать о самомъ себѣ, хотя, въ дѣйствительности, такого желанія мнѣ и не приходило никогда.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, я направился бить челомъ о казенномъ мѣстѣ къ N., занимавшему и въ то время высокое положеніе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; я надѣялся на него, какъ на каменную гору. Я зналъ отлично

его родителей, отца, мать, добрѣйшаго и благороднѣйшаго старшаго брата Николая. Помню его матушку и теперь съ „очипкомъ“ на головѣ. Вельможа принялъ меня яко подобаетъ джентельмену, но въ предоставленіи мнѣ мѣста, хотя бы своего курьера, отказалъ, несмотря на мой кандидатскій дипломъ. Я вышелъ отъ него и сказалъ себѣ въ умѣ: „хай тоби сто кипъ чортивъ“.

Я не заботился о мѣстѣ. Мнѣ нужно было отдохнуть послѣ тяжкаго двухлѣтняго безплоднаго труда съ дорогимъ мнѣ и по нынѣ Грицькомъ. Но фортуна певернула свое колесо иначе: во вторникъ вечеромъ пришелъ къ Н. И. какой то молодой, красивый и симпатичный мужчина высокаго роста съ черными, какъ смоль, волосами. Какъ свой человѣкъ, я бывалъ у нашего историка, когда вздумается. Костомаровъ представилъ меня гостю и я онѣмѣлъ, услышавши, что это—собиратель былинъ П. Н. Рыбниковъ. Мнѣ казалось, что это нашъ братъ „козачого роду“, а это—вотъ кто! Какъ человѣкъ „богатый“, я обѣдалъ часто въ нѣмецкомъ клубѣ, что былъ въ Демидовскомъ переулкѣ. На другой день послѣ моего посѣщенія историка я пошелъ „къ нѣмцамъ“ и тамъ встрѣтился съ милѣйшимъ, умнѣйшимъ образованнѣйшимъ и несчастнѣйшимъ Павломъ Николаевичемъ. Мы сѣли рядомъ за столъ, весь обѣдъ проговорили, а черезъ нѣсколько дней поѣхали вмѣстѣ въ вагонѣ на границу Россіи и Германіи, въ калишскую губернію, гдѣ онъ занималъ должность вице-губернатора. Умеръ этотъ драгоцѣннѣйшій для Россіи человѣкъ молодымъ, и слава Богу. Какъ живетъ родная мнѣ его семья, къ стыду моему, не знаю, такъ какъ переписку прекратилъ годъ спустя послѣ пріѣзда моего въ Тифлисъ въ 1876 г.

Какъ то мнѣ пришлось поѣхать изъ Калиша въ Петербургъ. Я захватилъ у моего добраго друга, грека Шимановскаго, вѣроятно, давно превратившагося въ неорганическія вещества, въ его винномъ погребѣ бутылки 2—3 стараго венгерскаго для Костомарова. Я нашелъ его „недужимъ“ въ постели. Возлѣ него сидѣла старушка—матушка. Меня впустили въ спальню. Николай Ивановичъ обрадовался моему

пріѣзду, начались разсказы. „Та йдить соби, вже годи!“ сказала матушка. Я самъ чувствовалъ необходимость уйти отъ слабаго больнаго. Вставши со стула и подавши руку, я рѣшился сказать о винѣ. Николай Ивановичъ началъ метаться и кричать: „Венгржина, венгржина!“ Я выскочилъ стрѣлою изъ комнаты. На другой день я зашелъ рано утромъ освѣдомиться о здоровьи больнаго. Вѣрный слуга его впустилъ меня въ переднюю, молча заперъ дверь, вынулъ ключъ и заявилъ: „Я васъ не пущу, идите къ Николаю Ивановичу“. Я боялся его потревожить, но вѣрный слуга рѣшительно сказалъ мнѣ: „Какъ угодно, сидите здѣсь и день и ночь, а я васъ не выпущу“. Скрѣпя сердце, тихонько я вошелъ къ больному, онъ вскочилъ съ постели и крикнулъ мнѣ: „Ты мнѣ не венгржины принесъ, а лѣкарства, я чувствую отъ рюмочки этого лѣкарства и силу, и бодрость“.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Николая Ивановича въ Тифлисѣ на археологическомъ съѣздѣ. Я его встрѣтилъ на порогѣ приготовленной ему квартиры во дворцѣ великаго князя намѣстника Михаила Николаевича. Можно сказать, все время пребыванія его здѣсь я былъ его тѣнью, я подходилъ къ его двери и ожидалъ, когда онъ проснется, я отходилъ отъ этой двери, когда онъ уже лежалъ раздѣтымъ въ постели.

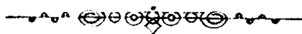
Помню ужасную сцену. Я повелъ историка къ его соузнику, почтенному Николаю Ивановичу Гулаку, доживающему здѣсь свой старческій вѣкъ. Друзья, не видѣвшіе другъ друга много лѣтъ, встрѣтились молча, молча обнялись и горько зарыдали. Я бросился за водою. Выпивши по глотку воды, Н. И. Костомаровъ спросилъ своего тезку: „Помнишь какъ ты на очной ставкѣ увѣрялъ меня, что предъявленная намъ тетрадка изъ синей почтовой бумаги—твое твореніе?“—„Я не помню, да и что тяжелое прошлое вспоминать“. Всѣ трое замолкли. Пауза и—пошли воспоминанія о прошломъ. Бесѣда шла въ маленькой бѣдной комнатѣ, заваленной книгами чуть ли не на языкахъ всѣхъ народовъ земнаго шара. Я былъ нѣмымъ слушателемъ. Я былъ свидѣтелемъ всѣхъ родовъ сценическихъ произведеній. Бесѣда шла долго, но насталъ таки конецъ ей. Друзья обнялись,

расцѣловались. Гулакъ остановилъ своего соузника: „Обожди, Николай, я тебѣ подарю мою книжку, изданную французскою академіею“. Изъ кучи книгъ онъ нашелъ, наконецъ, свою книжку. Историкъ еще разъ обнялъ автора и крѣпко поцѣловалъ. Посмотрѣвъ затѣмъ заглавіе книги (кажется, геометрія 4-хъ измѣреній), нашъ историкъ торжественно воскликнулъ: „Другъ мой, сія книга мною читаема не будетъ!“ Гулакъ улыбнулся святою улыбкой и отвѣчалъ:—„Я очень радъ!“.

На прощаньи я обнялъ Костомарова и отскочилъ отъ него стрѣлою въ дворцовый садъ—слезы меня совсѣмъ задушили!.

Вѣчная тебѣ память, нашъ возлюбленный „апостолъ правды и науки“.

Д. К. М.



ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

Вступленіе во владѣніе новыми имѣніями послужило поводомъ къ поѣздкѣ на контракты, которые происходили ежегодно въ Кіевѣ съ 15 января до 26 февраля. Прежніе дубенскіе контракты тогда совершенно упали, а кіевскіе славились во всѣхъ славянскихъ земляхъ.

Поѣхали мы большой компаніей: я, мой зять Сосницкій, Янъ Омецинскій, Игнатій Струмилло, Северинъ Пильховскій и мой двоюродный братъ Іосифъ Гленбоцкій. Въ нашемъ поѣздѣ было около десятка саней, запряженныхъ четверками; за санями шло нѣсколько верховыхъ лошадей; въ саняхъ были ружья и борзыя; по дорогѣ мы охотились и намъ было очень весело. На отдыхахъ и на ночлегахъ играли въ карты и болтали.

Мы спѣшили пріѣхать къ вечеру 5 января въ Кіевъ, чтобы присутствовать при освященіи воды на Днѣпрѣ — *водохрестьи*. Чтобы побывать на этомъ торжествѣ, стоило пріѣхать за девять дней до открытія контрактовъ. На этомъ торжествѣ парадировала мѣстная конная милиція, существовавшая до 30-хъ годовъ.

Для всей нашей компаніи мы наняли обширный домъ на Подолѣ; хозяйка переселилась съ дочерьми въ маленькій домикъ на томъ же дворѣ, а мы расположились въ огромныхъ покояхъ, убранныхъ по старинному.

---

[1]) См. Кіевская Старина, 1891 г., № 6.

Въ день Крещенья была прекрасная погода. Морозило, солнце свѣтило ярко. Изо всѣхъ кіевскихъ церквей потянулось духовенство съ хоругвями и цеховыми значками; кругомъ проруби расположилось восемь эскадроновъ городской милиціи; лошади были въ стальныхъ панцыряхъ, съ султанами изъ страусовыхъ перьевъ на головахъ; всадники были въ алыхъ атласныхъ жупанахъ и свѣтло-зеленыхъ саетовыхъ кунтушахъ съ отворотами, въ бѣлыхъ шапкахъ съ барашковой опушкой и перомъ цапли, съ золотыми украшеніями; вооружены они были копьями со значками и обоюдоострыми мечами.

Конные музыканты, въ числѣ 72 человѣкъ, играли въ то время, когда митрополитъ съ безчисленнымъ духовенствомъ подошелъ къ проруби. „Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный" разносилось далеко, ко всѣмъ славянскимъ странамъ. Митрополитъ освятилъ воду и окропилъ всѣ славянскія страны. Это было славянское urbi et orbi, ибо Кіевъ всеславянская столица. У меня захватило духъ отъ этого зрѣлища. Съ какой бы радостью я утопилъ въ этой днѣпровской проруби все, что было и могло быть врагомъ славянства.

Это было въ 1830 году. У насъ, подъ Бердичевомъ и въ Житомирѣ, никому и не снилось и не грезилось ни о какомъ заговорѣ, ни о какомъ возстаніи. Вѣсти изъ Варшавы были такъ недостовѣрны и фантастичны, что ихъ однимъ ухомъ слушали, а въ другое выпускали, и никто не придавалъ имъ большого значенія. Дѣйствительно, это были скорѣе анекдоты, чѣмъ политическія извѣстія. Въ Кіевѣ было совершенно иначе; здѣсь допускали возможность возстанія, хлопотали о томъ, чтобы столковаться, прійти къ соглашенію...

Изъ польскихъ фамилій кіевской округи выдѣлялись двѣ—Росцишевскіе и Залѣскіе. Они находились въ близкихъ отношеніяхъ съ кіевскимъ мѣщанствомъ. Другіе поляки, жившіе въ Кіевѣ и пріѣхавшіе туда, сторонились отъ мѣщанства, вслѣдствіе религіозныхъ и національныхъ предразсудковъ. Два представителя этихъ фамилій играли въ то время видную политическую роль — Іосифъ Залѣскій, бывшій уланскій офицеръ, а потомъ капитанъ конныхъ стрѣлковъ польскихъ войскъ, и Эд-

мундъ Росцишевскій, служившій подпоручикомъ въ тѣхъ же конныхъ стрѣлкахъ. На свое несчастье они избрали повѣреннымъ нѣкоего Голеевскаго, бывшаго гусарскаго офицера, сидѣвшаго въ то время въ кіевской крѣпости за жестокое обращеніе со своими крестьянами; это былъ исправный и энергическій офицеръ, но, къ сожалѣнію, онъ не былъ ни хорошимъ человѣкомъ, ни хорошимъ полякомъ, какъ оказалось впослѣдствіи.

На этихъ контрактахъ, которые были очень многолюдны и привлекали большіе капиталы, помѣщики трехъ предднѣпровскихъ губерній (т. е. кіевской, подольской и волынской), старые и молодые, знакомились между собою, сближались тѣснѣе прежняго, но всѣ сторонились какъ отъ помѣщиковъ изъ Заднѣпровья, которыхъ съѣхалось на контракты очень много, такъ и отъ кіевскихъ мѣщанъ. Съ заднѣпровскими помѣщиками играли въ карты, потому что это были самые извѣстные игроки во всей россійской имперіи. Генералъ Завадовскій, впослѣдствіи атаманъ черноморскихъ козаковъ, генералъ Исленьевъ, кавалергардскій ротмистръ Чорба, ротмистръ Черникъ, черноморецъ, артистъ-художникъ, цѣлое семейство Нечаевъ изъ херсонской губерніи, разные предводители дворянства, совѣтники и полковники—все это вело игру на тысячи и десятки тысячъ; съ ними водились поляки, какъ напр. полковникъ Денбовскій, въ то время владѣлецъ Стараго Константинова и Гончарихи, его зять Витославскій, двое Собанскихъ, Александръ и Исидоръ, полковникъ Млокосевичъ и др. Къ нимъ же примыкали курляндцы и великоросы, изъ которыхъ первую роль игралъ кн. Голицынъ, женатый на Ходкевичъ. Золото текло, какъ вода.

Картежная игра вошла въ такую моду, что не было дома, гдѣ бы нельзя было застать играющихъ. Едва только кто нибудь появлялся, едва успѣвалъ поздороваться, какъ его усаживали за карты. Не было никакихъ развлеченій, кромѣ картъ, никакихъ разговоровъ, кромѣ разговоровъ о картахъ.

Выѣхать изъ Кіева было гораздо труднѣе, чѣмъ собраться ѣхать туда, хотя и ѣхали домой. То тамъ еще не успѣлъ побывать, то того не успѣлъ купить, а надо было закупить и чаю, и конфектъ, и маринадовъ и всего на цѣлый годъ. Отъ-

ѣздъ откладывался со дня на день, а тутъ наступала оттепель и санная дорога могла совсѣмъ пропасть. Пріѣхали мы вмѣстѣ, надо было вмѣстѣ и возвращаться, а между тѣмъ проходилъ день за днемъ — нельзя было собраться. Но Омецинскому пришла однажды счастливая мысль:

— Ѣдемъ въ Брусиловъ.

— Превосходно!—закричали всѣ:—и маленькая головка у пана Яна, а разуму въ ней не оберешься! Да здравствуетъ панъ Янъ! Ѣдемъ въ Брусиловъ!

Начали собираться и выѣзжать одинъ за другимъ. Брусиловъ былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ. Мы съ Омецинскимъ остались еще на два дня въ Кіевѣ, а потомъ отправились въ тотъ же Брусиловъ. Добро бы это былъ Чернобыль, столица чернобыльскаго округа, гдѣ гордая шляхта охраняла польскую границу, съ одной ногой, обутой въ сапогъ со шпорой, а другой въ лыковый лапоть, въ знакъ того, что готовы выйти на службу пѣшими и конными на зовъ короля и Рѣчи-Посполитой, я еще понялъ бы, что это было посѣщеніе священнаго шляхетскаго мѣста, такъ сказать, шляхетскій отпустъ, но въ Брусиловѣ такихъ воспоминаній не было. Мы застали нашихъ товарищей и еще втрое болѣе иной доброй шляхты въ корчмахъ за столами, на которыхъ стояли четырехгранные штофы съ гольдвассеромъ, сверкавшимъ золотомъ и серебромъ, гданской, ратафіей, кальмусовкой, тминной и другими славными водками, приготовляемыми въ Брусиловѣ. Закупали ихъ для домашняго обихода на цѣлый годъ, но прежде пробовали по цѣлымъ недѣлямъ, чтобы разобрать вкусъ и привезти домой уже испробованныя.

Таковы то были воспоминанія о Брусиловѣ и потому то такъ пріятно звучало въ ушахъ: „Въ Брусиловъ, въ Брусиловъ!“

VIII.

Русская гвардія.—Положеніе русскихъ земель.—Старинные роды.—Извѣстія изъ-за Дуная.—Выступленіе гвардіи въ Петербургъ.

Въ то время въ нашихъ мѣстахъ зимовала гвардія, возвращавшаяся изъ Надднѣстровья, гдѣ она находилась въ качествѣ

резервнаго корпуса во время войны съ Турціей. Война была уже окончена, адріанопольскій миръ заключенъ. Послѣ смотра вел. князя Михаила Павловича, эти блестящіе полки должны были возвратиться въ Петербургъ, но ради масляницы они остались на зимнихъ квартирахъ и масляница была отпразднована такъ шумно, какъ нигдѣ.

Въ Коднѣ у генерала Корженевскаго были самыя многолюдныя собранія и самые блестящіе балы. Тамъ знакомились и сходились гвардейцы съ помѣщиками, съ молодежью, съ офицерами польскаго войска, которые всегда бывали въ окрестностяхъ Бердичева для ремонта. Моя тетка, Станислава Гленбоцкая, умерла послѣ кратковременной болѣзни, и ген. Корженевскій, по истеченіи половины срока траура, женился на другой моей теткѣ, Аннѣ Гленбоцкой, вдовѣ маршалка Викентія Ледоховскаго. Какъ первая жена Корженевскаго любила домашнюю жизнь, хозяйство, книги и добрыя дѣла и была благочестивой женщиной, такъ вторая любила развлеченія, наряды, движеніе, словомъ, была женщиной свѣтской. Очень веселились тогда въ Коднѣ, и балы слѣдовали за балами.

Мы жили съ гвардейцами очень дружно, въ особенности съ донскими козаками. Отъ нихъ мы узнавали о придворныхъ и политическихъ новостяхъ; они показывали намъ нѣмецкія газеты, въ которыхъ писалось объ этомъ и которыя получались въ большомъ числѣ гвардейскими офицерами, такъ же какъ французскія и англійскія. Офицеры выписывали и русскія изданія, съ которыми такимъ образомъ знакомились и мы. Гвардейцы были очень трудолюбивы и любознательны, охотно читали наши книги, и я зналъ только очень немногихъ, которые не говорили по польски. Мы сближались на почвѣ литературы, науки и политики, но особенно близко не сходились. И смѣло можно сказать, что это пребываніе гвардіи было очень полезно для нашей молодежи, особенно для молодежи бердичевской околицы, потому что эта молодежь наиболѣе сошлась съ русскими офицерами. Насколько я могъ замѣтить въ то время, католическое духовенство наиболѣе старалось воспрепятствовать сближенію между поляками и русскими. Гдѣ только были піары, доминиканцы и

даже базиліане, люди воспитанные, ученые и уважаемые, имѣющіе вліяніе на помѣщиковъ, тамъ помѣщики избѣгали общенія съ русскими. Въ бердичевской округѣ были босые кармелиты, но съ туго набитыми карманами; гречкосѣи и волопасы, они хозяйничали въ Скрыгловкѣ и въ Скоморохахъ, имѣли большія мельницы на Гнилопяти и на Гуйвѣ, погреба подъ костеломъ и лавки возлѣ костела, гдѣ и торговали, а вся ихъ духовная мощь, весь ихъ разумъ заключались въ бердичевскомъ календарѣ и въ астрономическихъ предсказаніяхъ математика Кисловскаго, не кармелита, и не босого.

Мы охотились на лисицъ въ камышахъ оо. кармелитовъ и отдавали имъ лисьи шкурки на шубы, занимали у ксендза Даніэля полновѣсные червонцы и елизаветинскіе рубли на проценты и подъ залоги, пили шампанское съ ксендзомъ-провинціаломъ Романовскимъ, но между нами не было иныхъ отношеній, какъ между добрыми сосѣдями.

Въ Коднѣ были августинцы, которые жили славой прежней своей образованности. Бернардины въ Чудновѣ умѣли великолѣпно приготовлять осетрину и штокфишъ. Капуцины въ Ходорковѣ умѣли варить превосходный медъ и продавали его по рублю серебромъ за бутылку. Все это не могло способствовать имъ пріобрѣсти вліяніе среди помѣщиковъ и они, дѣйствительно, таковымъ не пользовались.

Іезуиты, которыхъ императоръ Александръ I, послѣ изгнанія ихъ изъ всей страны, оставилъ здѣсь какъ бы на забаву старому сенатору Илинскому, пытались было устроить школы, собрали даже нѣсколько молодыхъ людей, но Антонъ Бардецкій и Янушъ Вороничъ убѣжали оттуда съ ранами отъ побоевъ. Вѣсть объ этомъ варварствѣ быстро распространилась; родственники учениковъ взяли ихъ изъ школъ и школы прекратили свое существованіе, а вскорѣ и сами іезуиты, не знаю вслѣдствіе какихъ причинъ, должны были, по распоряженію правительства, покинуть край.

Доминиканецъ Фальковскій былъ присланъ въ юго-западный край для поднятія значенія и вліянія католическаго духовенства, но этотъ проповѣдникъ, не только пламенный, но даже

бѣшеный и необузданный, первые свои громы направилъ на женщинъ: сталъ порицать одну дѣвушку, называя ее язычницей, а не христіанкой, и такъ ее поносилъ, что всѣ вышли изъ костела, а ругающагося проповѣдника должны были свести съ амвона. Обидѣлъ онъ и другую уважаемую женщину за то, что она, будучи въ разводѣ съ первымъ мужемъ и имѣя отъ него трехъ сыновей и дочь, вышла замужъ за другого. Онъ выносилъ домашнія дрязги на амвонъ и разглашалъ ихъ во всеуслышаніе. Его отовсюду гнали, какъ дикаго волка, а въ бердичевской округѣ не позволили ему даже вступить на каѳедру. Такіе апостолы, конечно, не были способны внушить уваженіе къ духовенству и распространить его вліяніе. Ксендзъ Фальковскій обидѣлъ прекрасный и слабый полъ и эта обида вызвала непріязненное отношеніе къ духовенству.

Уже второй разъ въ моей жизни русскіе пробуждали общественную жизнь въ юго-западномъ краѣ. Нужно признаться, что не было накакой связи между различными частями Польши. Цѣпь была порвана и не было никакихъ усилій со стороны поляковъ, чтобы спаять разбитыя звенья. Царство Польское, такъ называемая конгрессовка, замкнулось въ самомъ себѣ, какъ черепаха въ панцырѣ, и не хотѣло даже знать, что дѣлается тамъ внѣ панцыря. Западная Русь и Литва стали для него пріятнымъ воспоминаніемъ. Русь знали по пирогамъ, а Литву по колдунамъ, а такъ какъ и татары претендовали на изобрѣтеніе колдуновъ, то литовцевъ и смѣшивали съ татарами. Русь представлялась въ образѣ гайдамаковъ и козаковъ. Литва, какъ и всегда, была благоустроена, велика, крѣпка духомъ. Двое Снядецкихъ и Адамъ Мицкевичъ поставили ее высоко. Одако произведенія Снядецкихъ были слишкомъ мудры для поляковъ; нѣмцы и французы понимали ихъ, переводили на свои языки, для поляковъ же это была Зендъ-Авеста, которой удивлялись, но которой не могли понять. О такомъ исполинѣ, какъ Адамъ Мицкевичъ, Людвигъ Осинскій продекламировалъ: „Ciemno wszędzie, głucho wszędzie, głupie było, głupie będzie“ и закрылъ книжку, и книжка лежала закрытой въ Польшѣ,—поляки ее не раскрывали. Лишь тогда, когда русскіе стали чтить и

прославлять Мицкевича, когда, вслѣдъ за Пушкинымъ и Гоголемъ, провозгласили, что онъ великій поэтъ и нашъ „славянинъ", лишь только тогда и у насъ, въ юго-западномъ краѣ, признали это, по примѣру русскихъ, и съ тѣхъ поръ слава Мицкевича стала проникать въ Царство Польское, въ Галичину и даже въ Познань и тамъ съ изумленіемъ стали говорить, что на Литвѣ и въ западной Руси читаютъ и пишутъ по польски.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Познани только гораздо позднѣе было открыто существованіе поляковъ въ восточной и западной Пруссіи и слѣды славянъ по Эльбѣ. Послѣ такого открытія, равнаго открытію Христофора Колумба, надо было отдохнуть, чтобы умъ не раздулся и не лопнулъ, какъ мыльный пузырь. Оставили позднѣйшимъ поколѣніямъ изслѣдовать, есть ли еще поляки гдѣ нибудь въ иныхъ мѣстахъ, кромѣ (Познани), въ Гнѣзенѣ, надъ озеромъ Гопла, или ихъ съѣли мыши, какъ короля Попеля.

Въ Галичинѣ Габсбурги и Меттернихъ тѣшили шляхту красными мундирами, золотымъ шитьемъ, золотыми шпорами, титулами графовъ, бароновъ и кавалеровъ и сеймомъ, чтобы она не развѣдывала, что дѣлается въ другихъ частяхъ Польши; она объ этомъ и не знала, и знать не хотѣла,

Единственнымъ звеномъ, связывавшимъ насъ съ Польшей, были офицеры польскихъ войскъ, присылаемые въ наши мѣста для ремонта, но намъ казалось, что это войско составляетъ особую часть народа, чуть не отдѣльный народъ цесаревича Константина Павловича, потому что было предано ему тѣломъ и душей; я не преувеличу, если скажу, что оно боготворило своего вождя. Мы были тогда въ близкихъ отношеніяхъ съ польскимъ войскомъ; молодежь отовсюду шла служить въ это войско, и составляли лучшую часть его офицеровъ. И у насъ хотя и боялись царскаго брата, но любили его, и мы думали, что онъ лучшій полководецъ въ свѣтѣ и любитъ поляковъ, какъ своихъ дѣтей. И въ польскомъ войскѣ, и между помѣщиками югозападнаго края, особенно между молодежью, цесаревичъ, а также, могу утверждать это, и императорское правительство пользовались большою популярностью. Помню, какъ

однажды на собраніи въ Коднѣ, на которомъ присутствовали почти всѣ офицеры-ремонтеры, когда Генрихъ Ржевускій порицалъ поляковъ, которые такъ охотно шли воевать съ турками, единственными союзниками древней Польши, маіоръ Гужковскій, признававшій только свою саблю и своего коня, отвѣтилъ, что напрасно цесаревичъ не послалъ всего польскаго войска на бусурманъ, можетъ быть, ему удалось бы снискать царскую милость и оно не лишилось бы лампасовъ, которые были замѣнены тогда выпушками.

Что же дѣлала въ это время польская аристократія?

Незнаю, что дѣлалъ князь Адамъ Чарторыйскій въ царствѣ польскомъ; мы постоянно читали въ газетахъ, что онъ жилъ заграницей и только по временамъ, да и то не надолго, пріѣзжалъ въ Варшаву, но о его дѣятельности мы ничего не знали. Этотъ великій государственный мужъ, казалось, забылъ о юго-западной Руси, которая была колыбелью его рода. Въ Межибожѣ было тихо; владѣльца не было видно и его не надѣялись увидѣть, а между тѣмъ народъ и шляхта любили этого потомка генерала земель подольскихъ, который предсѣдательстовалъ нѣкогда среди нихъ. Сенявщина была распродана и говорили о предстоящей продажѣ Межибожчины; въ Грановщинѣ хозяйничали нѣмцы, а грановскіе козаки, славные своими кунтушами изъ телячьей кожи, перелетавшіе на своихъ добрыхъ коняхъ степи Украины и Буджакъ, слуги короля и Рѣчи Посполитой, теперь мыли испанскихъ мериносовъ, откармливали американскихъ свиней и воздѣлывали картофель. Не было и признака, что князь Адамъ возвратится въ юго-западный край и заживетъ тамъ жизнью своихъ предковъ.

Напрасно Падура пѣлъ князю Евстафію Сангушку:

Ой колы бъ еще война була,
Тобъ побачыла тебе ула.

Сангушки, искренніе и добрые люди, казалось, забыли, что между ними былъ князь Романъ, водившій при свѣтѣ мѣсяца козацкіе полки...

Рюриковичи Четвертинскіе носили придворные мундиры, а не военное платье.

Радзивиллы не имѣли даже высокихъ фантазій Пана-Кохапка. Старшій изъ нихъ, подлужанскій, занимался болѣе швейцарцами и бердичевскими евреями, чѣмъ польскими дѣлами.

Что же дѣлали Ржевускіе—этотъ ходячій разумъ польской шляхты? Одинъ изъ нихъ разыгрывалъ эмира въ Саврани, точно въ аравійской пустынѣ, но являлся эмиромъ—цивилизаторомъ. Жеребцы и кобылы пяти породъ стояли у него на паркетѣ, у мраморныхъ яслей, и передъ каждымъ было зеркало, чтобы они могли любоваться собой, а не скучать какъ одалиски гарема. Самъ онъ возсѣдалъ на тигровой шкурѣ, тянулъ трубку и попивалъ кофе, а вокругъ него козачата, какъ арабы, сидя неподвижно, играли на теорбанахъ и распѣвали козацкія думы. Козачата кричали, люди кричали, а эмиръ сидѣлъ, думалъ и ничего не говорилъ.

Генрихъ Ржевускій говорилъ иногда о Польшѣ, о битвѣ подъ Лейпцигомъ, о рыцаряхъ Іосифа Понятовскаго, но чаще всего только отпускалъ остроты. Такъ напримѣръ, когда Бутурлина, урожденная Понятовская, дочь Понятовскаго изъ Таганчи, богача, державшаго на откупѣ кіевскую губернію, попросила его однажды написать ей въ альбомъ какіе нибудь стихи, прославляющіе имя Понятовскихъ и ихъ стремленіе къ славѣ, Ржевускій написалъ:

O Poniatowscy, jakież wasze łosy głupie—
Ieden siedział na tronie, drugi na otkupie [1])

Въ другой разъ Марія Гленбоцкая показала ему свой альбомъ, въ которомъ были стихотворенія разныхъ знаменитыхъ поляковъ—людей сабли и пера,—написанныя въ ея честь. Эти стихи были не особенно хороши, большею частью въ нихъ фигурировали ангелы и демоны. Ржевускій прочелъ, усмѣхнулся и потомъ написалъ:

Anioł, diabeł, Maryś, ilez to tu rzeczy
Ale precz Marysi, wszystko nie do rzeczy [2]).

---

[1]) Т. е. „О Понятовскіе, какъ глупа ваша судьба: одинъ сидѣлъ на тронѣ, другой занимается откупами.“

[2]) Т. е. „Ангелъ, демонъ, Марыся—сколько здѣсь предметовъ, но кромѣ Марыси всѣ они неумѣстны“.

Все онъ обращалъ въ шутку и отъ него ничего нельзя было добиться кромѣ остроумныхъ выходокъ.

Въ это время я познакомился въ Пилипахъ съ генераломъ Витте, начальникомъ военныхъ поселеій на Украинѣ, сыномъ прекрасной Софьи Потоцкой отъ ея перваго брака, и съ его адъютантомъ Адамомъ Ржевускимъ, братомъ Генриха. Генералъ Витте былъ кокетливый старичекъ, веселый и казавшійся добрымъ человѣкомъ. Адамъ же Ржевускій произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, которое не изгладилось и до сихъ поръ.

Возвращаюсь къ стариннымъ и славнымъ родамъ въ юго-западной Руси.

Потоцкіе не раздѣлались еще съ Тарговицей, а Браницкіе съ послѣднимъ гетманствомъ. Сапѣгъ не принимала ни Литва, ни Червонная Русь, и они тоже не шли въ счетъ.

Коммиссаръ Микульскій, который во время войны былъ командированъ на Дунай для переговоровъ съ Гладкимъ, атаманомъ запорожцевъ, жившихъ въ началѣ этой войны надъ Дунайцемъ подъ властью турецкаго султана, и со старшиной другихъ козаковъ, описывалъ намъ этотъ запорожскій кошъ, какъ сборище бурлаковъ и гайдамаковъ со всего свѣта, а Гладкаго какъ простодушнаго человѣка, который будто бы не былъ въ состояніи справиться съ этимъ сбродомъ и для управленія имъ прибѣгалъ къ помощи евреевъ, что будто и онъ, Микульскій, для переговоровъ съ козаками также пользовался преимущественно посредничествомъ евреевъ, будто евреи болѣе, чѣмъ Гладкій, способствовали образованію между запорожцами партіи сторонниковъ перехода на лѣвый берегъ Дуная, будто не болѣе 3000 человѣкъ было выведено оттуда для поселенія надъ Азовскимъ моремъ, а большая часть запорожцевъ разсѣялась по всей Турціи. О другихъ козакахъ онъ разсказывалъ, что некрасовцы остались вѣрными Турціи и пользовались у турокъ прекрасной репутаціей, что добруджскіе старовѣрцы были взяты въ качествѣ заложниковъ турецкимъ правительствомъ и не перешли въ Россію, хотя ихъ старшина и толковала объ этомъ.

Эти разсказы служили поводомъ къ разсужденіямъ о назначеніи козачества, которыя велись у насъ.

Такъ жили мы шумно въ нашей пышной округѣ, и хотя это была жизнь разсѣянная, не направленная по опредѣленной дорогѣ, къ ясно намѣченной цѣли, но все же это была жизнь, которая въ высшей степени способствовала сформированію молодежи, которая приготовляла ее къ дѣятельности, гдѣ она нашла бы путь, указывающій цѣль стремленій, и волю, которая помогла бы ей дойти до этой цѣли.

Время текло весело, летѣло быстро, каждый былъ доволенъ собой, какъ вдругъ пришелъ приказъ о выступленіи гвардіи въ Петербургъ. Мы прощались съ гвардейцами сердечно, какъ съ родными, какъ съ побратимами, членами одной семьи. И дѣйствительно, мы были побратимами, но вскорѣ, по волѣ судьбы, между нами произошелъ разладъ...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Нѣсколько данныхъ о школахъ въ правобережной Украинѣ въ половинѣ XVIII в.

Скудость матеріаловъ по школьному дѣлу въ правобережной Украинѣ въ половинѣ XVIII вѣка даетъ намъ смѣлость привести здѣсь содержаніе нѣсколькихъ документовъ, относящихся къ этому времени и заключающихъ въ себѣ біографіи нѣсколькихъ лицъ, получившихъ образованіе въ ту тяжелую пору. Въ документахъ этихъ мы находимъ свѣдѣнія не столько объ устройствѣ тогдашнихъ школъ, сколько о томъ—какого рода вліяніе оказывали онѣ на своихъ питомцевъ. Въ виду того, что складъ этихъ школъ болѣе или менѣе извѣстенъ по даннымъ XVII вѣка, когда онѣ были такими же, какъ и въ разсматриваемую пору, означенный характеръ нашихъ документовъ не дѣлаетъ ихъ менѣе цѣнными и даетъ возможность судить о степени пригодности тогдашнихъ школъ для жизни. Для уясненія заключающихся въ документахъ фактовъ мы позволимъ себѣ привести рядъ предварительныхъ свѣдѣній.

Пора широкаго распространенія просвѣщенія въ Рѣчи Посполитой, совпадавшая съ господствомъ въ ней полной вѣротерпимости не только по отношенію къ греко-восточному православію, но и къ гонимымъ тогда западно-европейскимъ сектамъ, до социніанства включительно, надолго прервалась съ установленіемъ въ государствѣ строгаго католическаго режима, исключавшаго всякую мысль о проведеніи въ жизнь иныхъ взглядовъ и ученій, кромѣ католическихъ. Замѣчательныя по

своему времени реформатскія и социніанскія школы, возникшія было въ самой Польшѣ, и въ южной Руси въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, одна за другой стали исчезать, лишая тѣмъ возможности получать болѣе или менѣе основательное образованіе не только дѣтей тѣхъ родителей, которые сами держались реформатскихъ ученій, но и дѣтей католиковъ и православныхъ, также пользовавшихся названными школами въ виду ихъ довольно высокаго значенія въ педагогическомъ отношеніи. Только православныя школы, организованныя по западно-европейскому католическому школьному типу, нѣсколько дольше могли продержаться на свѣтѣ въ условіяхъ государственой жизни Рѣчи Посполитой XVII вѣка. При значительной численности православнаго населенія въ государствѣ даже самъ Сигизмундъ III не могъ стереть ихъ съ лица земли. Поднявъ вмѣстѣ съ іезуитами самую ожесточенную борьбу католичества противъ православія, стремясь всѣми средствами къ поддержанію мнимой уніи 1596 года, король-католикъ однако не счелъ удобнымъ преслѣдовать дѣятельность церковныхъ православныхъ братствъ, и послѣднія имѣли въ Вильно, Львовѣ, Минскѣ, Луцкѣ, а съ 1615 года и въ Кіевѣ свои братскія школы, служившія долго серьезнымъ противовѣсомъ іезуитской педагогической дѣятельности, всецѣло проникнутой католической исключительностью. Энергія же такихъ русскихъ дѣятелей, каковы были гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, митрополитъ Іовъ Борецкій и, наконецъ, въ особенности митрополитъ Петръ Могила, оказали самое широкое противодѣйствіе католическому наступленію на православіе и русскую народность. При нихъ братскія школы множились въ числѣ, а кіевская братская школа стараніями Петра Могилы превратилась въ коллегію съ программою не менѣе широкою, чѣмъ программы тогдашнихъ высшихъ іезуитскихъ коллегій. Стараніямъ же Петра Могилы всецѣло должно быть приписано и открытіе винницкой братской школы.

О степени пригодности такихъ православныхъ школъ для противодѣйствія іезуитамъ можно судить хотя бы по слѣдующимъ даннымъ. По уставу первой по времени львовской брат-

ской школы, утвержденному патріархомъ Іоакимомъ въ 1586 году, учитель школы должень былъ не только обучать чтенію и письму, но и грамматикѣ, реторикѣ, діалектикѣ, музыкѣ, св. евангелію, книгамъ апостольскимъ и по всѣмъ этимъ предметамъ выдавать ученикамъ записки; кромѣ того, послѣ обѣда учитель обучалъ воспитанниковъ „пасхаліи, ариѳметикѣ и церковному пѣнію“. По праздникамъ и въ воскресные дни дѣтямъ объяснялось значеніе праздниковъ, а также толковались положенныя на тѣ дни чтенія евангельскія и апостольскія. Изъ устава не видно, чтобы въ львовской школѣ преподавался латинскій языкъ, и называлась она „школой греческаго и славянскаго письма“, а не болѣе обычнымъ впослѣдствіи названіемъ братскихъ школъ „греко-латино-словенской“. Судя по характеру преподаванія учебныхъ предметовъ, такую школу нужно признать среднею. Но въ нѣкоторыхъ изъ братскихъ школъ, „высшихъ“, курсъ преподаванія, повидимому, расширялся даже до полнаго объема такъ называемыхъ „семи свободныхъ наукъ“, т. е. тамъ преподавали trivium (грамматику, реторику, діалектику) и quadrivium (ариѳметику, геометрію, астрологію и музыку). Вообще же главнѣйшее вниманіе въ братскихъ школахъ обращалось на преподаваніе св. писанія, изученіе твореній отцовъ церкви, церковнаго устава, чтенія и пѣнія. Съ XVII вѣка и особенно со временъ Петра Могилы повсюду въ братскія школы проникъ и латинскій языкъ, и ему удѣляли тамъ не меньше времени, чѣмъ въ іезуитскихъ школахъ [1]).

Конечно, въ западной Европѣ въ это время классическое образованіе начало заступать мѣсто схоластическаго, которое поддерживалось іезуитами и по типу котораго слагались программы и нашихъ братскихъ школъ. Стало быть, не лучшее позаимствовали тогда наши школы изъ западной Европы; тѣмъ не менѣе уровень преподаванія въ нихъ для тогдашнихъ полемическихъ и религіозныхъ цѣлей былъ далеко не ничтожнымъ, и братскія школы поэтому имѣли огромное значеніе для края.

[1]) Линчевскій. Педагогія древнихъ братскихъ школъ и преимущественно древне-кіевской академіи. „Труды Кіевск. Дух. Академіи“ 1870. Т, III, стр. 104—154.

Но усилившіяся посягательства поляковъ и противъ православія, и противъ русской народности въ связи съ грубымъ соціальнымъ гнетомъ шляхетства на русское поспольство—все это неминуемо должно было повести къ вооруженному протесту гонимыхъ противъ своихъ гонителей; насталъ вѣкъ козацкихъ возстаній. Не время теперь было для серьезнаго школьнаго ученія гонимымъ православнымъ, а католическій польскій фанатизмъ и вовсе уничтожилъ въ это время братскія школы православныхъ, и только кіевская коллегія продолжала свѣтить среди наставшаго сумрака, но и то, давая отъ себя въ концѣ XVII в. свѣтъ меньшей силы, такъ какъ высшіе и даже средніе классы ея оставались лишенными питомцевъ, отдававшихъ теперь свои силы на военные подвиги. Впрочемъ возможность сохраненія кіевской коллегіи обусловливалась только тѣмъ, что съ 1667 г. Кіевъ съ ближайшей округою отошелъ отъ Рѣчи Посполитой, а новымъ московскимъ вершителямъ судебъ его, хотя кіевская коллегія съ латинскимъ языкомъ и западно-европейской латинской наукой не вполнѣ была симпатична, сила вещей указала на необходимость согласиться съ желаніемъ мѣстныхъ южнорусскихъ дѣятелей не только возстановить исчезнувшіе въ смутную пору высшіе и даже средніе классы коллегіи, но и вообще мирволить этому благому учрежденію [1]). Равнымъ образомъ та же необходимость вызвала въ это время возникновеніе въ лѣвобережной Украинѣ, въ гетманщинѣ цѣлаго ряда школъ при церквахъ и единственной въ то время въ присоединенной къ московскому государству Малороссіи переяславской семинаріи, не имѣвшей впрочемъ тогда философскаго и богословскаго классовъ [2]) Въ виду существованія названныхъ учрежденій даже въ смутное время Руины могли появиться въ Кіевѣ такіе серьезные литературные дѣятели, какъ Іоанникій Голятовскій, Антоній Радивиловскій, Лазарь Барановичъ, а позднѣе Дмитрій Туптало. Правда, всѣмъ имъ не легко жилось и не легко писалось при

---

[1]) П. И. Житецкій. Очеркъ литер. исторіи малорус. нарѣчія въ XVII и XVIII в. стр. 153—154.

[2]) Кіев. Стар. 1889 г., кн. февральская. Статья г. Н. Левицкаго. Прошлое переяславскаго духовн. училища.

новомъ строгомъ, хотя и православномъ, режимѣ, но все же они высоко держали знамя своей вѣры и народности, причемъ эту послѣднюю не смѣшивали ни съ польской, ни съ родственной великорусской [1]).

Иначе стояло дѣло православія, православной науки и писательства въ разгромленной, истерзанной въ то время правобережной Украинѣ. На смѣну исчезнувшихъ во время козацкихъ войнъ школъ, заведенныхъ православными братствами, новыя православныя школы не могли явиться въ эпоху господства въ религіозной политикѣ Рѣчи Посполитой іезуитской идеи львовскаго епископа Іосифа Шумлянскаго († 1708). Слишкомъ извѣстно, что самъ Шумлянскій, приставъ къ уніи, не обнаруживалъ этого открыто и вообще старался не поднимать и не дебатировать вѣроисповѣдныхъ вопросовъ. Остальнымъ епископамъ указано было то же направленіе для ихъ дѣятельности. Повсюду тогда въ юго-западной Руси въ сельскихъ приходахъ были поставлены уніатскіе пастыри, и имъ обязаны были подчиняться прихожане, независимо отъ вѣроисповѣдной розни, всякое же неповиновеніе со стороны православныхъ уніатскому духовенству разсматривалось, какъ неповиновеніе предержащей власти [2]). Только въ самомъ небольшомъ числѣ приходовъ водворяются въ это время такіе священники, которые прикидывались уніатами, оставаясь въ душѣ и передъ паствой православными. Открыто же православнымъ занятіе приходовъ было обставлено большими трудностями [3]). Немногіе православные священники въ это время дерзали развѣ заводить временныя школки и то кой-гдѣ. Учили въ такихъ школкахъ часто дьячки, и называлось это у нихъ „прыймать до себе школяривъ на выслухы". Являлись на эти „выслухы" дѣти мѣстныхъ жителей, и такіе были приходящими, являлись и ученики изъ сосѣднихъ

[1]) П. И. Житецкій. Очеркъ литер. исторіи малорус. нар. въ XVII и XVIII в. Глава послѣдняя: Схоластич. наука на южно-рус почвѣ во второй половинѣ XVII в. стр. 149, 161—162.

[2]) В. Б. Антоновичъ. Монографіи по ист. зап. и юго-зап. Россіи. Очеркъ сост. правосл. церкви въ ю.-з. Руси съ половины XVII в. до конца XVIII в. Стр. 294—295.

[3]) Арх. ю.-з. Р. ч. I, т. II. Предисловіе Ѳ. Г. Лебединцева, стр. LXI.

селъ, часто сироты; эти, конечно, помѣщались у дьяковъ въ своеобразныхъ бурсахъ, изъ которыхъ ихъ нерѣдко брали для работъ и у самого дьяка въ его небольшомъ хозяйствѣ, и у батюшки. Такого рода свѣдѣнія даетъ намъ одинъ изъ ниже приводимыхъ нами документовъ.

Но, конечно, „выслухами" у дьяковъ не всѣ довольствовались. Люди средняго достатка, попы, мѣщане, мелкая шляхта, а подчасъ и люди „верхней верствы" поневолѣ поэтому отдавали сыновей своихъ въ коллегіи, разумѣется, схоластическаго типа, имѣвшіяся и въ Умани, и во Владимірѣ, и въ Любарѣ, и въ Шаргородѣ, и въ Львовѣ и въ Барѣ, заведенныя уніатскимъ монашескимъ орденомъ—базиліанами[1]). Этотъ орденъ возникъ въ концѣ XVI или въ началѣ XVII в. отъ преобразованія по католическому образцу православныхъ монастырей, по инициативѣ втораго уніатскаго митрополита Іосифа Вельямина Рутскаго или, быть можетъ, самого Ипатія Поцея, перваго уніатскаго митрополита. Въ своей педагогической дѣятельности базиліане соревновали іезуитамъ, тѣмъ болѣе, что сами они воспитывались въ іезуитскихъ заведеніяхъ, напр. въ Вильно въ іезуитской академіи, а также въ греческой коллегіи въ Римѣ или у театиновъ во Львовѣ. При обученіи базиліане, конечно, всячески вытравляли въ православныхъ ученикахъ православныя мнѣнія и все преподаваніе вели въ исключительно уніатскомъ духѣ. Но православные ученики не всегда послѣ окончанія ученія въ такихъ школахъ уходили въ унію или католичество. Приводимыя ниже данныя изъ документовъ указываютъ намъ на одинъ примѣръ такого рода стойкости. Интересно, что цѣлей своихъ католическое духовенство при обращеніи къ своей церкви православныхъ не всегда достигало и при болѣе серьезныхъ усиліяхъ, чѣмъ обнаруживавшіяся въ уніатскихъ и католическихъ коллегіяхъ Рѣчи Посполитой. Извѣстно, что въ Римѣ была учреждена особая коллегія св. Аѳанасія со специальною цѣлью распространять католичество между послѣдователями

[1]) Lukaszewicz I. Historya szkòl w koronie i w wielkiem księstwie litewskiem od najdawniejszych czasow aż do roku 1791. T. IV, str. 263—275.

восточнаго православія въ Греціи и славянскихъ земляхъ. Для обученія въ этой коллегіи избирались лучшіе ученики мѣстныхъ католическихъ и уніатскихъ школъ изъ числа православныхъ. Между такими воспитанниками, какъ извѣстно, оказался и знаменитый потомъ Ѳеофанъ Прокоповичъ [1]). Передъ отправленіемъ въ Римъ въ коллегію св. Аѳанасія онъ обучался однако не въ одной только уніатской коллегіи; еще раньше онъ былъ въ коллегіи кіевской. Во время пребыванія его въ польской школѣ его успѣли совратить въ унію и послали его въ Римъ, какъ уже обрѣтеннаго уніата и притомъ такого, который, благодаря своимъ способностямъ, могъ, увлекшись новой вѣрой, стать ревностнымъ ея поборникомъ. Между тѣмъ именно этого то и не случилось. Присмотрѣвшись въ Римѣ къ строго католической церкви и увлекшись тамъ изученіемъ совершенно не входившихъ въ его коллегіатскій курсъ классическихъ древностей, Ѳеофанъ, или тогда еще Елисей—такъ какъ въ монашество онъ постригся позже,—не только не оказался ревностнымъ поборникомъ уніи, какъ этого ждали отцы базиліане, спровадившіе его въ Римъ, но даже вовсе отрекся отъ нея. Заявилъ онъ впрочемъ о своемъ отреченіи, уже вернувшись въ юго-западную Русь, въ Почаевскомъ монастырѣ, гдѣ имъ было принято монашество по православному обряду. Какъ видимъ, и римская коллегія св. Аѳанасія въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывалось безсильной для одолѣнія въ южно-руссахъ православія. Неудивительно поэтому, что болѣе слабыя мѣстныя юго-западныя школы и подавно не всегда достигали окатоличенія своихъ православныхъ питомцевъ.

Ревность между тѣмъ уніатское духовенство обнаруживало большую. Оно стремилось, между прочимъ, къ тому, чтобы питомцы ихъ школъ получали удовлетвореніе на всякій свой спросъ. Въ виду этого, напримѣръ, уніатскіе радомысльскіе митрополиты, величавшіеся кіевскими, такъ сказать in partibus infidelium, позаботились имѣть въ Радомыслѣ школу, въ которой до извѣстной степени пополнялся курсъ коллегій для тѣхъ, кто же-

---

[1]) Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, вып. VI (XVIII столѣтіе), стр. 867.

лалъ посвятить себя священству. Такія школы такъ и назывались школами, приготовляющими na kaplanstwo. Курсъ въ нихъ, конечно, былъ спеціальный, практическій и притомъ вполнѣ въ уніатскомъ духѣ. Въ приводимыхъ ниже документахъ мы опять встрѣтимъ точное указаніе на существованіе въ XVIII в. такой приготовительной уніатской школы на kaplanstwo. Еще въ XVI в. подобныя семинаріи для приготовленія католическаго бѣлаго духовенства были устраиваемы по разнымъ епархіямъ въ силу распоряженія тридентскаго собора. Подражаніемъ католическимъ семинаріямъ такого рода и были уніатскія школы, готовившія на kaplanstwo. Курсъ въ католическихъ ксендзовскихъ семинаріяхъ длился три или четыре года. Учили тамъ богословію пастырскому, догматическому, полемическому, логикѣ, метафизикѣ, костельнымъ порядкамъ, гомилетикѣ, катихетикѣ, церковной исторіи. Но при такой широкой программѣ на дѣлѣ мало чему научались въ этихъ ксендзовскихъ школахъ. Все обученіе держалось на усвоеніи церковнаго ритуала. Уніатскія школы, имъ соотвѣтствующія, стояли еще ниже [1]). Первую уніатскую семинарію такого рода открылъ въ 1594 году въ Вильно Ипатій Поцей [2]).

Могли, наконецъ, попадать многіе изъ православныхъ, стремившихся къ среднему и высшему образованію, и въ собственно католическія коллегіи іезуитовъ, широко раскинувшихъ свою педагогическую дѣятельность [3]), и въ учебныя заведенія ордена піаровъ, которые въ первое время послѣ своего водворенія въ Рѣчи Посполитой (въ 1641 г.) ставили своею цѣлью заботу объ элементарномъ образованіи, а потомъ стали явно конкуррировать на педагогическомъ поприщѣ съ іезуитами и, наконецъ, пріобрѣли большое значеніе, какъ педагоги, послѣ уничтоженія іе-

---

[1]) Lukaszewicz Ios. Historya szkól w Koronie i w wielkiem księstwie Litewskiem. T. I, str. 304—309.

[2]) Ibidem. T. I, str. 353

[3]) Коллегіи іезуитскія въ предѣлахъ южно-русской части тогдашней Рѣчи Посполитой имѣли слѣд. города: Баръ, Каменецъ-Подольскъ, Кіевъ, Кременецъ, Люблинъ, Луцкъ, Львовъ, Станиславовъ; кромѣ того низшія школы іезуитскія были въ Овручѣ, Винницѣ и Житомірѣ (Lukaszewicz. Historya szkòl. T. IV, 47—195).

зуитскаго ордена въ 1772 г. [1]) Въ научномъ отношеніи и школы піаровъ не стояли выше іезуитскихъ, какъ и школы базиліанъ. Прежде всего и іезуиты, и піары, и базиліане учили въ классѣ „грамматики“ говорить по латыни, потомъ въ классѣ поэзіи—писать латинскіе стихи и въ классѣ реторики—писать рѣчи. При чтеніи въ коллегіяхъ классическихъ авторовъ больше всего обращали вниманіе на форму произведеній, а не на духъ. Въ классахъ же „философіи“ и „богословія“ научали не нравственной сторонѣ христіанства, а предразсудкамъ и ханжеству [2]).

Но какъ бы ни было практически удобно православнымъ людямъ праваго берега Днѣпра обучать своихъ дѣтей въ католическихъ и уніатскихъ мѣстныхъ коллегіяхъ, все же наиболѣе ревностные изъ нихъ предпочитали возить дѣтей своихъ за границу въ кіевскую коллегію, а еще чаще въ переяславскую семинарію. Подтвержденіе этому мы встрѣтимъ ниже. Случаи такіе были нерѣдки, хотя, напримѣръ, въ шестидесятыхъ годахъ XVIII вѣка, когда православная пропаганда въ правобережной Украинѣ, благодаря тогдашнему переяславскому епископу Гервасію Линцевскому и игумену Матронинскаго монастыря Мельхиседеку Значко-Яворскому, приняла широкіе размѣры, сношенія съ Переяславомъ и даже Кіевомъ были всячески затруднены для православныхъ, и только сильная ревность въ вѣрѣ давала смѣльчакамъ охоту преодолѣвать эти трудности.

Нерѣдко также случалось, что болѣе состоятельные люди, одинаково какъ православные, такъ и католики, брали для обученія дѣтей своихъ домашнихъ учителей. Такими домашними учителями, или, какъ ихъ тогда называли dyrectorami dzieci, были обыкновенно воспитанники названныхъ выше польскихъ коллегій, не получившіе мѣстъ въ школахъ, у болѣе же образованныхъ и разборчивыхъ при выборѣ учителей—студенты кіевской коллегіи. Понятное дѣло, что послѣднихъ брали въ учителя почти исключительно состоятельные священники, не впавшіе въ унію.

[1]) Піарскія коллегіи въ южн. Руси были въ Львовѣ и въ Межиричахъ Корецкихъ (Ibidem. T. IV, str. 209, 217).

[2]) Lukaszewicz. T. I, str. 252 и слѣд.

Обращаясь за симъ къ документамъ, давшимъ намъ поводъ затронуть въ предъидущихъ строкахъ вопросъ о школахъ въ правобережной Украинѣ, мы прежде всего извлечемъ изъ этихъ актовъ свѣдѣнія объ учебной карьерѣ священника Ивана Старшевскаго, которому въ періодъ его служенія довелось попасть въ самый водоворотъ разыгравшихся страстей гонимыхъ православныхъ и гонителей уніатовъ и католиковъ [1]).

Родомъ Иванъ Старшевскій былъ изъ села Вакулинцевъ, что близъ Богуслава. Въ селѣ этомъ отецъ его былъ приходскимъ священникомъ, продолжая такимъ образомъ традицію отца своего, дѣда и прадѣда. Первоначальное образованіе Иванъ получилъ въ мѣстной церковной школѣ въ Вакулинцахъ, оставаясь тамъ до 15 лѣтъ. По всей вѣроятности, это и была одна изъ тѣхъ школокъ, куда священники и дьяки „пріймалы дитей на выслухы“. Когда же ему исполнилось 15 лѣтъ, то отецъ отвезъ его въ переяславскую семинарію. Очевидно, будучи въ душѣ православнымъ, отецъ Ивана Старшевскаго не могъ отказать себѣ въ желаніи воспитать сына въ учебномъ заведеніи православномъ, хотя самаго его житейская нужда и заставляла оставаться уніатскимъ священникомъ, такъ какъ православнымъ, державшимся православія открыто, въ іерархическомъ строѣ первой половины XVIII вѣка, какъ уже сказано, со времени Іосифа Шумлянскаго, почти не было мѣста. Въ переяславской семинаріи Иванъ Старшевскій съ успѣхомъ прошелъ фару, инфиму, грамматику, синтаксиму и поэтику, на что пошло цѣлыхъ пять лѣтъ. Дальнѣйшее же прохожденіе курса (оставался, впрочемъ, при тогдашней организаціи переяславскаго училища, еще одинъ классъ реторики) было, очевидно, затруднительно по недостатку средствъ у отца. Надо было вернуться домой и думать о своемъ кускѣ хлѣба. И тутъ то вновь при тогдашнихъ іерархическихъ порядкахъ радомысльскихъ митрополитовъ пришлось и отцу, и сыну пойти на компромиссы. Обучавшемуся въ переяславской семинаріи священническаго мѣста, очевидно, дать не

[1]) Кодненская книга. Стр. 99—101. Настоящимъ документомъ мы пользовались уже въ нашемъ „Очеркѣ коліивщины“ въ главѣ 1-й.

хотѣли. Годъ ждалъ Иванъ Старшевскій возможности попасть на какой-нибудь приходъ, живя все это время при родителяхъ въ Вакулинцахъ. Наконецъ, отецъ его рѣшилъ, что и сыну надо покориться тяжелой судьбѣ и отвезъ его въ Радомысль къ инстигатору русской (уніатской) консисторіи „do Jmc. xiędza Lubinskiego“, который приготовлялъ молодыхъ людей „na kaplanstwo“. Это приготовленіе длилось только одинъ годъ. Затѣмъ Старшевскій женился и, уже какъ уніатъ, былъ въ Радомыслѣ посвященъ въ попы. За неимѣніемъ свободнаго прихода, сперва онъ былъ викаріемъ при отцѣ своемъ въ Вакулинцахъ, а потомъ получилъ и самостоятельный приходъ въ с. Березнякахъ въ ключѣ Мошенскомъ, гдѣ и оставался четыре года. Въ полученіи этого мѣста ему посодѣйствовалъ тогдашній уніатскій оффиціалъ Примовичъ.

Не трудно замѣтить, конечно, что при подобной учебной карьерѣ, при двойственности вліяній, охватывавшихъ душу, молодой Старшевскій не смогъ стать человѣкомъ убѣжденнымъ; во все продолженіе своей дѣятельности, насколько ее касается документъ, которымъ мы руководствуемся, Старшевскій выступаетъ то уніатомъ, то вновь ревностнымъ православнымъ, то опять уніатомъ. Забота о сохраненіи куска хлѣба была для него единственною путеводною нитью—и онъ плылъ всегда по теченію.

Краткій пересмотръ дальнѣйшей судьбы Старшевскаго убѣдитъ насъ въ этомъ. Въ 1767 г., когда громады сельскія порѣшили ревностно отстаивать свою вѣру отъ дальнѣйшихъ притязаній уніатовъ и отовсюду попрогоняли уніатскихъ поповъ, прогнанъ былъ изъ Березняковъ и Старшевскій. Обратился онъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ къ тогдашнему офиціалу Мокрицкому, заступившему мѣсто Примовича, но Мокрицкій не захотѣлъ даже слушать его и велѣлъ дать ему 700 розогъ, почему-то вообразивъ, что онъ, какъ бывшій священникъ Мошенскаго ключа, состоитъ православнымъ, подобно другимъ священникамъ этой мѣстности, наиболѣе рѣзко заявившей себя противъ уніи. Тогда отвергнутый Мокрицкимъ и уніей Старшевскій рѣшилъ въ силу необходимости отправиться въ Пере-

яславъ, гдѣ, конечно, сталъ православнымъ и въ самомъ дѣлѣ. Но въ лѣвобережной Украинѣ не находилось для него прихода, и онъ за 5 р. въ годъ остался священникомъ при Михайловскомъ монастырѣ близъ Переяслава. Вспомнилъ о немъ архіерей Гервасій однако довольно скоро: когда явились въ Переяславъ посланцы отъ громады села Завадовки (черкас. у.) и стали просить себѣ православнаго попа на мѣсто попа Фалинковскаго, отъ котораго, по ихъ выраженію, смердѣло уніатомъ, несмотря на видимое обращеніе его къ „благочестію", Гервасій указалъ имъ на Старшевскаго. Послѣдній отправился тогда въ Завадовку, но не сразу удалось ему получить церковь отъ уніатскаго попа. Пришлось ему даже претерпѣть побои и всякія оскорбленія отъ сына Фалинковскаго. Только съ появленіемъ въ ближайшей округѣ гайдамакъ Желѣзняка рѣшились завадовцы силой отобрать у Фалинковскаго церковь и отдать Старшевскому. Впослѣдствіи Старшевскому приходилось даже ѣздить въ Корсунь на поклонъ къ Желѣзняку съ выборными отъ громады и вмѣстѣ съ ними поднести ему хлѣбъ-соль. Когда же потомъ, по поводу убійства Желѣзнякомъ Фалинковскаго, Старшевскій былъ обвиненъ предъ военно-судной кодненской коммиссіей въ содѣйствіи этому убійству, то онъ, этотъ ревностный православный во время гайдамацкихъ удачъ, желая выпутаться изъ бѣды, православіе называлъ предъ судьями схизмой и самое свое обращеніе къ нему объяснялъ только необходимостью какъ-нибудь поддержать свое существованіе.

Какъ видимъ, школа, пройденная Старшевскимъ, человѣкомъ среднихъ силъ, не дала ему стойкихъ убѣжденій и готовности крѣпко стоять за правое дѣло въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни.

Но вотъ передъ нами человѣкъ съ иной учебной карьерой, судившійся, какъ и Старшевскій, въ 1771 г. въ той же Коднѣ [1]). Это новое лицо — Янъ Барковскій-Дунинъ-Градовскій. Отецъ его былъ полякъ и католикъ, мать русская и православная. Дѣдъ Яна со стороны матери настоялъ на томъ, чтобы первый

[1]) Кодиен. кн. Стр. 175—177.

внукъ былъ окрещенъ по „русскому“ обряду. Потому то Янъ, какъ старшій между братьями, былъ православнымъ, остальные же всѣ католиками. Родители Яна были люди не бѣдные: отецъ состоялъ намѣстникомъ трехъ селъ—Яблоновки, Паланичинецъ и Пилиповъ, находящихся въ бѣлоцерковскомъ ключѣ Въ Яблоновкѣ и родился интересующій насъ Янъ. Желая дать сыну образованіе, родители отдали его въ Бѣлую Церковь въ частную школу, или, вѣрнѣе, пансіонъ директора, т. е. учителя Ичаецкаго. Четыре года учился тамъ Янъ Градовскій и затѣмъ для продолженія курса былъ отвезенъ въ Житомиръ въ тамошнюю коллегію отцовъ іезуитовъ, которую оставилъ послѣ смерти отца, закончивши классъ поэтики [1]). Необходимость въ заработкѣ заставила его отправиться искать себѣ мѣста писаря или домашняго наставника. Въ мѣстечкѣ Кошеватомъ губернаторъ (управитель), панъ Раецкій, предложилъ ему быть у него писаремъ и въ то же время учителемъ его дѣтей—„dyrectorem dzieci“. Градовскій согласился и прослужилъ въ Кошеватомъ, живя въ домѣ губернатора, три года. По прошествіи же трехъ лѣтъ, когда губернаторскія дѣти, его питомцы, подросли, панъ Раецкій отправилъ дѣтей, вмѣстѣ съ Градовскимъ, въ Умань въ тамошнюю базиліанскую коллегію, ученики и ректоръ которой (Костецкій) потомъ въ 1768 г., во время уманской рѣзни, были перебиты [2]); на обязанности Градовскаго лежало слѣдить за занятіями маленькихъ Раецкихъ. Самъ Градовскій, сохранивъ стремленіе къ знанію, счелъ необходимымъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и закончить курсъ коллегіи, поступивъ въ классъ реторики, не пройденный имъ раньше по случаю смерти отца. Въ такомъ положеніи ученика и учителя Градовскій оставался въ Умани полтора года. Когда же въ 1766 г. на Рождественскіе праздники онъ привезъ дѣтей Раецкаго въ Кошеватое и узналъ тутъ, что въ Богуславѣ открывается хорошо оплачива-

---

[1]) У Lukaszewicza (T. IV, str. 195) сказано, будто въ Житомирѣ іезуиты имѣли только три класса грамматичныхъ: fara, infima и grammatika. Изъ нашего же документа выходитъ, что тамъ былъ и классъ поэтики.

[2]) Lukaszewicz. T. IV, стр. 265.

емая должность писаря—онъ отправился туда, оставивъ Раецкихъ и педагогическую дѣятельность.

Являясь послѣ ученія въ коллегіяхъ православнымъ даже въ такіе моменты, когда это было не выгодно, какъ напр. во время суда надъ гайдамаками, Градовскій тѣмъ самымъ обнаружилъ значительную религіозную стойкость. Личныя же его способности, знаніе имъ педагогическаго дѣла—все это, очевидно, даже поляковъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, заставляло забывать его иновѣріе. Школа, пройденная имъ, не навязавъ ему католичества, не дала однако никакого критерія и для того, чтобы разобраться—какими путями идти въ жизни въ тогдашнихъ политическихъ условіяхъ, когда дѣйствовали одновременно въ Украинѣ и барскіе конфедераты, и гайдамаки.

Оставленный въ Богуславѣ бѣжавшими панами для охраненія имущества, котораго они не успѣли отправить въ Бѣлостокъ, мѣсто своего убѣжища, Градовскій не успѣлъ угодить имъ—ничего сохранить ему не удалось, когда въ Богуславъ нагрянулъ Желѣзнякъ съ своей ватагой. Ему пришлось быть только молчаливымъ свидѣтелемъ дѣлежа гайдамакъ панскимъ добромъ и оригинальной продажи всего награбленнаго какому-то купцу изъ г. Острога, Тарану, бывшему при Желѣзнякѣ, причемъ всѣмъ вещамъ производилась вполнѣ основательная оцѣнка. По уходѣ же Желѣзняка изъ Богуслава, Градовскій, видя, какое броженіе вызвало появленіе его среди богуславскихъ крестьянъ и какъ много ихъ пошло въ гайдамаки, счелъ за болѣе удобное для себя и семьи своей скрыться за границу, въ предѣлы гетманщины, въ слободу Чумаки, отстоявшую въ двухъ миляхъ отъ Переяслава. По успокоеніи же бури, когда въ Богуславъ вернулись паны, поспѣшилъ туда и Градовскій. Но тутъ его постигла непріятность: его стали судить за слишкомъ подозрительную слабость при охраненіи панскаго добра во время прихода Желѣзняка. Страннымъ и подозрительнымъ казалось и то, что онъ, панскій писарь и какъ будто сторонникъ панскихъ интересовъ, остался въ живыхъ въ ту антипанскую пору. Градовскій тѣмъ не менѣе ловко опровергъ взведенныя на него обвиненія, а въ добавокъ защитилъ и сотника богуславскихъ

надворныхъ козаковъ Шелеста, который успѣлъ нагрѣть руки на панскомъ добрѣ, хотя и выступилъ наружно героемъ при защитѣ панства въ то время, какъ большинство надворныхъ козаковъ, по примѣру Гонты, шло въ гайдамаки.

Такимъ образомъ Янъ Барковскій-Дунинъ-Градовскій съумѣлъ воспользоваться полученнымъ образованіемъ, очевидно, для практическихъ мелкихъ нуждъ, но широкаго идеала, которымъ могла бы быть освѣщена его жизнь, школа ему не дала. Въ то время, когда надо было опредѣленно стать въ періодъ борьбы народностей на ту или другую сторону, онъ предпочелъ эмигрировать и остаться внѣ всякихъ политическихъ связей. Только традиціонное православіе не оставлялъ онъ и притомъ даже во время коднепскаго суда надъ нимъ. Въ этомъ его единственное достоинство, но не школой было оно дано ему.

Не всегда однако выходили изъ тогдашнихъ школъ люди уравновѣшенные, хотя бы въ практической жизни, вродѣ Яна Градовскаго. Подчасъ питомцамъ уніатскихъ и католическихъ коллегій не оказывалось подходящаго мѣста въ кадрахъ Рѣчи Посполитой—и они гибли, какъ бродяги, попадая изъ тюрьмы въ тюрьму. Такимъ неудачникомъ въ документахъ нашихъ предстаетъ шляхтичъ Мартынъ Цыбульскій-Островскій, судившійся въ Коднѣ въ томъ же 1771 году. Отецъ его Францишекъ, владѣлъ небольшимъ имѣніемъ близъ села Демковецъ. Когда сынку его Мартыну исполнилось 8 лѣтъ, онъ отвезъ его въ базиліанскую коллегію въ Любаръ[1]). Мартынъ пробылъ въ ней до класса реторики, и заняло это у него цѣлыхъ 9 лѣтъ. Въ реторикѣ же онъ не пожелалъ оставаться и безъ позволенія отца вернулся домой въ Демковцы. Въ виду категорическаго отказа сына учиться, Францишекъ Островскій рѣшилъ отправить его во Львовъ—чтобы онъ тамъ себѣ пріискалъ работу. Какъ разъ въ это время ѣхалъ на львовскіе контракты знакомый Островскихъ, панъ Куклярскій. Онъ охотно взялся подвезти Мартына во Львовъ и, живя тамъ три недѣли, во все продолженіе конт-

---

[1]) Коллегія эта считалась высшей школой и была при базиліанскомъ монастырѣ (Lukaszewicz. T. IV, стр. 265—266).

рактовъ, держалъ Мартына при себѣ, зная, что денегъ у него отъ отца немного. Мѣсто, между тѣмъ, для Мартына не отыскивалось, чему немалой помѣхой служило отсутствіе у него свидѣтельства изъ любарской базиліанской коллегіи о пройденномъ имъ значительномъ курсѣ ученія. Наконецъ, панъ Куклярскій уѣхалъ и Островскій, все еще надѣясь на полученіе работы во Львовѣ, съ мѣсяцъ жилъ тамъ, благодаря поддержкѣ бывшихъ своихъ товарищей по любарской коллегіи, успѣвшихъ уже размѣститься въ качествѣ dyrectorow dzieci [1]) то въ школахъ, то въ частныхъ богатыхъ домахъ; были между этими товарищами и такіе, которые, неудовольствовавшись любарской наукой, пріѣхали продолжать ученіе въ разныхъ львовскихъ учебныхъ учрежденіяхъ (были тамъ двѣ коллегіи—іезуитская и піарская). Но, конечно, молодые люди не долго могли на свои скудныя средства содержать Мартына—и онъ въ одинъ прекрасный день отправился на дешевый рынокъ (tandyt), продалъ тамъ свою порядочную одежу, замѣнивъ ее худшей (podleyszą), и пріобрѣвъ такимъ образомъ 12 злотыхъ, жилъ на эти деньги и пилъ. Исчезъ однако скоро и этотъ капиталъ. Сталъ тогда Мартынъ поживляться мелкимъ воровствомъ, и когда однажды онъ напился, его арестовали, подозрѣвая въ какомъ то, кажется несовершенномъ имъ, преступленіи. Потомъ его и выпустили бы изъ кордегардіи, куда онъ попалъ и гдѣ тогда держали плѣ-

[1]) Dyrectorami dzieci бывали въ коллегіяхъ ученики высшихъ классовъ, юноши бѣдные, отличавшіеся хорошимъ поведеніемъ и прилежаніемъ. Они жили обыкновенно на одной квартирѣ съ учениками, надъ которыми надзирали; они обязаны были репетировать школьные уроки своихъ питомцевъ, сопровождать ихъ въ школу и уводить изъ школы. Получали они за это столъ, квартиру и опредѣленную сумму деньгами. Еще во времена Августа III директора изъ піарскихъ школъ, какъ люди бѣдные, имѣли право присутствовать при свадьбахъ въ качествѣ дружковъ и ораторовъ при брачной церемоніи. За подобную услугу на свадьбѣ такой панъ дружка бралъ отъ невѣсты деньгами талеръ и платокъ—co dla chudego pachołka było niezłą gratką. Послѣ „директорства" пристраивались такіе бѣдные люди, въ качествѣ цеховыхъ писарей, въ большихъ городахъ въ разныхъ цехахъ, особенно рѣзницкомъ, пекарскомъ и шевскомъ (Lukaszewicz Ios. T. I, str. 297—298). Но, какъ видимъ изъ нашихъ документовъ, dyrectorami dzieci назывались и учителя въ частныхъ домахъ и надзиратели и туторы въ школахъ, окончившіе коллегіи или только поэтику.

ненныхъ гайдамакъ, но за нимъ никто въ тюрьму не приходилъ,— безъ этого же условія обыкновенно подозрѣваемыхъ въ бродяжничествѣ изъ тюрьмы не выпускали. Не малую бѣду пришлось ему перенести тогда: его, какъ преступника, заковали въ кандалы, и гоняли вмѣстѣ съ гайдамаками работать на фабрику вельможнаго пана генерала Корытовскаго. И такое положеніе дѣлъ длилось бы и для Островскаго столько же, сколько и для его неожиданныхъ товарищей гайдамакъ. Имѣя послѣднихъ въ своемъ распоряженіи въ количествѣ 60 душъ, промышленный генералъ успѣлъ ихъ силами, во-первыхъ выстроить себѣ во Львовѣ „jedną z najpięknieјszich kamienic" на львовскомъ рынкѣ, да и на фабрикахъ своихъ ихъ руками передѣлалъ дѣла немало. Доставлялъ онъ имъ за это якобы хорошую пищу и помѣщеніе, вполнѣ предупреждавшее возможность всякихъ съ ихъ стороны попытокъ къ побѣгу. Польскій мемуаристъ конца прошлаго вѣка, Адамъ Мощинскій, съ сердечнымъ умиленіемъ говоритъ объ этой мѣрѣ Корытовскаго, усматривая въ его поведеніи относительно массы подлежавшихъ смерти (и подчасъ вполнѣ невинныхъ) гайдамакъ государственную мудрость, которой должны были бы воспользоваться и другіе жестокіе вершители гайдамацкихъ судебъ того времени [1]). Отъ милостей Корытовскаго или другими словами отъ безконечной каторги избавилъ гайдамакъ только наступившій вскорѣ раздѣлъ Польши, послѣ котораго австрійское правительство нашло возможнымъ въ своей долѣ, въ Галиціи, отпустить заключенныхъ гайдамакъ на волю [2]).

Пришлось бы до этого благого момента ждать воли и мало въ чемъ повинному Островскому, еслибы въ концѣ девятой недѣли его работы на фабрикѣ Корытовскаго не увидѣлъ его тамъ случайно пришедшій „товарищъ" полковъ королевскихъ, Ивиковскій, подъ „директорствомъ" котораго онъ ходилъ въ Любарѣ въ школу. Ивиковскій узналъ своего бывшаго ученика и посодѣйствовалъ его освобожденію. Ушелъ тогда Островскій къ отцу въ Демковцы, но у отца не остался: пришлось снова

---

[1]) Adam Moszczynski. Pomiętnik do historyi polskiey, str. 149—150.

[2]) Ibidem.

искать мѣста. На этотъ разъ онъ, послѣ цѣлаго ряда мытарствъ, очутился въ Лабуни, надѣясь тамъ наняться у пана Урбанскаго. Когда же пана въ селѣ не оказалось и возвращенія его пришлось Мартыну долго ждать, надо было заложить снова хорошее платье ради покупки хлѣба. У одного жида онъ за три злота заложилъ кунтушъ „sagalesowy, gryszpanowy", а у другого за 4 злота штаны „sukiene niebieskie". Самъ онъ при этомъ остался „bez żadnych spodni", разсчитывая тотчасъ же пріобрѣсти за два злотыхъ съ половиной самое простое платье. Прежде однако, чѣмъ это случилось, оригинальнымъ костюмомъ своимъ онъ привлекъ къ себѣ вниманіе коменданта стоявшей въ Лабуни хоругви, пана Зборовскаго; послѣдній, узнавъ въ немъ бывшаго львовскаго арестанта, потребовалъ отъ него выпускнаго билета изъ тюрьмы, а когда послѣдняго не оказалось, то арестовалъ его и отправилъ въ Кодню. Военно-судная коммиссія была поставлена въ необходимость не только наводить справки объ Островскомъ во Львовѣ, но ей пришлось въ добавокъ обсуждать, зачѣмъ Островскій какимъ то страннымъ, трудно-разборчивымъ почеркомъ написалъ изъ Лабуни письмо съ извѣщеніемъ о расположенной въ этомъ селѣ хоругви польскаго войска. Письмо это могло казаться тѣмъ болѣе страннымъ, что, по утвержденію самого Островскаго, оно предназначалось будто бы отцу его, притомъ же и отправить это письмо по назначенію онъ вздумалъ чрезъ какую то подозрительную личность, съ которой много пьянствовалъ. Пришлось коммиссіи имѣть въ виду въ добавокъ и случившееся близъ Лабуни ограбленіе купца-грека тремя какими то злоумышленниками; причемъ два изъ грабителей были пойманы, третьимъ подозрѣвали Мартына Островскаго. Но послѣдній кой-какъ освободился отъ подозрѣній въ шпіонствѣ по поводу письма, относительно котораго думали, что написано оно для какой то шайки гультаевъ, разсчитывавшихъ напасть на Лабунь и интересовавшихся поэтому расположенными тамъ военными силами; освободился онъ и отъ подозрѣнія, будто участвовалъ въ грабежѣ грека. Личность, черезъ которую онъ собирался отправить письмо свое и которая казалась какъ-то поспѣшно скрывшеюся, онъ назвалъ: это де былъ

dyrector dzieci Барцинскій, состоявшій въ такой роли у п. Ходоровскаго въ с. Вржеснювкѣ. Какъ человѣкъ не лишенный образованія, Островскій оказался пригоднымъ Барцинскому для совмѣстной пріятной выпивки. Приговоръ надъ Островскимъ въ Коднѣ не отмѣченъ. Дальнѣйшая судьба его также неизвѣстна. Во время суда въ 1771 г. ему было всего 24 года.

Конечно, такихъ неудачниковъ, какъ Мартынъ Островскій, выходитъ много изъ всякихъ школъ, но это однако не выгораживаетъ школъ базиліанскихъ половины XVIII в. отъ упрека въ недостаточной ихъ пригодности для жизни. Воспитывали базиліанскія и иныя коллегіи своихъ питомцевъ для занятія духовныхъ, педагогическихъ и писарскихъ должностей, и разъ питомцамъ этимъ не удавалось стать kapłanami, dyrectorami dzieci и писарями—они вовсе оказывались выбитыми изъ жизненнаго строя; таковъ былъ и являющійся въ дѣлѣ: dyrector dzieci Барцинскій: очутившись педагогомъ, онъ началъ пить, быть можетъ томимый несродностью для него выпавшихъ на его долю занятій, перемѣнить которыя онъ былъ не въ силахъ, благодаря особенностямъ пройденной имъ школы.

Отмѣтимъ теперь еще характеръ начальнаго обученія у православныхъ дьяковъ той поры. Матеріалъ для этого даетъ намъ біографія двухъ юношей Тхоржевскихъ, бывшихъ на судѣ въ Коднѣ по совершенно случайному поводу [1]).

Старшему изъ Тхоржевскихъ, Захару, было во время суда 17 лѣтъ, меньшому, Омельку,—15. Были они дѣти приходскаго священника с. Ольшанки, что въ бѣлоцерковскомъ ключѣ, вблизи самой русской границы. Отецъ и мать ихъ сперва отдали ихъ для ученія въ мѣстную ольшанскую школку, а потомъ въ Любаръ въ коллегію къ отцамъ базиліанамъ. Въ Любарѣ они ходили цѣлые полгода въ инфиму, но когда ихъ родители оба умерли въ теченіи одного года, дядя взялъ ихъ къ себѣ, разсчитывая обучить ихъ дома. Вскорѣ однако и дядя умеръ, и дѣти сами, будучи въ возрастѣ 10—12 лѣтъ, рѣшили отправиться въ село Гусачевку „на выслухи“ къ мѣстному дьяку.

[1]) Кодн. кн. стр. 113—115.

разсчитывая у него чему-нибудь научиться. Въ школѣ этой пробыли они затѣмъ нѣсколько лѣтъ до самаго своего арестованія.

Насколько однако тяжело жилось тамъ мальчикамъ, можно видѣть изъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ ихъ арестовали.

„Состоя у дьяка въ услуженіи — читаемъ въ показаніяхъ старшаго изъ нихъ, Захара,—мы были однажды зазваны имъ къ мѣстному протопопу Зражевскому для работы на винницѣ (винокурнѣ). Работали мы тамъ напролетъ цѣлую ночь. Утромъ только вышли мы оттуда въ плебанію (домъ священника)—чтобы поѣсть. Но тутъ насъ арестовали и увезли изъ Гусачевки". Причина ареста была, повторяемъ, случайная. Дѣло въ томъ, что Зражевскій былъ ревностный православный, вернувшій, въ качествѣ протопопа, къ благочестію изъ уніи нѣсколько бѣлоцерковскихъ приходовъ. И вотъ въ то время, какъ онъ мирно пребывалъ въ своемъ домѣ въ сообществѣ съ двумя монахами изъ Волощины и dyrector'омъ dzieci своего отца, Стефановичемъ, на его усадьбу напалъ польскій отрядъ, устроивъ при этомъ правильную осаду. Всѣмъ взрослымъ пришлось отстрѣливаться для того, чтобы отразить врага. Нападавшіе, въ виду своей слабой численности, отступили, послѣ чего Зражевскій съ писаремъ своимъ, приглашеннымъ изъ Переяслава, торопливо оставилъ Гусачевку. Но отступившіе, не зная этого послѣдняго обстоятельства, призвали въ Гусачевку свѣжія силы и тогда то, несмотря на значительное сопротивленіе, всѣ бывшіе въ усадьбѣ протопопа были арестованы, а въ томъ числѣ и маленькіе Тхоржевскіе, принятые за сыновей Зражевскаго. Ученіе свое имъ пришлось такимъ образомъ закончивать до суда, наступившаго нескоро, въ кодненской ямѣ (тюрьмѣ).

Тасканье школяровъ изъ дьячковскихъ школъ на работу въ винницахъ въ данномъ случаѣ практиковалось въ приходѣ вполнѣ убѣжденнаго православнаго священника, безстрашно отстаивавшаго свою вѣру и бывшаго даже протопопомъ! Можно же судить, что представляло собою хожденіе къ дьякамъ на „выслухи" въ приходахъ, гдѣ священники могли менѣе основательно понимать значеніе школьной науки для православныхъ въ моменты суровыхъ наступленій на нихъ католической пропаганды!

А какъ высоко въ средѣ Зражевскаго ставили воспитаніе дѣтей въ православномъ русскомъ духѣ — вполнѣ выясняется хотя бы изъ выбора отцомъ протопопа Василія Зражевскаго— Мойсеемъ Зражевскимъ, который былъ приходскимъ священникомъ въ с. Салтановкѣ бѣлоцерковскаго ключа, въ dyrectory dzieci своихъ, братьевъ отца Василія, не человѣка изъ католическихъ или уніатскихъ коллегій, а студента кіевской коллегіи, да еще изъ послѣдняго ея класса—теологіи. Біографія и личность этого студента, въ виду интересующаго насъ вопроса о школахъ и учителяхъ въ правобережной Украинѣ въ половинѣ XVIII вѣка, не могутъ быть здѣсь опущены.

Студентъ этотъ былъ Петръ Стефановичъ. Родился онъ въ Кіевѣ. Родители его были кіево-подольскіе мѣщане. Исповѣданіе и ихъ, и сына было православное. Дѣтство провелъ онъ при отцѣ и матери и, какъ только сталъ входить въ школьный возрастъ, тотчасъ былъ отданъ въ кіевскую коллегію. „Русскую“ первоначальную науку онъ усвоилъ себѣ до 14 лѣтъ, а латинскими науками занимался цѣлыхъ 12 лѣтъ и достигъ послѣдняго класса коллегіи—класса теологіи—на 27 году своей жизни. Не закончивъ этого послѣдняго класса, Стефановичъ для поправленія своихъ матеріальныхъ средствъ согласился временно принять на себя kądycyą dyrectorską—и попалъ въ домъ названнаго священника Мойсея Зражевскаго, старшій сынъ котораго, Василій, состоялъ, какъ уже сказано, протопопомъ въ Гусачевкѣ и былъ ревностнымъ возстановителемъ благочестія въ краѣ. Учить Стефановичу пришлось двухъ маленькихъ поповичей—Ѳедора и Ивана. При его православныхъ убѣжденіяхъ ему легко было жить въ православной семьѣ Зражевскихъ, и онъ, очевидно, искренно интересовался движеніемъ, въ которомъ ревностное участіе принималъ старшій братъ его учениковъ, протопопъ гусачевскій. Этотъ интересъ его выразился, между прочимъ, въ посѣщеніяхъ протопопа, у котораго онъ всегда могъ и новинки узнать по дѣлу религіозной борьбы, и встрѣчаться съ людьми, живо относившимися и къ политическимъ, и къ религіознымъ вопросамъ того времени, а не то и съ монахами изъ далекой православной Волощины.

Даже быть арестованнымъ пришлось Стефановичу изъ за этихъ его сношеній съ протопопомъ Зражевскимъ. Случилось это тогда же, когда были взяты поляками и братья Тхоржевскіе—во время внезапнаго наѣзда польскаго отряда на усадьбу протопопа съ цѣлью арестовать его. Стефановичъ, спавшій съ бывшими тогда у протопопа двумя волошскими монахами по случаю лѣтней поры въ сараѣ, не слышалъ перваго нападенія, а когда утромъ онъ всталъ и пришелъ въ плебанію и въ этотъ моментъ вновь произошло нападеніе со стороны поляковъ, незнавшихъ, что Василій Зражевскій съ своимъ переяславскимъ писаремъ успѣлъ убѣжать, ему вовсе не было охоты отстрѣливаться, и онъ хотѣлъ было незамѣтно черезъ балконъ уйти отъ нападавшихъ, но не успѣлъ: былъ ими раненъ и затѣмъ арестованъ. На судѣ затѣмъ Стефановичъ держалъ себя, какъ человѣкъ, вполнѣ понимавшій положеніе тогдашнихъ дѣлъ, такъ что, очевидно, Мойсей Зражевскій, выбирая его въ наставники своимъ дѣтямъ, не ошибся въ его достоинствахъ. Онъ не далъ на судѣ никакихъ показаній, компрометировавшихъ Зражевскаго въ глазахъ поляковъ. На вопросъ, въ чемъ заключались секретныя сношенія протопопа съ Кіевомъ и Переяславомъ, онъ прямо отвѣчалъ, что ни въ какія секретныя дѣла оба Зражевскіе его не посвящали, и онъ, Стефановичъ, живя у нихъ, былъ исключительно занятъ дѣломъ обученія поповичей. Изъ показаній Стефановича видно затѣмъ, что, оторвавшись на время изъ коллегіи ради „директорской кондиціи“, онъ все же не бросилъ мысли окончить и послѣдній классъ теологіи. Прямо отъ протопопа Зражевскаго, гдѣ разсчитывалъ прогостить три дня, собирался онъ направиться въ Кіевъ въ коллегію, но злая судьба закинула его вмѣсто кіевской коллегіи въ коденскую яму, откуда не скоро удалось высвободиться.

Этимъ мы закончимъ изложеніе имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ о школьномъ и домашнемъ обученіи въ правобережной Украинѣ въ половинѣ прошлаго вѣка.

Я. Шульгинъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Дѣятельность кіевскаго совѣстнаго суда въ первый годъ его существованія (1782 г.). Въ январѣ мѣсяцѣ 1782 года, съ учрежденіемъ кіевскаго намѣстничества, открытъ былъ въ Кіевѣ и совѣстный судъ, на который, кажется, составители «Учрежденія о губерніяхъ» возлагали большія надежды, какъ на такой институтъ, который долженъ «доставить спорющимся честную и безтяжебную жизнь, злобы, распри и ссоры прекратить, доставить каждому ему принадлежащее и облегчить судебныя мѣста *примиреніемъ* споровъ».

Въ составъ этого суда входили выборные отъ сословій засѣдатели (дворянскіе, отъ гражданства и сельскіе) и судья, избранный верхнимъ земскимъ судомъ. Въ составъ засѣдателей кіевскаго совѣстнаго суда вошли: Ѳедоръ Корбе, Стефанъ Барановскій, Алексѣй Дмитровичъ, Илія Скрѣбицкій, Михаилъ Александровскій и Григорій Слива.

Верхній земскій судъ въ засѣданіи 14 января, согласно предложенію графа Румянцева объ избраніи въ судьи совѣстнаго суда «къ тому способнаго, совѣстнаго, разсудительнаго и безпорочнаго человѣка», единогласно избралъ таковымъ Демьяна Оболонскаго.

Въ протоколахъ этого новаго учрежденія, которые мнѣ случайно удалось прочитать за весь этотъ первый годъ его существованія, ясно сказалось пониманіе задачи, возложенной на него законодателемъ, и стремленіе «сопрягать милость и судъ во едино», «внимать купно гласу закона и гласу человѣколюбія». Не могъ я не обратить вниманія еще на одну особенность этихъ протоколовъ: сравнительно съ журналами обоихъ департаментовъ верхняго земскаго суда за тотъ же 1782 годъ, равно и съ журналами намѣстническаго правленія за 1787 годъ, какіе мнѣ пришлось перечитать, эти протоколы совѣстнаго суда, всегда подписанные Оболонскимъ и по крайней мѣрѣ четырьмя засѣдателями (большею частію пятью), отличаются необыч-

ною краткостію и складностію изложенія существа дѣла, замѣчательною грамотностью и, такъ сказать, литературностью, а равно присутствіемъ мотивировки, совсѣмъ не похожей на обычную канцелярскую.

Всѣхъ протоколовъ 172, при чемъ къ одному и тому же дѣлу относится два-три и больше, такъ что собственно «дѣлъ», подлежавшихъ разбирательству этого суда и вызвавшихъ его «рѣшительныя опредѣленія», было около 50-ти.

Дѣла, подлежавшія разсмотрѣнію этого суда, уголовныя и гражданскія, довольно разнообразны, но многія изъ нихъ (по крайней мѣрѣ четвертая часть), попадая въ совѣстный судъ, не вызывали его «рѣшительныхъ опредѣленій», такъ какъ не было согласія обѣихъ тяжущихся сторонъ на разбирательство именно въ этомъ судѣ, каковое согласіе являлось и по закону необходимымъ условіемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (по дѣламъ гражданскимъ). Кромѣ того, на первыхъ порахъ дѣятельности новыхъ учрежденій, многія дѣла вступали, такъ сказать, «ненадлежаще» въ совѣстный судъ. По нѣкоторымъ вступавшимъ сюда дѣламъ вся роль суда ограничивалась утвержденіемъ «собственною печатью» приговора, постановленнаго «посредниками», которыхъ избирали спорящія стороны.

Привожу нѣсколько дѣлъ, которыя были въ разсмотрѣніи совѣстнаго суда и, какъ мнѣ кажется, представляютъ нѣкоторый мѣстный интересъ.

На проживавшаго въ Кіевѣ премьеръ-маіора Савича [1]) жаловалась мѣщанка Евдокія Кудрявцева, дочь толмача Василія Юрьева, за «причиненныя ей въ возвращеніи наслѣдства затрудненія и волокиту». Савичъ былъ ея опекуномъ. Съ него же взыскивалъ деньги сначала въ уѣздномъ судѣ, а затѣмъ въ совѣстномъ, послушникъ Кіево-Никольскаго монастыря Иванъ Данилевскій. Оба эти иска совѣстный судъ долженъ былъ отклонить, такъ какъ не послѣдовало обоюднаго согласія обратиться къ его разбирательству. Городовой докторъ Равичъ обратился къ правителю намѣстничества Ширкову съ просьбой взыскать съ находившагося тогда въ Кіевѣ бунч. тов. Ивана Каталѣя 150 р., завѣщанныхъ Равичу и братьямъ его ихъ дѣдомъ Пантелеймономъ Каталѣемъ. Ширковъ препроводилъ это прошеніе въ совѣстный судъ, который и пригласилъ Каталѣя черезъ городничаго въ свое

[1]) Объ этомъ сербскомъ маіорѣ, обывателѣ г. Кіева, приходившемъ въ непріязненныя столкновенія съ магистратомъ и нѣкоторыми обывателями, имѣются свѣдѣнія въ моемъ сборникѣ „Ист. мат., изъ архива Кіев. Губ. Прав.,“ вып. 10-й.

засѣданіе. Каталѣй и явился, но затѣмъ только, чтобы заявить, что онъ, проживая въ нѣжинскомъ уѣздѣ, здѣшнему суду не подчиненъ и отвѣчать по предъявленной къ нему претензіи здѣсь не желаетъ, а потому судъ и постановилъ: «предоставить спорющимся развѣдаться, гдѣ по законамъ надлежитъ».

Мѣщанинъ Ананій Лятушевичъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1778 г. выдалъ райцѣ Николаю Леонтовичу довѣренность на полученіе отъ владѣлицы г. Заславля княгини Сангушко денегъ, которыя были въ разное время пересланы отцемъ Лятушевича и дядею, бывшимъ епископомъ вологодскимъ Серапіономъ, на постройку каменной церкви въ г. Заславлѣ, но остались неизрасходованными. За отысканіе этихъ денегъ, «сколько по вѣрной выправкѣ окажется въ остаткѣ отъ расхода денегъ», Леонтовичъ долженъ былъ изъ нихъ получить въ свою пользу третью часть, покрывъ предварительно изъ полученной суммы расходъ «на судей или кому потребно будетъ».

«По двукратной многотрудной его, Леонтовича, въ Варшаву и въ другія весьма отдаленныя мѣста поѣздкѣ, наконецъ, выискалъ отъ оной Сангушковой, по вѣрной съ кѣмъ возможно было выправкѣ, оставшихся за употребленіемъ въ строеніе той церкви, 18,000 злотыхъ польскихъ, т. е. считая по 18 злотыхъ голанской червонецъ по тамошнему курсу, всѣхъ тысяча червоныхъ и 180 злотыхъ» [1]).

На расходы по взысканію этихъ денегъ Леонтовичъ употребилъ $163^1/_2$ червонца; остальныя деньги, считая червонецъ на русскую монету по 2 р. 70 к., раздѣлили, согласно договору, на три части, и Ля-

---

[1]) При полученіи денегъ отъ кн. Сангушко въ Любартовѣ 16 февраля 1779 г. Леонтовичъ выдалъ квитанцію, въ которой прописано было: „понеже умершій г. Лука Лятушевичъ, обыватель кіевскій, отъ 1757 до 1761 годовъ разними времени на виполненіе своихъ намѣреній къ незабвенной памяти суму 24,830 злотыхъ и грошей 22 польскихъ, за документами трома мѣщанъ заславскихъ и четвертымъ г. Міановскаго, вложилъ, и отъ расходу по намѣренію его, г. Лятушевича, чиненного осталось въ наличности злотыхъ 18180, которая сумма единственно для одной безопасности въ казнѣ волынской сіятельной княгини г-жи Варвары Сангушковой положена и до селѣ не взятою и не издержанною (для того что намѣреніе его, Луки Лятушевича, отмѣнилось) показалась; сынъ же помянутаго Луки Лятушевича Ананій Л—чъ, кіев. маг—та инстигаторъ, меня повѣреннымъ чинилъ...“ а потому де представляя довѣренность и удостовѣреніе маг—та, что Ананій Лятушевичъ есть дѣйствительный наслѣдникъ, всякія „подписки чіи нибудь на отдачу суммы по частямъ или вообще въ казну сіятельной княгини или въ г. Заславль, хотя чрезъ преосв. Серапіона Лятушевича, еп. вологодскаго, или чрезъ г. Луки Лятушевича, кассую и уничтожаю“ и т. д. Эту квитанцію затѣмъ формально въ магистратѣ утвердилъ Ананій Лятушевичъ.

тушевичу досталось 557 червонцевъ, а Леонтовичу за труды 279. При этомъ Лятушевичъ выдалъ Леонтовичу формальную квитанцію, что всѣ разсчеты между ними окончены и что никто изъ другихъ наслѣдниковъ «и малѣйшей претенсіи до его Леонтовича имѣть не будутъ».

Но претензія такая явилась отъ родной сестры Лятушевича Елены Прокофьевой, которая и заявила въ магистратѣ по этому поводу жалобу на своего брата. Въ магистратѣ они заключили мировую, причемъ Ананій Лятушевичъ выдалъ сестрѣ 260 рублей, а такъ какъ она откуда то «извѣстилась», что Леонтовичъ получилъ отъ княгини Сангушко не 18, а 20 тысячъ злотыхъ, то братъ «уступилъ ей на немъ Леонтовичу доискивать и что выищетъ она, онъ, Ананія, оныхъ интересоваться не будетъ».

Съ этимъ то доискиваніемъ и обратилась Прокофьева въ совѣстный судъ, прося взыскать съ Леонтовича какъ недоданныя имъ якобы брату ея двѣ тысячи червонцевъ, такъ равно и извѣстную часть изъ тѣхъ денегъ, какія получилъ Леонтовичъ за труды, на которые де она его не уполномочивала.

Совѣстный судъ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства этого дѣла, 2-го марта опредѣлилъ «дать Леонтовичу присягу, въ томъ только, что онъ отъ княгини Сангушко не болѣе получилъ 18-ти тысячъ, за виконаніемъ коей истицѣ въ искѣ ея отказать».

Мужъ Елены по этому поводу просилъ внесть въ «роту присяги» и то, что Леонтовичъ «взялъ отъ брата жены его Ананія Лятушевича извѣреніе на доискъ оныхъ денегъ подступно, съ согласія только тестя его Кувѣчинскаго, потому что въ то время Лятушевичъ былъ обдержимъ болѣзнію, а не въ полномъ здравіи и чувствіи»; но судъ отказалъ въ этомъ Прокофьеву, возвративъ и самое его доношеніе, «яко неподлежаще поданное».

15-го марта Леонтовичъ заявилъ совѣстн. суду, что хотя онъ уже совсѣмъ было себя «въ присутствіи священника изготовилъ» къ присягѣ, но истица Елена Прокофьева и мужъ ея, «отъ оной присяги его увольняя, не допустили съ объявленіемъ суду, что они и безъ присяги совѣсти его вѣрятъ и дѣло вѣчному забвенію предаютъ». Судъ, по просьбѣ Леонтовича, выдалъ ему выпись изъ своего рѣшенія по этому дѣлу.

14-го марта совѣстный судъ слушалъ жалобу секундъ-маіора Димитрія Бессарабскаго на председателя губернскаго магистрата бунч. тов. Якова Давидовскаго [1]). Бессарабскій заявилъ, что въ мартѣ мѣ-

[1]) Этотъ Давидовскій былъ писаремъ магистрата кіевскаго во время войтовства Сычевскаго (съ 1757 г.).

сяцѣ 1780 года онъ засваталъ дочь Давидовскаго Анастасію, причемъ въ замѣнъ полученныхъ отъ невѣсты платка и шелковаго кошелька поднесъ ей «шесть золотыхъ старинныхъ, именно два царей Константина и Елены, два жъ Александра царя македонскаго, два жъ неизвѣстныхъ древнихъ царей, также серьги золотыя съ жемчугомъ и штучку сребреную визолоченую, сдѣланную полукрежемъ для дамской головы; а нынѣ оной Давидовскій, неизвѣстно ему почему, отъ отдачи за него дочери отказывается и, по требованію его, не возвращаетъ вышеписанныхъ вещей».

Черезъ два дня однако Бессарабскій и Давидовскій подали въ судъ мировое доношеніе, заявляя, что «истецъ за полученіемъ отъ отвѣтчика подлежащихъ ему вещей, не долженъ ни въ какомъ судѣ на него, Давидовскаго, искать». Совѣстный судъ опредѣлилъ утвердить это «примиріе» своею печатью.

Жена полковника кіевскаго Лукашевича Агриппина Евстафьевна предъявила въ совѣстный судъ жалобу на своего мужа «о удаленіи ея отъ записанныхъ отъ него ей имѣній и о протчемъ». На вызовъ суда Лукашевичъ отвѣчалъ, что явиться къ разбирательству онъ не можетъ — «первѣе будучи объятъ должностію воинской его службы, второе по слабости его здоровья и третье—не имѣя согласія здѣсь (т. е. въ совѣстн. судѣ) принять разбирательство».

По этому поводу въ совѣстномъ судѣ 8 декабря состоялось такое постановленіе:

«Предложить козелецкому нижнему земскому суду, чтобы отъ оного полковнику Лукашевичу было объявлено слѣдующее: отзывъ его, изъясняющій невозможность явиться ему въ совѣстномъ судѣ по причинѣ его должности, заключаетъ сущее неуваженіе узаконенной сему мѣсту власти, ибо онъ могъ испросить у команды своей безпрепятственное на то позволеніе; относительно извиненія его слабостію здоровья, оно неосновательно тѣмъ паче, что когда въ состояніи онъ исправлять занимающую его должность, которою также защищается, то конечно уже со стороны здоровья имѣлъ онъ свободу повиноваться призыву сего суда; касательно же объявленнаго имъ несогласія его на разбирательство здѣсь объявленной противу его жалобы, то совѣстный судъ внушаетъ ему, Лукашевичу, высочайшее изображающееся въ учрежденіяхъ намѣреніе, съ коимъ установлено сіе мѣсто, тщащееся по правиламъ своимъ доставить спорющимся честную и безтяжебную жизнь, злобы, распри и ссоры прекратить, доставить каждому ему принадлежащее и облегчить судебныя мѣста примиреніемъ спо-

ровъ». Неизвѣстно, внялъ ли Лукашевичъ этому внушенію совѣстнаго суда.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ засѣдатель губернскаго магистрата Романъ Чишиничъ жаловался на брата своего Ивана, такого же засѣдателя, «за недопущеніе въ обонольной винокурнѣ, въ купленномъ ими хуторѣ состоящей, производить винокуреніе въ подлежащій на его мѣсяцъ и произнесеніе похвалокъ бить его, Романа, съ оной винокурни друкомъ». Романъ Чишиничъ просилъ призвать брата въ совѣстный судъ и «учинить, какъ въ захваченныхъ имъ безъ вѣдома его деньгахъ, такъ и въ сложенной имъ, истцемъ, совмѣстно съ отвѣтчикомъ на покупку хутора съ винокурнею и прочихъ къ ней припасовъ суммѣ, разсчетъ, а по оному повелѣть означенный хуторъ одному изъ нихъ за откладомъ половинной части денегъ отдать». По призыву въ судъ братья избрали для разбирательства своей расприи посредниковъ, которые ихъ и примирили, а судъ утвердилъ постановленіе посредниковъ своею печатью (самое постановленіе въ протоколъ не вошло).

Всѣ вышеизложенныя дѣла поступили въ совѣстный судъ по жалобамъ отдѣльныхъ лицъ, причемъ, какъ упомянуто выше, только въ случаѣ согласія обѣихъ сторонъ подвергнуть свою тяжбу разбирательству совѣстнаго суда, послѣдній вступалъ въ это разбирательство. Но нѣкоторыя дѣла поступали изъ другихъ судовъ, нижнихъ земскихъ, изъ магистратовъ и расправъ, и непремѣнно подлежали сужденію совѣстныхъ судовъ. Таковы, сколько мнѣ извѣстно, всѣ дѣла по обвиненіямъ въ «волшебствѣ и колдовствѣ» и по преступленіямъ, совершеннымъ несовершеннолѣтними.

Перваго рода дѣлъ, по обвиненіямъ въ «волшебствахъ», въ протоколахъ совѣстнаго суда за 1782 годъ, я нашелъ четыре. «Рѣшительныя опредѣленія» по этимъ дѣламъ выражаютъ просвѣщенный взглядъ на нихъ и гуманное отношеніе суда къ лицамъ, подвергавшимся со стороны низшихъ учрежденій довольно тяжелой «волокитѣ».

1) Изъ кіевскаго нижняго земскаго суда была доставлена крестьянка с. Стараго Евдокія Дубогрѣенкова, которая показала о себѣ, что, проживая у своего двоюроднаго брата, она «производила морозы, какъ въ прошломъ, такъ и нынѣшнемъ лѣтѣ, повредившіе посѣянной хлѣбъ, и о таковомъ вымороженіи извѣстны всѣ тамошніе жители». Совѣстный судъ предложитъ нижн. земскому собрать на мѣстѣ «обстоятельныя и вѣрныя выправки» отъ мѣстныхъ жителей: въ чемъ именно состояли «волшебства» Дубогрѣенковой, — «а особливо, мо-

жетъ ли кто утвердить, чтобы вымороженію хлѣба, а потому и неурожаю въ ономъ были причиною употребленныя каковы либо отъ нея посредства».

Изъ доставленныхъ свѣдѣній совѣстный судъ усмотрѣлъ, что Дубогрѣенкова, «будучи въ великомъ помѣшательствѣ ума, ходила недѣль съ двѣ въ селѣ Старомъ и въ окружающихъ оное гаяхъ и полѣ, гдѣ ночь постигнетъ ее, и при таковомъ ея состояніи произносила угроженія въ лѣтнее время морозами вредить хлѣбу, произвесть морозъ и голодъ, однако того ничего отъ нея не послѣдовало и волшебствъ за нею никакихъ не примѣчено; показаніе же ея самой о томъ совѣстный судъ видитъ происшедшимъ отъ помѣшательства ея ума, тѣмъ паче что она на увѣщаніе здѣсь священника о признаніи истины точностію въ обстоятельствахъ ея показанія, не могши ничего объяснить, отвѣчала одними увѣщевавшему ее священнику укореніями», а потому судъ и опредѣлилъ препроводить ее въ домъ умалишенныхъ.

2) Въ с. Бобровицѣ, козелецкаго уѣзда шинковалъ подсусѣдокъ Гаврило Кошикъ. Дѣла его шли плохо. Однажды пришла къ нему одна баба и за кварту горѣлки сообщила секретъ для привлеченія въ его шинокъ большаго числа потребителей. Она рекомендовала ему достать земли изъ подъ пчелинаго улья и, растворивши ее въ водѣ, перемыть этою водою всю шинковую посуду, а затѣмъ полить ею же полъ въ избѣ и сѣняхъ: тогда де будутъ въ шинокъ идти люди такъ, какъ пчелы въ улей. Гаврило Кошикъ повѣрилъ бабѣ и поручилъ сыну своему Тарасу, служившему наймитомъ въ г. Козельцѣ у мѣщанина, приготовить означенное полосканіе. Тарасъ взялъ такой земли въ саду своего хозяина, отъ котораго не скрылъ и самой цѣли, и передалъ отцу. Отецъ однако скоро увидѣлъ, что указанное средство не помогло, такъ какъ «въ продажѣ горѣлки не лучшую прежней удачу имѣлъ». Между тѣмъ хозяинъ Тараса бургомистръ Гонтаровскій, видѣвшій въ этомъ «волшебство», обвинилъ обоихъ Кошиковъ, отца и сына, въ томъ, что они, взявши въ его саду изъ подъ улья землю, хотѣли этимъ волшебствомъ причинить ему «безвременную смерть или разореніе въ имѣніи». Въ качествѣ обвиняемыхъ въ волшебствѣ и предстали Кошики въ кіевскомъ совѣстномъ судѣ, который однако призналъ не только ихъ, но и обвинителя легкомысленными и суевѣрными людьми, «весь проступокъ Гаврила Кошика происшедшимъ отъ простоты и невѣжества», а потому и постановилъ: освободивъ обоихъ Кошиковъ изъ заключенія, «предать Гаврила Ко-

щика публичному церковному покаянію, чтобы явное предъ народнымъ собраніемъ признаніе сего его проступка служило предметомъ страха для другихъ во избѣжаніе отъ подобныхъ дѣйствій?»

3) Въ м. Борисполѣ проживала въ качествѣ «подданной» протопопа Яворскаго ворожка Ирина Ошумчиха, «упражняясь заимствованнымъ ею отъ умершей своей матери ворожбитствомъ». Ворожбу эту она производила «по просьбамъ имѣющихъ утрату вещей посредствомъ частей житнаго хлѣба, въ глиняномъ сосудѣ на воду бросаемыхъ, коихъ плаваніе на оной или потопленіе знаменуетъ въ одномъ случаѣ по числу частей число похищеннаго и возвратно ли оно, а притомъ—утвержденіе вины подозрѣваемаго въ такомъ похищеніи, въ другомъ же случаѣ напрасную жалобу подозрѣвающаго и невинность подозрѣваемаго». Къ этому «знанію ворожбитства» Ирины Ошумчихи прибѣгали и самъ владѣлецъ ея протопопъ Яворскій и войсковой товарищъ Афендикъ наравнѣ со многими другими мѣстными жителями. По жалобѣ одной изъ этихъ жительницъ, Ирина Ошумчиха привлечена была къ отвѣтственности въ остерскій нижній земскій судъ, отъ котораго съ однимъ лишь ея собственнымъ показаніемъ и была препровождена въ Кіевъ въ совѣстный судъ. Послѣдній потребовалъ производства на мѣстѣ надлежащаго слѣдствія, при которомъ бы допрошены были обращавшіеся къ ворожкѣ лица: «могутъ ли утвердить, что предсказанія ея покраденныхъ вещей однихъ возвращеніемъ, а другихъ утратою точно сбылись?»

Мѣсяца два сидѣла ворожка Ирина подъ стражею въ Кіевѣ, пока доставленъ былъ суду обычный «обыскъ», учиненный мѣстнымъ жителямъ подъ присягою и засвидѣтельствовавшій, что «при случаяхъ покражи у однихъ лошадей, а у другихъ денегъ и вещей, она ворожбитствовала и что въ томъ о совершившихся ея предсказаніяхъ они извѣстны», причемъ «не показали отъ признаннаго ею ворожбитства злыхъ дѣйствій и одобрили ея состояніе».

Совѣстный судъ нашелъ, что «ворожбитство» Ирины Ошумчихи «заключаетъ единственно легкомысліе, питаемое легковѣріемъ прибѣгающихъ къ помощи таковаго ея знанія, сопряженнаго съ обманомъ, глупостію и невѣжествомъ; преступленія же противу законовъ, вреда общему благу не открывается; слѣдовательно, снисходя слабости человѣчества, на основаніи предписанныхъ для совѣстнаго суда человѣколюбивыхъ правилъ, за неосновательныя ея дѣйствія, могущія однакожъ нарушить иногда доброй порядокъ общежитія утвержденіемъ часто невинности чрезъ подложные способы въ подозрѣніи,—въ

нѣкоторое ей наказаніе вмѣнить содержаніе ея до сего подъ стражею, къ отвращенію же впредь отъ признаваемаго ею въ ворожбитствѣ суевѣрія, а простолюдиновъ отъ прибѣжища искать у нея помощи, означенную Шумчиху предать одиножды церковному публичному покаянію съ признаніемъ предъ народнымъ собраніемъ ея погрѣшности, а затѣмъ отдать ее на поруки съ обязательствомъ, чтобы она отъ ворожбитства впредь навсегда воздержалась».

4) Въ декабрѣ мѣсяцѣ представлена была изъ козелецкой нижней расправы обвиняемая въ колдовствѣ женщина Прасковья Кордашевна-Прусиха, «причинствовавшая обезумленію козака Трофима Плюща дачею зловреднаго зелія». Но совѣстный судъ не нашелъ въ присланномъ дѣлѣ «ни колдовства, ни суевѣрія, ни другихъ относящихся къ рѣшенію совѣстнаго суда преступленій», а потому и возвратилъ это дѣло и обвиняемую обратно въ нижнюю расправу «для надлежащаго тамо въ разсужденіи преступницы на основаніи законовъ поступленія».

Дѣлъ по обвиненію несовершеннолѣтнихъ было два. Одинъ мальчикъ 10-ти лѣтъ нечаянно убилъ служанку изъ ружья, за что совѣстный судъ, обслѣдовавши дѣло, рѣшилъ сдѣлать выговоръ отцу и старшему брату мальчика, оставившему ружье заряженнымъ. Другое дѣло по обвиненію въ святотатствѣ уже 16-лѣтняго юноши, который въ одной церкви отрѣзалъ у иконы серебряную привѣску, а въ другой—двѣ серебряныя кисти, и продалъ мастеру Іогану Доминику. Послѣдній, заподозрѣвъ воровство, представилъ юношу въ магистратъ, который и препроводилъ его въ совѣстный судъ. Здѣсь оказалось, что этотъ юноша, сынъ мѣщанина Петръ Сѣнниченко, уже два года тому назадъ попадался въ подобнаго рода «святотатствѣ», т. е. воровствахъ въ церкви: такъ однажды онъ былъ пойманъ на воровствѣ денегъ въ пещерахъ, за что лаврскіе монахи и наказали его розгами, а въ другой разъ онъ вмѣстѣ съ товарищемъ укралъ въ Софійскомъ монастырѣ серебряной и золотой монеты на 54 р., которые были затѣмъ возвращены, а самъ онъ въ магистратѣ наказанъ розгами.

Въ опредѣленіи совѣстнаго суда по этому дѣлу читаемъ: «хотя оказавшійся неоднократно въ дерзновенныхъ поступкахъ святотатства Петръ Сѣнниченко своими злодѣяніями подвергаетъ себя жестокой казни, положенной Правъ Магд. въ книгѣ практики криминальныхъ дѣлъ ч. 2 въ вопросѣ 89 статьею 17-ю, изъясняющею — «всякаго святотатца, похищающаго изъ церкви вещи, во славу Божію посвященныя, колесовать надлежитъ»; но употребляя человѣколюбивое погрѣшностямъ младолѣтняго снисхожденіе, соотвѣтствующее правиламъ долж-

ности совѣстнаго суда, умѣрить здѣсь строгость закона въ чаяніи, что сіе облегченіе участи виновнаго подѣйствуетъ къ исправленію его поступковъ на предбудущее». Ссылаясь на указъ пр. сената 1765 г. іюня 26 ч., сов. судъ «предалъ» его тѣлесному наказанію плетьми, а затѣмъ отдалъ отцу на поруки съ обязательствомъ удалять его отъ дурной компаніи.

Въ концѣ 1782 года графъ Румянцевъ потребовалъ отъ всѣхъ вновь открытыхъ въ кіевскомъ намѣстничествѣ присутственныхъ мѣстъ свѣдѣнія о томъ, какіе въ теченіи перваго года они «узнать могли нужды и недостатки и въ исполненіи съ совершеннымъ успѣхомъ опредѣленныхъ имъ должностей препятствія». Совѣстный судъ, обсуждая этотъ вопросъ, занесъ въ свой протоколъ 13 декабря для представленія нам. правленію слѣдующіе пункты:

1) «Нерѣдко случалось, что призываемые по роду гражданскихъ дѣлъ къ разбирательству показываемыхъ на нихъ жалобъ, убѣгая примиренія кратчайшимъ здѣсь образомъ споровъ съ намѣреніемъ подвергнуть обидимаго крайности искать справедливости въ другихъ судахъ, а между тѣмъ воспользоваться продолженіемъ времени въ законномъ удовольствіи, являясь предъ совѣстнымъ судомъ, иные же и того не дѣлая, безъ всякой причины отказываются отъ согласія вступить въ разбирательство.

2) Нѣкоторыя нижнія мѣста принадлежащихъ къ сужденію здѣсь преступниковъ присылаютъ съ одними взятыми тамъ у нихъ допросами, не производя открывающихъ основательно содержаніе и доказательства преступленія на мѣстѣ, гдѣ оное учинено, изслѣдованій и по жительству обвиняемыхъ о состояніи ихъ обысковъ; а въ такомъ случаѣ между переписками съ нарочитымъ требованіемъ о выполненіи и между производствомъ того навлекаемая медленность удерживаетъ рѣшеніе уголовнаго дѣла долѣе узаконеннаго срока, сопрягаясь при томъ съ отягощеніемъ, которое обвиняемые, меньше иногда по слѣдствіямъ заслуживая истязаніе, долговременнымъ содержаніемъ подъ стражею претерпѣваютъ.

Совѣстный судъ, сообразуясь начертаннымъ ему въ высоч. учрежд. правиламъ кротости и человѣколюбія, во отвращеніе таковыхъ неудобствъ полагаетъ способы: касательно призываемыхъ для примиренія и неповинующихся; являющихся здѣсь, а не являющихся чрезъ предложенія въ нижнія мѣста, увѣщевать къ согласію на прекращеніе распри; а буде и за таковымъ увѣщаніемъ кто окажется преслушенъ,

то для отличія его въ сообществѣ благомыслящихъ людей, яко человѣка худыхъ свойствъ, предъосужденіе ему изъяснить въ вѣдомостяхъ предъ публикою; такимъ образомъ другіе, если не будутъ подвигнуты справедливостію, то по меньшей мѣрѣ тронуты стыдомъ быть признаны удаляющимися отъ правосудія, поспѣшатъ представить свои оправданія тутъ, гдѣ сопрягается милость и судъ во едино и гдѣ внемлется купно гласъ закона и гласъ человѣколюбія».

Относительно же устраненія затрудненій, указанныхъ во 2-мъ пунктѣ, совѣстн. судъ находилъ необходимымъ, чтобы нижнія мѣста доставляли ему всѣ необходимыя данныя о преступленіи, подлежащемъ суду совѣстн. суда, собирая ихъ на мѣстѣ.

А. Андріевскій.

Кіевскій вооруженный мѣщанскій корпусъ въ 1790-мъ году.

Въ 1790 году 8-го іюня малороссійскій генералъ-губернаторъ М. Н. Кречетниковъ далъ кіевскому губернатору С. Ширкову нижеслѣдующее предложеніе:

«Обстоятельства настоящаго военнаго времени обязываютъ меня, какъ постановленнаго по высоч. волѣ е. и. в. въ губерніяхъ малороссійскихъ начальника, предварительную на всякой неожидаемой случай имѣть предосторожность и особенно въ мѣстахъ паче пограничныхъ, какъ то найболѣе въ семъ губернскомъ городѣ Кіевѣ; по поводу чего и рекомендую в. п. немедленнѣйше приступить къ освидѣтельствованію: сколько есть здѣсь въ городѣ мѣщанъ кіевскихъ такихъ, кои въ случаѣ нужды или необходимости могли бы употреблены быть на защищеніе и охраненіе города будучи вооружены? а сдѣлавъ такимъ образомъ свидѣтельство, сочинить всѣмъ оказавшимся на таковый случай готовыми именной списокъ и потомъ, раздѣливъ ихъ на хорунги, назначить изъ нихъ же командировъ со внушеніемъ, чтобъ каждый имѣлъ у себя въ надлежащей исправности ружье, пистолетъ и пику, заимствуя послѣднія изъ оставшихъ отъ прежнихъ хорунгихъ служебъ, пріучаясь по временамъ и стрѣлять изъ ружьевъ, а въ сохраненіе надлежащаго при семъ порядка назначить для стрѣльбы сей одинъ день въ недѣлю, о чемъ градскому головѣ съ думою и лично отъ меня сдѣлано уже внушеніе. Остается затѣмъ сказать в. п. чтобъ все оное исполнить изволили къ возвращенію моему изъ городовъ сей губерніи, подавъ тогда же мнѣ и вышеизъясненной имен-

ной списокъ съ показаніемъ уже въ немъ подѣленія мѣщанъ сихъ на хорунги и означеніемъ командировъ ихъ».

Немедленно исполнивъ это порученіе, Ширковъ при представленіи требуемой вѣдомости доносилъ, что «сіи граждане по заведенному издревле порядку, вооружились точію пѣшіе саблями и ружьемъ, а конные саблями и пистолетами, пикъ же вовсе не было, почему, какъ городская дума представляетъ, и нынѣ вооружиться не могутъ.

Въ вѣдомость вошло наличныхъ купцовъ и мѣщанъ 1996 пѣшихъ и 140 конныхъ.

Первые раздѣлены по ремесленнымъ управамъ, что даетъ возможность судить о численности каждой управы. Самымъ многолюднымъ было вѣдомство управы сапожниковъ—428 человѣкъ, въ томъ числѣ 367 мастеровъ и 61 подмастерьевъ, управскій старшина—Семенъ Буренокъ, затѣмъ слѣдуютъ:

2) упр. мелочью торгующихъ—225, старшина Романъ Несторовскій.

3) упр. плотниковъ—221, старшина Трофимъ Лобъ.

4) » портныхъ—218 (въ томъ числѣ 38 подмастерьевъ), старшина Александръ Петровскій.

5) упр. хлѣбниковъ—151, старш. Сава Мартиновскій.

6) » кузнецкой—138 (подм. 27), старш. Яковъ Степуренко.

7) » шапочниковъ—124 (подм. 20), старш. Никита Захаріевскій.

8) » рыболововъ—113, старш. Филипъ Сичъ.

9) » иконописной—85 (подм. 20), старш. Павелъ Коробкинъ.

10) » мясниковъ—84, старш. Павелъ Смолякъ.

11) » ткацкой—83 (подм. 4), старш. Іосифъ Вѣшковскій.

12) » гончарской—54, старш. Леонтій Кващенко.

13) » цилюрниковъ—31 (подм. 18), старш. Федоръ Салникъ.

14) » музыкантовъ—27, старш. Степанъ Кузмичъ.

Послѣднимъ въ спискѣ конныхъ «почетнѣйшихъ гражданъ» стоитъ бывшій бургомистръ Яковъ Гудимъ, который, какъ сказано въ заключеніе списка, командуетъ конницею и пѣхотою, а ему въ помощь опредѣлены ремесленной глава Александръ Барскій и купцы Иванъ Прилуцкій, Петръ Барщевскій и Иванъ Иванскій.

Кромѣ вышеписаннаго числа людей, оказалось въ отлучкѣ, въ болѣзняхъ, въ услуженіяхъ и въ престарѣлости состоитъ всего 473 человѣка. Главнымъ «региментаремъ» вооруженнаго мѣщанскаго корпуса избранъ былъ затѣмъ думою 2-го іюля городской голова «именитый гражданинъ» Григорій Радзицкій. Кречетниковъ, донося князю

Потемкину объ этомъ выборѣ, писалъ, что Радзицкій «и въ составленіи сего корпуса трудился и оказалъ себя довольно прилежнымъ, а посему, слѣдуя повелѣнію вашей свѣтлости, и медаль, ко мнѣ присланную, возложилъ на него со внушеніемъ, что при усмотрѣніи больше попеченія его во обученіи корпуса мѣщанъ цѣльной стрѣльбѣ можетъ надѣяться на благоволеніе в. с. и въ дальнѣйшемъ отличеніи его».

Кречетниковъ командировалъ 16-го іюня кіев. маг. ратмана Өедора Невадовскаго въ г. Переяславль, чтобы и тамъ онъ съ городскимъ головою и членами магистрата составилъ двѣ хорунги по образцу кіевскихъ. Іюня 21-го это распоряженіе было уже исполнено и составленъ списокъ изъ 200 человѣкъ, вошедшихъ въ составъ двухъ пѣшихъ хорунгъ.

А. Андріевскій.

Судьба кіевскихъ водяныхъ мельницъ. Въ прошломъ столѣтіи существовали еще въ Кіевѣ на берегу Днѣпра такія же пловучія мельницы, устраиваемыя на двухъ «дубахъ» (байдакахъ или баржахъ), какія до настоящаго времени встрѣчаются во многихъ мѣстахъ по нижнему теченію р. Днѣпра преимущественно на правомъ берегу его. Въ 1745 году такихъ мельницъ на кіевскомъ берегу было около тридцати, и всѣ онѣ въ этомъ году были въ одинъ прекрасный день переведены на лѣвый берегъ Днѣпра, согласно состоявшемуся о томъ 10-го мая 1745 г. высоч. указу [1]).

Посѣщеніе Кіева императрицей Елисаветой Петровной въ 1744 году вызвало вообще нѣсколько крупныхъ мѣръ по части городскаго благоустройства. Такъ, между прочимъ, въ ожиданіи этого посѣщенія, когда строились противъ кіевскихъ воротъ к.-печерской крѣпости тріумфальныя ворота, энергическій инженеръ подполковникъ Дебоскетъ, по распоряженію генералъ-губернатора Леонтьева, перенесъ на другое мѣсто находившійся подлѣ крѣпости на Печерскѣ базаръ со всѣми его торговыми лавками, прилавками и шалашами, мѣшавшими главному проѣзду [2]).

---

[1]) Указъ этотъ былъ напечатанъ мною въ 7-мъ вып. „Истор. мат. изъ арх. Кіев. Губ. Пр.,“ стр. 57; переписка же объ исполненіи его найдена мною недавно въ Центр. Арх.; она и послужила матеріаломъ для настоящей замѣтки.

[2]) См. въ томъ же вып. „Ист. мат. изъ арх. Кіев. Губ. Пр.“ статьи „О перенесеніи Печерскаго рынка“, „О постройкѣ въ 1745 г. новыхъ лавокъ въ Старо-

Послѣ же посѣщенія Кіева императрицей былъ приведенъ въ порядокъ базаръ старокіевскій, построены были на немъ новыя лавки К.-Софійскимъ монастыремъ; тогда же исправленъ былъ основательно и наводной мостъ на Днѣпрѣ.

Сама императрица, во время пребыванія своего въ Кіевѣ (съ 25-го августа по 12-е сентября 1744 г.), обратила вниманіе на то, что «рѣка Днѣпръ теченіе свое взяла подъ самыми кіевскими горами и отъ великаго стремленія тѣ горы, а наче гдѣ угодники Божіи въ пещерахъ преопочиваютъ, вредитъ и осыпаетъ». Полагая, что на такое направленіе въ теченіи Днѣпра вліяютъ находившіяся на кіевскомъ берегу его водяныя мельницы, государыня именнымъ указомъ на имя генералъ-губернатора Леонтьева повелѣла «тотчасъ всѣ тѣ мельницы, которыя по кіевскому берегу поставлены, съ тѣхъ мѣстъ свесть, дабы ни одной на томъ берегу не осталось».

Указъ этотъ полученъ былъ въ Кіевѣ 6-го іюня, и въ тотъ же день Леонтьевъ предписалъ оберъ-коменданту генералъ-маіору Степ. Алексѣевичу Юрьеву «тотчасъ отправить самыхъ добрыхъ одного штабъ, а другаго оберъ-офицеровъ съ пристойною командою и велѣть всѣ помянутыя мельницы, не оставливая ни одной, чьи бы ни были, съ сей на ту сторону рѣки Днѣпра при себѣ каждому владѣльцу своимъ коштомъ перевесть». Командированный для этого подполковникъ Нейманъ того же числа донесъ, что райца кіев. магистрата Лавренъ Гуриновичъ и другіе хозяева мельницъ на объявленное имъ требованіе заявили, что исполнить его немедленно по случаю большаго вѣтра никакъ не возможно, а когда де вѣтеръ утихнетъ, то мельницы тотчасъ переведены будутъ на ту сторону. Самъ же Нейманъ своею командою перевелъ все таки вечеромъ того же дня изъ казенныхъ и частныхъ мельницъ пять на ту сторону Днѣпра, а восемь на Трухановъ островъ, гдѣ и раньше стояли двѣ мельницы. Генералъ-губернаторъ потребовалъ однако, чтобы на островѣ эти мельницы не оставлялись, а всѣ бы переведены были на лѣвый берегъ Днѣпра.

На другой день, 7-го іюня копія высочайшаго указа препровождена и въ магистратъ съ требованіемъ о немедленномъ его исполненіи. Магистратъ въ тотъ же день и отъ себя распорядился перево-

кіев. крѣпости". Къ посѣщенію Кіева императрицей Елисаветой Петровной относится также замѣтка въ 5-мъ вып. „Ист. мат.," стр. 162—168 объ удаленіи изъ города больныхъ разнаго рода заразительными болѣзнями.

домъ мельницъ. Вѣдомости о числѣ переведенныхъ мельницъ были представлены 9-го іюня въ губ. канц. и магистратомъ и оберъ-комендантомъ, но въ показаніяхъ своихъ эти вѣдомости нѣсколько расходятся, какъ въ итогѣ, такъ и въ фамиліяхъ владѣльцевъ. Въ вѣдомости оберъ-коменданта всѣхъ мельницъ показано 25, а въ магистратской 28, въ томъ числѣ мѣщанскихъ 18 и принадлежащихъ гарнизоннымъ полкамъ и великороссіянамъ 10 [1]). Всѣ эти мельницы поставлены были, какъ сказано въ магистратской вѣдомости, «въ пробытцу въ островѣ Трухановѣ».

Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ (черновомъ), которымъ Леонтьевъ 10-го іюня увѣдомлялъ объ исполненіи высоч. указа, въ заключеніи читаемъ: «а противъ пещеръ, гдѣ угодники Божіи преопочиваютъ, какъ прежде тѣхъ мельницъ не было, такъ и нынѣ нѣтъ».

Надо думать, что этотъ внезапно послѣдовавшій переводъ водяныхъ мельницъ отозвался весьма чувствительно на хозяйственномъ обиходѣ мѣстныхъ обывателей, не говоря уже объ интересахъ самихъ владѣльцевъ. Пользованіе этими мельницами было теперь крайне затруднено, такъ какъ для доставки къ нимъ хлѣба потребовались новыя приспособленія и лишніе расходы. По всей вѣроятности, съ этого времени и совсѣмъ прекратилъ свое существованіе въ Кіевѣ этотъ типъ мельницъ, столь популярный у приднѣпровскихъ малороссіянъ.

А. Андріевскій.

Переселеніе запорожцевъ на Тамань. Послѣ разгрома Сѣчи въ 1775 г. запорожцы разбрелись въ разныя стороны—кто въ Туреччину, кто куда пришлось. Скоро, однако, тотъ, кого запорожцы считали главнымъ виновникомъ постигшаго ихъ несчастья— «Грыцько Нечоса», Потемкинъ пытается собрать разошедшихся сѣчевиковъ и образоться изъ нихъ новое козачье войско. «Въ томъ же 1787 г. и тѣ-же козацкіе старшины», говоритъ г. Щербина, «Сидоръ Бѣлый, Захарій Чепѣга и Антонъ Головатый окончательно сформировали вольныя козачьи команды. Собранные имъ козаки получили названіе «войска

[1]) Въ числѣ послѣднихъ значатся: голова кабацкій Василій Герасимовъ съ товарищи имѣлъ двѣ мельницы, капитанъ Довбиловъ и полицмейстеръ Якимъ Кононовичъ—тоже по двѣ. Вмѣсто имени послѣдняго въ вѣдомости оберъ-коменданта значится „гарнизонный квартермистръ Якимъ Литвиновъ": по всей вѣроятности, это одно и то же лицо.

вѣрныхъ козаковъ» и были разбиты на двѣ группы—на конницу, подъ начальствомъ Чепѣги, и на пѣхоту, подъ командою Головатаго; общее же начальствованіе надъ козаками было поручено Потемкинымъ первому кошевому атаману возродившагося войска—Сидору Бѣлому» [1]).

Благодаря цѣлому ряду богатырскихъ подвиговъ во время 2-й турецкой войны, запорожцы покрыли себя громкой славой, и Потемкинъ, какъ бы желая загладить свою вину передъ войскомъ, постарался вознаградить труды его на пользу русскаго государства. Ордеромъ отъ 19 апрѣля 1790 г. Потемкинъ увѣдомляетъ о послѣдовавшей высочайшей милости войску. Ему отводятся для поселенія на Кинбурнской сторонѣ земли, не принадлежащія помѣщикамъ, а отъ Буга по морю до Днѣстра линіею, на картѣ означенною, и къ тому добавляется «округъ Еникольскій съ Таманомъ». Отъ себя князь даритъ войску принадлежащія ему на Тамани «мѣста съ рыбными ловлями, самыми изобильными» [2]). Козаки старались воспользоваться оказанной милостью и стали обзаводиться хозяйствомъ на отведенныхъ имъ между Бугомъ и Днѣстромъ земляхъ. Но не долго пришлось имъ тутъ оставаться. Въ августѣ 1792 г. довольно значительная часть ихъ очутилась уже на новыхъ земляхъ.

Въ письмѣ отъ 11 мая 1792 г. къ вице-адмиралу Мордвинову, главнокомандующему черноморскимъ флотомъ и портами, ген.-аншефъ Каховскій сообщаетъ о послѣдовавшемъ на его имя высоч. указѣ, которымъ повелѣвается отправить черноморскую козачью флотилію до «Тамана», куда, для исправленія тамошняго укрѣпленія и вооруженія его артиллеріею, Каховскій съ своей стороны отправилъ одинъ батальонъ егерей.

Еще до полученія этого письма Каховскаго, Мордвиновъ 28 апрѣля 1792 г. послалъ ордеръ бригадиру, флота капитану Павлу Пустошкину, предписывая «для конвоированія флотиліи козачей черноморской до о—ва Тамана назначить нужное число судовъ, изготовивъ оныя къ походу» [3]). Пустошкинъ принялся за исполненіе порученнаго ему дѣла и благополучно довелъ его до конца—препроводилъ до Тамани черноморскую козачью флотилію съ находившимися на ней и на сопровождавшихъ ее судахъ запорожцами.

Объ этомъ переселеніи моремъ запорожцевъ, насколько мнѣ извѣстно, говорится только вскользь у историковъ черноморскихъ ко-

---

[1]) Кубанское козачье войско. Е. Д. Фелицына, стр. 36—37.

[2]) Куб. козачье войско, стр. 424.

[3]) Николаевскій портовый архивъ. Письма Каховскаго.

заковъ. Мнѣ же пришлось ознакомиться въ николаевскомъ портовомъ архивѣ съ дѣломъ, въ которомъ подробно описанъ этотъ «вояжъ», приложены вѣдомости съ указаніемъ на численный составъ какъ всего черноморскаго войска, такъ и той части его, которая совершила «вояжъ» на судахъ до Тамани, названы нѣкоторые войсковые старшины. Это дѣло и послужило матеріаломъ для настоящей замѣтки. Письма и рапорты Пустошкина Мордвинову, находящіеся въ этомъ дѣлѣ, даютъ нѣкоторую возможность судить о томъ, какъ отнеслись запорожцы къ переселенію ихъ на Тамань. Дѣло это носитъ въ описи не совсѣмъ вѣрное заглавіе: «Рапорты и письма к. адм. Пустошкина по предмету препровожденія отъ Дуная въ Тамань козачьей флотиліи 25 лодокъ» (1792 г., на 87 лист.).

Въ силу повелѣнія Мордвинова отъ 6 іюля 1792 г., бригадиръ Пустошкинъ отправился изъ Николаева въ Слободзѣю (на Днѣстрѣ), мѣстонахожденіе Коша и черноморской козачьей флотиліи, бывшей въ то время подъ управленіемъ полковника Саввы Бѣлого.

Прибывъ въ Слободзѣю, Пустошкинъ нашелъ тамъ 25 лодокъ и 6 баркасовъ; 22 же лодки флотиліи были отправлены съ провіантомъ въ Аджидеръ (при устьѣ Днѣстра), гдѣ, кромѣ того, находились еще 25 новыхъ лодокъ, построенныхъ къ этому времени въ Фальчѣ (на Прутѣ) и предназначавшихся для той же черноморской козачьей флотиліи. Пустошкинъ принялся за снаряженіе въ путь лодокъ и сборъ запорожцевъ. Послѣднее дѣло, однако, оказалось не изъ легкихъ; по крайней мѣрѣ, въ рапортѣ Мордвинову, отъ 12 іюля, Пустошкинъ пишетъ вотъ что: «Касательно людей, то всѣхъ оныхъ в скорости собрать никакъ не можно: поелику находятца въ разныхъ раскомандировкахъ, какъ то: при осадной артиллеріи, на сенокосахъ и въ другихъ тому подобныхъ расходахъ, съ которыхъ и назначилъ я онымъ собратца уже въ Аджидеръ, где не оставлю учинить и лодкамъ разсортированіе, которыя взять съ собою, и которыя тамъ оставить, теперь же желательно мне только тронутца съ места коша, где ежечасно случаютца разныя затрудненія».

Какъ бы то ни было, но флотилія 13 іюля двинулась въ Аджидеръ. Медленно шла она и только черезъ 4 дня прибыла туда и была встрѣчена Пустошкинымъ, раньше ея пріѣхавшимъ въ Аджидеръ на почтовыхъ. Еще до прибытія флотиліи, Пустошкинъ послалъ 15 іюля Мордвинову письмо и рапортъ. Въ первомъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія строки: «Флотилію козачью черноморскую изъ Слободзѣи отъ коша я отправилъ и уповаю въ скорости прибудетъ

къ Аджидеру. Некоторыя изъ черноморцовъ, особливо конныя и те которыя живутъ съ женами домами, въ слободахъ, не очень охотно думаютъ итти на определенную имъ въ Тамане землю; служащіе же на лодкахъ полковники и старшины желаютъ въ Тамань, и всячески стараются уговаривать казаковъ; но что какое въ томъ могло произойти препятствіе и до сего времени ничего не слышно». Къ рапорту приложены составленныя Саввою Бѣлымъ и Захаріемъ Чепѣгою вѣдомости, «сколько въ черноморскомъ войскѣ находится какъ на лодкахъ, такъ равно пешихъ и конныхъ старшинъ и казаковъ». Оказывается, что по списку—въ гребной флотиліи, пѣхотныхъ полкахъ и командахъ числилось козаковъ и старшинъ 7239 ч., конныхъ—2183, всего 9422 чел.; но на лицо, ко времени составленія вѣдомостей, было всего лишь 4143 человѣка.

18 іюля Пустошкинъ доноситъ Мордвинову о прибытіи въ Аджидеръ 17 іюля изъ Слободзѣи запорожской флотиліи и о своемъ намѣреніи разсортировать лодки, а затѣмъ уже слѣдовать изъ Аджидера въ Николаевъ: «Потомъ буду старатца всячески поспешить отправленіемъ отъ сюда.... Бывшую при осадной артиллеріи команду пешихъ казаковъ ожидаю въ скорости въ Аджидеръ и съ прочихъ же мѣстъ збираются, но не все еще прибыли, а хотя малое число и не дойдутъ ожидать не буду».

Пустошкинъ сдѣлалъ сортировку лодкамъ флотиліи:—11 старыхъ запорожскихъ, такъ называемыхъ, кременчугскихъ (построенныхъ, по повелѣнію кн. Потемкина, въ Кременчугѣ) и 9 канонерскихъ (а также 1 чектырму) онъ рѣшилъ оставить въ Аджидерѣ; причемъ даже 10 изъ лодокъ приказалъ разломать на дрова и проч. [1]).

---

[1]) Къ рапорту Пустошкина приложена вѣдомость, „сколько какихъ послѣдуетъ со мною лодокъ и какихъ будетъ состоять старшинъ и казаковъ".

Учинена іюня дня 1792 г.

На канонѣрскихъ лодкахъ старшины полковые хорунжіе арміи прапорщики: Кисякивской Мойсей Рева старш.—1, козак.—41. Конеливской Кононъ Запорожченко — 1, — 50. Канивской Максимъ Писаной — 1, — 51. Криливской Матвѣй Блоха—1, — 41. Канѣвской же порутчикъ Федоръ Яновскій—1, — 31. Тимошивской Пилипъ Половый—1, — 61. Платунивской Федоръ Таранъ—1, —72. Дядкивской Василь Малюченко—1, —57. Леушкивской Романъ Шелестъ —1, —49. Величкивской порутчикъ Василь Каменецкій—1, —56. Дядкивской Ефимъ Завалюра —1, —42. Переясливской Пантелимонъ Чухно —1, —46. Деревянкивской Иванъ Холодъ — 1, — 69. Корсунской Олексѣй Гасанъ —1, —61. Полтавской Иванъ Бѣлій —1, —50. Калниболоцкой Петръ Шило —1, —92. Джерелівской Антонъ Волошинъ —1, —45. Иркли-

21 іюля Пустошкинъ двинулся въ путь изъ Аджидера, но выйти въ море за противнымъ вѣтромъ не могъ и вынужденъ былъ простоять въ устьѣ Днѣстровскаго лимана до 23 іюля. Отсюда 22 іюля онъ пишетъ Мордвинову:

«Вчерашній день со всеми лодками числомъ фальченскихъ 25 и старыхъ 26, всего 51, на нихъ казаковъ всехъ 2863, съ ватагъ съ неводами до ста, и всехъ же до трехъ тысячъ человекъ, и больше набралось, отправясь отъ Аджидера до устьевъ лимана днестровскаго, где теперь стою, за противнымъ NO ветромъ; скорея сего времени никакъ не могъ сладить, хлопотъ истинно много. Сколько могъ я уверять хорошимъ местомъ Тамана, казаки оказываютъ свое желаніе, но ропчутъ крайне, што не получали жалованья больше нежели за годъ: изъ коша требовано, и посланъ пріемщикъ къ Михайле Васильевичу

евской Улась Красинскій —1, —79. Коренѣвской Илко Малый —1, —46. Поповичевской Иванъ Арестовъ —1, —37. Незамаивской Савва Секретъ —1, —37. Татаривской Яковъ Тригубъ —1, —48. Рогивской Иванъ Чернеда —1, —49. Коренѣвской Николай Плакса —1, —40. Корсунской Василь Чорный —1, —20. Ирклѣевской Улась Красинскій —1, —30. Платнѣривской Иванъ Страдь —1, —31. Брюховецкой Дмитрій Гачжеевъ —1, —34.

На Кременчугскихъ лодкахъ полковіе хорунжіи арміи прапорщики: Мишастивской Федоръ Задирака старш.—1, козак.—43. Ивонивской Семенъ Безкровный —1, —52. Сергѣевской Иванъ Станкевичъ —1, —40. Кущивской Данило Яненко —1, —52. Динской Иванъ Третякъ —1, —31. Батуринской Иванъ Жвачка —1,—68. Пашкивской Иванъ Губа —1, —57. Ведмедивской Гаврила Свѣчкарь —1, —40. Мѣнской Улась Стрижченко —1, —32. Уманской Максимъ Чернишевъ —1, —64. Вышестеблѣевской Иванъ Пихна—1,—43. Нижестеблѣевской Михайло Терновскій—1,—47. Васюринской Данило Бабыченко —1, —53. Шкуренскій Тарасъ Сташевскій —1, —65. Васюринской малой порутчикъ Иванъ Радкевичъ —1, —29. Поповичивской Петръ Кириаковъ—1, —38. Рогивской Григорій Касяненко—1, —45. Низамаивской Петръ Збарахъ (?) —1, —42. Баркасъ Васюринской Яковъ Харченко —1, —20. Джерелиевской Федоръ Зубъ —1, —53. На флагманскомъ суднѣ порутчикъ Семенъ Паливода —1, —60. При немъ полковіе старшины: Яковъ Животивскій—1. Федоръ Даниличенко —1. Прапорщики: Семенъ Кудимъ —1 Корнѣй Жаданъ —1, Григорій Лозинскій —1, Михайло Кифа —1. Старшины: Олексѣй Горбъ —1, Данило Пѣсоцкій —1. При ономъ суднѣ выездной катеръ, на немъ старшина Гаврило Зѣнченко—1, козак.—13.

Да на вышепрописанныхъ лодкахъ сверхкомплектныхъ старшинъ: Гордѣй Бублиевскій, Петръ Чорный, Федоръ Подсканскій (?), Григорій Матвѣевъ, Трофимъ Малый, ... Куцюбинскій, Андрей Жигалло, Максимъ Грековъ, Петръ Ляшко, Федоръ Кравчина, Семенъ Бѣлый, Семенъ Нещерецкій, Трофимъ Малый, Яковъ Соломка, Илья Бабенко, Павелъ Высочинъ, Сымонъ Порохня. Итого всѣхъ старшинъ 90, коз. 2463; да сверхъ оныхъ прибывшихъ отъ осадной артиллеріи козаковъ 400, старшинъ 5.

Каховскому, въ Польшу, тому уже мѣсяцъ; многія открыто сказали: когда не пришлютъ въ Николаевъ, то разбегутца. Я же сообщилъ кошевому Чепеге, когда привезутца денги и съ Польши, прислать скорея въ Николаевъ».

Въ 6 час. по полудни 23 іюля флотилія снялась съ якорей и 24 къ 7 час. по полудни была уже на Очаковскомъ рейдѣ, откуда прослѣдовала на Станиславскую косу. Здѣсь 26 старыхъ запорожскихъ лодокъ были вытащены на берегъ, и мастера, прибывшіе къ этому времени изъ Херсона, занялись ихъ исправленіемъ. Тутъ, въ Станиславѣ, запорожцы, служившіе въ артиллеріи, заявили Пустошкину свою жалобу на неполученье слѣдуемаго имъ жалованья, и тотъ вынужденъ былъ по этому поводу писать Мордвинову, прося его объ удовлетвореніи запорожцевъ:

«Бывшія при осадной артиллеріи войска черноморскаго, атаманы и казаки, поданнымъ ко мне прошеніемъ, заявляютъ, что находились оне при оной артиллеріи въ прошломъ 791 году въ пяти стахъ, а въ семъ 792 годехъ въ трехъ стахъ семидесяти девяти человекахъ, не получали противъ бывшихъ въ 790 г. казаковъ же сверхъ жалованья порціонныхъ на каждаго въ мѣсяцъ по одному рублю по 50 копеекъ, а слѣдовало было получить на вышезаявленное число людей 791 года за шесть, 4500, да сего года, за $2^1/_2$ мѣсяца 1705 р. 50 к., какъ и обещался артиллеріи господинъ генералъ порутчикъ и кавалеръ Толстовъ, выдать, и прося дабы оне противъ прежнихъ не были обижены, о выдаче тѣхъ денегъ учинить разспоряженіе».

7 августа Пустошкинъ увѣдомилъ Мордвинова, что козачья флотилія изъ 51 лодки и сопровождающія ее суда къ 8 августа будутъ въ готовности выйти въ море.

По приказанію Мордвинова, Пустошкинъ отошелъ 9 августа отъ Станислава; 11—былъ уже въ Севастополѣ, гдѣ пробылъ до 17 авг., занимаясь исправленіемъ незначительныхъ поврежденій на 19 лодкахъ, а 25 того же августа благополучно прибылъ къ Тамани, высадилъ бывшихъ на транспортныхъ судахъ черноморцевъ и готовился приступить къ выгрузкѣ съ тѣхъ судовъ провіанта и пушекъ.

«Коммиссія» была чрезвычайно трудная, и, удачно выполнивъ ее, Пустошкинъ могъ съ облегченнымъ сердцемъ писать Мордвинову:

«Благодареніе Богу! Коммисія вашего в. пр—а исполнена; со всеми лодками и транспортными судами сего 25 числа къ Тамању пришли весьма благополучно; во время следованія хотя и были некоторыя поврежденія въ реяхъ и въ прочемъ, но зашедъ 13 числа

въ Севастополь, исправлены и симъ временемъ пережидали крепкія NW вѣтры, по отправленіи же 17 числа изъ Севастополя шли з благополучіемъ, но три дни простояли не доходя еникальскаго пролива верстъ до 30 у горы Капчегира за противнымъ ветромъ, лодки были заведены за гору подъ берегъ и оне стояли спокойно; теперь стоимъ со всеми судами у самаго Тамана, и у козаковъ радость великая, найдя здѣсь хорошую землю, и мѣсто.

Теперь я съ гружаю съ транспортныхъ судовъ провіантъ и артиллерію, по згруске же оставлю для перевоски артиллеріи исъ Керчи два транспортныя судна, да еще пришлю изъ Севастополя для оной же два оката, и одно судно Полоцкъ; и на сихъ пяти судахъ уповаю всю артиллерію исъ Керчи заберутъ...

Сего числа изволилъ пожаловать ко мнѣ на брегантину его прев—ство Семенъ Семеновичъ Жегулинъ (прав. таврич. обл.) и спрашивалъ о числе лодокъ, казаковъ и провіанте и я ему донесъ о благополучіи лодокъ и казаковъ равно и о морскомъ провіанте, што его будетъ и на сентябрь мѣсяцъ; онъ отбылъ и обещался прибыть сюды въ Таманъ чрезъ 5 дней».

Такое трудное дѣло Пустошкину удалось хорошо выполнить, благодаря усердному исполненію своихъ обязанностей и распорядительности подчиненныхъ ему офицеровъ, а также содѣйствію козацкихъ старшинъ. Въ письмѣ своемъ и рапортѣ отъ 26 авг. онъ и выставляетъ на видъ это обстоятельство, въ надеждѣ, что Мордвиновъ достойнымъ образомъ наградитъ всѣхъ этихъ лицъ. Такъ, относительно старшинъ, въ рап. отъ 26 авг., Пустошкинъ пишетъ: «За долгъ мой почитаю в. в. пр-у донести вѣрныхъ черноморскихъ козаковъ о господинѣ полковн. и арм. прем. маіорѣ Саввѣ Бѣломъ, полковникѣ и арміи кап. Іванѣ Куликѣ, полковникѣ и арміи поручтикѣ Иване Чернышевѣ, полков. и арм. прапорщикѣ Петрѣ Кіянице, что оныя вслѣдованіе флотиліи изъ Днѣстра и при работахъ на станиславской косѣ и во время слѣдованія отъ Очакова до самаго Тамана имели крайнее усердіе къ службѣ Ея И. В—а, исполняли повеленія и приказанія по сигналамъ с точностью и доволно исправно».

Выгрузивъ провіантъ, пушки и проч., Пустошкинъ, по повелѣнію Мордвинова,—«для обеспечиванія о-ва Тамана со стороны черкесъ и защищенія производимой тамъ казаками рыболовли, исъ числа черноморской флотиліи лодокъ часть, подъ командой полков. арміи господина поручтика Чернышева, состоящая въ 12 лодкахъ, 3 го числа сего сентября мѣсяца въ Кизельтасской лиманъ отправлена, г

оной и для зимняго времени стоять будетъ безъопасно: прочимъ-же всемъ лодкамъ, для зимовки найдено место, при конце сѣверной косы... къ продовольствію черноморскаго войска казаковъ отпущено морскаго провіанта по 27 число сего мѣсяца». Пустошкинъ уже изъ Севастополя писалъ Мордвинову въ письмѣ отъ 8 сентября 1792 г.:

«Коммисія черноморской флотиліи слава Богу кончена; въ Бугасъ и Кизельтасскій лиманъ часть лодокъ въ числе 12 подъ командою полковника Чернышева отряжена, где оне и зимовать будутъ безъопасно: равно и для прочихъ въ еникольскомъ проливе о-ва Тамана у N косы отыскана хорошая бухта, безъопасная ото льду и ветровъ; казаки провіанту себѣ исъ Керчи на зимнее время доставили 3700 четв., и въ половине сего мѣсяца зделаютъ еще такой же транспортъ; Семенъ Семеновичъ господинъ губернаторъ (Жегулинъ) даетъ 1000 бревенъ, на первый случай на достройку; казаки весьма довольны мѣстомъ, только есть еще роптанье о жалованье, поелику оне голы, а настаетъ зимнѣе время; но какъ слышно, что кошевой Чапега и господинъ судья Головатой уже изъ Слободзеи тронулись и идутъ къ соединенію, то уповаю и жалованьемъ по прибытіи удовольствуютъ.... Планъ Таману и со окружающими его местами равно и кубанской линіи по зделаніи буду имѣть честь препроводить» [1]).

Въ томъ же 1792 г., какъ сообщаетъ г. Щербина, въ октябрѣ Чепѣга съ другой частью войска прибылъ къ р. Еѣ и расположился на зимовку при Ейской косѣ, въ Ханскомъ городкѣ, и только лишь съ прибытіемъ въ 1793 г. третьей части козаковъ, бывшей подъ начальствомъ войск. судьи Головатаго, произошло соединеніе козаковъ и занятіе ими Таманскаго края «съ его окрестностями».

Однако, не всѣ черноморскіе козаки перебрались на Тамань, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго рапорта Де-Рибаса Мордвинову, отъ 14 авг. 1794 г. (изъ Гаджибея):

«Е. С. гр. А. В. Суворовъ Рымникскій, по силѣ повелѣнія Е. С. высокоповелительнаго г. генералъ фельдмаршала и разныхъ орденовъ кавалера графа П. А. Румянцова Задунайскаго, предписываетъ войска вѣрныхъ черноморскихъ казаковъ, оставшихся въ здѣшнихъ мѣстахъ отъ переселенія въ Таманъ всего войска, собирать и употре-

---

[1]) Въ письмѣ, между прочимъ, находимъ такое извѣстіе: „Въ Таганрогъ на транспортномъ судне имею честь послать в. в. пр-у большую мраморную доску съ надписью рукою—*при князе глебе*, которая весьма любопытна, но считаю што не застанетъ оная васъ въ Таганрогѣ; когда же прибудутъ сюды, буду имѣю честь доставить ее къ вамъ въ Николаевъ".

бить на службу въ гребномъ флотѣ при Гаджибеѣ на лодкахъ, производя провіантъ изъ сухопутныхъ магазейновъ, а жалованье изъ оберъ-штеръ кригсъ-коммисарской коммиссіи на щотъ екстраординарной суммы. Во исполненіе онаго повелѣнія тѣхъ казаковъ уже нѣсколько партій сюда и прибыло; лодки же для нихъ назначены состоящія въ днѣстровской ескадрѣ» [1]).

П. Ивановъ.

Изъ фамильныхъ преданій и архивовъ [1]). *VI. Письмо А. Ф. Шафонскаго къ генералъ-аншефу П. Д. Еропкину.* Генералъ-аншефъ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ (род. 1724 г. † 1805 г.) извѣстенъ по своей дѣятельности въ Москвѣ въ тяжкую пору 1771-го года, во время свирѣпствовавшей тамъ чумы. Онъ былъ назначенъ въ концѣ марта 1771 г. въ помощь тогдашнему главнокомандующему Москвы фельдмаршалу графу П. С. Салтыкову и пробылъ до прибытія въ Москву въ сентябрѣ графа Григорія Орлова, не теряя присутствія духа въ страшные моменты распространенія эпидеміи и народнаго бунта, дошедшаго до убіенія архіепископа Амвросія Зертисъ-Каменскаго. Свидѣтель этихъ мрачныхъ событій, А. А. Саблуковъ, говоритъ, что въ Москвѣ «только одинъ изъ господъ находился П. Д. Еропкинъ». По его словамъ, послѣдній сдѣлалъ все, что было возможно при его недостаточныхъ средствахъ (Рус. Арх. 1866, 331—333). Губернаторъ Юшковъ и оберъ-полиц. Бахметевъ заперлись въ своихъ домахъ, никого не пуская къ себѣ и сами не выѣзжая никуда (Арх. истор. свѣдѣній, Калачова, годъ II, кн. 2, стр. 27 и 37—38). Въ награду за свою дѣятельность въ Москвѣ во время чумы Еропкинъ получилъ 20000 р. и орденъ Андрея Первозваннаго. Впослѣдствіи Еропкинъ былъ московскимъ главнокомандующимъ, съ 1786 г. по 1790 г. Сохранилось 114 писемъ императрицы Екатерины II къ нему за это время его служебной дѣятельности (Рус. Арх. 1872, столб. 273—336).

Съ Аѳанасіемъ Филимоновичемъ Шафонскимъ Еропкинъ былъ знакомъ по Москвѣ.

Шафонскій, получивъ въ галльскомъ, лейденскомъ и страсбургскомъ университетахъ дипломы на степень доктора правъ, философіи

---

[1]) Николаев. порт. архивъ.

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1891 г., № 5.

и медицины, по возвращеніи въ Россію, былъ подъ особымъ покровительствомъ графа Петра Ивановича Панина и, по его приглашенію, въ 1763 г. началъ служить по медицинской части въ Сарептѣ. Чрезъ пять лѣтъ Шафонскій былъ опредѣленъ генеральнымъ штабъ-докторомъ во вторую армію, а въ 1769 г. переведенъ въ Москву въ генеральный госпиталь, и тамъ первый убѣдился въ существованіи моровой язвы и первый принялъ противъ нея мѣры предосторожности. Первое время его настоянія оставались безуспѣшными, такъ какъ совѣтъ врачей не пришелъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Манифестъ Екатерины, вышедшій наканунѣ 1771 г., глухо говоритъ объ эпидеміи, хотя и призываетъ общество содѣйствовать правительству въ принятіи охранительныхъ мѣръ. Сенатъ опубликовалъ частныя мѣры предосторожности (Иконниковъ. Время Екатерины Второй, литограф. записки, вып. II, Кіевъ. 1882. Стр. 134). Когда эпидемія распространилась, Шафонскій былъ назначенъ именнымъ указомъ въ члены коммиссіи, учрежденной тогда въ Москвѣ, для предохраненія и врачеванія отъ моровой язвы, и написалъ, по порученію коммиссіи, сочиненіе—«Описаніе о бывшей въ Москвѣ язвѣ и о всѣхъ средствахъ, употребленныхъ для ея прекращенія». Оно было напечатано въ 1774 г. по высочайшему повелѣнію (Топографическое описаніе etc. Стр. VI).

Помѣщаемое нами ниже письмо Шафонскаго сохранилось въ черновой въ яготинскомъ архивѣ князя Николая Васильевича Репнина. Вся рукопись писана рукою Шафонскаго. Сверху написано слѣдующее: «Къ отставному генералъ-аншефу, всѣхъ россійскихъ орденовъ и голштинскаго св. Анны 1 й степени кавалеру, Петру Дмитріевичу Еропкину, въ Москву изъ Чернигова іюня 8 дня 1804 года, на его письма отъ 2 декабря 1802 года, того жъ декабря 15 подъ № 258, и отъ 10 генваря 1803 года, того же генваря 19 подъ № 25, полученные. Послано по почтѣ съ посылкой «Описанія черниговскаго намѣстничества и города Чернигова», 1786 г. мною сочиненнаго»; затѣмъ слѣдуетъ письмо:

«Милостивый государь, Петръ Дмитріевичъ! Выполняя вашего высокопревосходительства волю въ доставленіи вамъ свѣдѣній о происхожденіи болярина Өедора Михайловича Бяконта отъ черниговскаго князя Мстислава Владимировича, Владимира Святославича седмаго сына, произшедшаго, который Өедоръ Михайловичъ Бяконтъ въ 6800 г. отъ сотворенія міра, или въ 1292 г. отъ Р. Х. изъ Чернигова въ Москву съ супругою своею Маріею выѣхалъ и былъ у

московскаго великаго князя въ почетныхъ болярахъ и отцемъ святителя Алексія, митрополита московскаго и всея Россіи, отъ котораго болярина Ѳедора Михайловича Бяконта происходитъ родъ россійскихъ дворянъ Плещеевыхъ, я вашему высокопревосходительству на высокопочтеннѣйшее ваше отъ 2 декабря 1802 года письмо того же 27 мѣсяца донести честь имѣлъ, что въ Черниговѣ нигдѣ о томъ болярнѣ никакого не находится свѣдѣнія и что я тогда же писалъ къ своимъ знакомымъ въ Кіевѣ, чтобы тамъ по архивамъ о томъ же поискать извѣстія. Долго я не получалъ на то отвѣта, а по сей причинѣ и оставался въ молчаніи съ моимъ вашему высокопревосходительству донесеніемъ. Въ семъ молчаніи было и то причиною, что когда мой пріятель далъ мнѣ знать, что по многимъ его стараніямъ никакого въ Кіевѣ не могъ отыскать о Бяконтѣ свѣдѣнія, то вскорѣ я долженъ былъ изъ Чернигова во мѣсто здѣшняго г. гражданскаго губернатора въ два уѣзда для набора рекрутъ отлучиться и, по окончаніи онаго, въ городѣ Суражѣ открыть вновь возобновившіеся присутственные мѣста, 1797 года уничтоженные, что все не прежде прошлаго генваря мѣсяца кончить могъ. Сіи то причины и вступившіе важные криминалные дѣла, занимающіе меня поутру и послѣ обѣда присутствіемъ, лишили меня исполнить мой долгъ поздравленіемъ вашего высокопревосходительства съ наступленіемъ настоящаго года и дать отчетъ въ возложенномъ на меня препорученіи, за какое упущеніе всепокорнѣйше васъ прошу меня милостиво простить и съ обыкновенною вашею ко мнѣ милостію принять мое достодолжное высокопочитаніе и мою преданность и ту къ особѣ вашей приверженность, съ которою я всегда непрерывно продолженія вашего здоровья и удовольствія искренно желалъ и желаю.

Когда я въ 1779 году, по препорученію мнѣ бывшей государственной медицинской коллегіи, ѣздилъ изъ Москвы въ Кіевъ, то по всѣмъ тамошнимъ монастырямъ старался отыскать записки, изъ которыхъ бы можно получить свѣдѣнія о исторіи Кіева и Малороссіи, во время владѣнія въ нихъ кіевскими великими князьями, о переселеніи многихъ княжескихъ и дворянскихъ россійскихъ фамилій изъ Кіева и Чернигова въ Великую Россію, о разореніи Кіева и всего южнаго края въ 1240 году отъ татарскаго хана Батія, о смертоубійствѣ симъ ханомъ, въ 1243 году, послѣдняго черниговскаго князя Михаила Всеволодовича и болярина его Ѳедора, о завладѣніи въ 1320 году литовскимъ княземъ Гедиминомъ всею южною Россіею, о присоединеніи ея и всей Литвы въ 1471 году къ поль-

ской коронѣ и о пребываніи оной до 1654 года подъ польскимъ владѣніемъ. Изъ всего сего не могъ я ничего отискать, кромѣ описанія козацкого противъ Польши смятенія, ихъ съ поляками войны и отдачи въ 1654 году себя въ россійское подданство. Есть ли до нашествія татаръ и были въ монастыряхъ какія историческія записки, то всѣ оныя опустошеніемъ его и послѣ самыхъ поляковъ и бывшими между тѣмъ многими пожарами истреблены.

Въ Бозѣ почивающая блаженной и вѣчно достойной памяти императрица Екатерина Великая, устроивши, по премудрымъ и кроткимъ своимъ для управленія губерній всероссійской имперіи, 1775 года ноября 7 дня изданнымъ, учрежденіямъ, обширную свою имперію и желая имѣть о всѣхъ намѣстничествахъ или губерніяхъ обстоятельное топографическое или мѣстное описаніе, въ 1784 году всѣмъ своимъ намѣстникамъ или генералъ-губернаторамъ указать изволила, чтобы они по посланнымъ къ нимъ начертаніямъ препоручили способнымъ людямъ сдѣлать для собственнаго ея величества употребленія такое описаніе о губерніи вообще, а объ уѣздахъ и городахъ особо. Для первыхъ предписано 28, для вторыхъ 24, а для послѣднихъ 18 статей, которыми въ сочиненіи того описанія руководствоваться должно.

Его сіятельство россійскій генералъ-фельдмаршалъ, кіевскій, черниговскій и новгородъ-сѣверскій генералъ-губернаторъ и кавалеръ, графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій препоручилъ, чрезъ умершаго черниговскаго губернатора, генералъ-поручика и кавалера Андрея Степановича Милорадовича, такое о черниговскомъ намѣстничествѣ описаніе мнѣ. Въ вышеупомянутыхъ вопросахъ между прочимъ спрашивается о намѣстничествѣ вообще: изъ какихъ прежнихъ уѣздовъ намѣстничество составлено? равномѣрно въ запросахъ объ уѣздѣ во второй статьѣ сказано: изъ какихъ прежнихъ уѣздовъ оный составленъ? а въ десятомъ запросѣ о городѣ, между прочимъ, требуется—подъ чьимъ владѣніемъ былъ, кѣмъ и какъ втеченіе времени управляемъ. Всѣ великороссійскія губерніи были уже до открытія, по высочайшему о губерніяхъ учрежденію, на уѣзды и провинціи или области раздѣлены и имѣли гражданское правленіе и гражданскихъ начальниковъ и судей, слѣдственно и легко было сочинителямъ топографическаго тѣхъ губерній описанія на вышеупомянутые вопросы сдѣлать отвѣты такъ, какъ и о губерніяхъ бѣлорусскихъ, лифляндской, эстляндской и финляндской, которыя гражданское, какъ земское, такъ и городское имѣли правленіе и начальство. Что же принадле-

жить до трехъ малороссійскихъ губерній, то они до 1764 года и до введенія въ нихъ въ 1782 году высочайшаго о губерніяхъ учрежденія совсѣмъ не похожее съ прочими губерніями имѣли раздѣленіе и земское и городское начальство и судопроизводство.

Во время пребыванія Малой Россіи по обоимъ сторонамъ р. Днѣпра съ 1320 по 1648 г. подъ польскимъ владѣніемъ была она по общему польскому бывшему учрежденію на воеводства, повѣты и староства раздѣлена, имѣла особое отъ военной части, земское и гродское управленіе, и особые уголовные и гражданскіе суды. Когда же въ 1648 году малороссійская чернь подъ предводительствомъ козацкаго гетмана Зиновія Хмельницкаго, сообщась съ козаками по Днѣпру ниже пороговъ, запорожскими называмыми, и съ нѣкоторыми городовыми козаками же, которыхъ тогда только нѣсколько полковъ изъ охотниковъ набираемыхъ было, противъ Польши взбунтовалась, своихъ дворянъ поляковъ истребила, то и весь польскій гражданскій порядокъ уничтожила, и помянутаго чигринскаго сотника Хмельницкаго, подъ именемъ Богдана, всея Малыя Россіи гетманомъ, то есть головою, или генералъ-капитаномъ, надъ собою сдѣлала. Сей гетманъ, имѣя личную противъ чигринскаго старосты Ивана Даниловича Конецпольскаго и его подстаросты Чаплинскаго злобу, возмутя всѣхъ въ Малой Россіи крестьянъ, истребивъ ихъ владѣльцовъ, обратилъ большую часть крестьянъ въ козаки и, раздѣля всю Малую Россію на полки и сотни, учредилъ изъ тѣхъ же козаковъ надъ ними полковниковъ и сотниковъ, а при себѣ изъ оныхъ же опредѣлилъ, подъ названіемъ генеральной старшины, разныхъ чиновниковъ, и, уничтожа польскіе гродскіе и земскіе суды, отдалъ весь судъ и расправу полковникамъ и сотникамъ. Хотя же нѣкоторые въ весьма маломъ количествѣ изъ шляхетства благочестиваго россійскаго исповѣданія не истреблены и остались въ Малой Россіи, то единственно потому, что по недостаточному своему состоянію къ тѣмъ же козакамъ пристали и съ ними сообщниками учинились. Ярость крестьянъ до того возросла, что названіе пана и шляхтича было смертоносно и званіе козака предпочиталось шляхтичу и приносило такія права и преимущества, какихъ само шляхетство не имѣло. Сіи козаки, разобравъ по себѣ своихъ изгнанныхъ владѣльцовъ имѣнія, обогатясь противъ поляковъ войною и оказавъ въ слѣдующія времена уже и россійскимъ государямъ разныя услуги, получили отъ сихъ почести и деревни и сдѣлались такими же дворянами, какими ихъ польскіе были помѣщики.

Вотъ начало теперешняго малороссійскаго благородства и дворянства, котораго однако же число до 1765 года весьма невелико было.

Чтобы ясное дать о семъ козацкомъ военномъ цѣлаго края раздѣленіи и о козацкихъ чиновникахъ, о правленіи ихъ и о ихъ судахъ понятіе и отвѣтъ на предложенные вопросы, то и заставило меня для ясности и связи сдѣлать прежде о Малой Россіи вообще географическое и историческое краткое описаніе, изъяснивъ ея начало, ея владѣніе кіевскими великими князьями, ея состояніе подъ польскимъ владѣніемъ, ея присоединеніе по прежнему къ Россіи и ея военное козацкое по войску и по земству правленіе, ея чиновниковъ, ея обычаи и ея одѣянія. На сей конецъ долженъ былъ я, по дозволенію вышепомянутаго покойнаго генералъ-губернатора, объѣхать всю черниговскую губернію и многія части кіевской и новгородъ-сѣверской и старался лично ея положеніе и особливо состояніе черниговской губерніи узнать, выискивалъ по монастырямъ и по архивамъ присутственныхъ мѣстъ разныя записки и свѣдѣнія, принадлежащія до малороссійской исторіи. По собраніи всѣхъ таковыхъ свѣдѣній и особо до топографическаго о черниговской губерніи описанія относящихся, приступилъ къ дѣйствительному онаго сочиненію, раздѣля его на двѣ части. Первая часть о Малой Россіи вообще, изъ четырехъ частей состоящая, съ пріобщеніемъ географической о Малой Россіи карты на десять полковъ, и генеральной карты на три намѣстничества раздѣленной, и двадцати шести изображеній малороссійскаго одѣянія. Вторая часть особенно о черниговской губерніи, на двѣнадцать главъ раздѣленная, и тѣмъ порядкомъ сочинена, каковъ въ присланныхъ вопросахъ предписанъ, къ которой и особая карта о сей губерніи пріобщена.

Все прописанное описаніе, изъ двухъ книгъ состоящее, и географической всѣхъ черниговской губерніи уѣздовъ атласъ и особую почтовую карту, съ описаніемъ почтовыхъ становъ, по черниговской губерніи тогда учрежденныхъ, я имѣлъ щастіе поднесть ея императорскому величеству 1787 года генваря 23 дня въ губернскомъ городѣ Черниговѣ, во время ея величества высочайшаго шествія изъ Петербурга въ Кіевъ, Херсонъ и Таврію.

Я осмѣливаюсь вашему высокопревосходительству изъ вышепомянутаго топографическаго описанія, при семъ поднести описаніе черниговской губерніи вообще такъ, какъ она съ 1782 г. по 1791 г. состояла, и описаніе города Чернигова, о которомъ я все то помѣстилъ, что только изъ разныхъ записокъ почерпнуть могъ. Съ вели-

чайшимъ удовольствіемъ сообщилъ бы для вашего любопытства и все то моихъ трудовъ описаніе, естьли бы мнѣ время дозволило оное повѣрить и набѣло списать.

Искренно соболѣзную, что ваше высокопревосходительство почтеннаго своего родственника Ивана Васильевича Плещеева лишились, котораго ласки и угощенія я всегда помню и крайне жалѣю, что я не въ силахъ по его запискѣ о происхожденіи его фамиліи отъ болярина Бяконта его желанію удовлетворить. Я слышу, что будто и почтенный его сынъ, адмиралъ Сергѣй Ивановичъ, умеръ.

Да укрѣпитъ и продлитъ Всевышній ваше для меня драгоцѣнное здоровье и жизнь и я бы имѣлъ щастіе ваши повелѣнія выполнять и пользоваться вашими высокими милостями и покровительствомъ, которымъ вручивъ себя, честь имѣю съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и преданнѣйшимъ благоговѣніемъ быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства всепокорнѣйшимъ и всепреданнѣйшимъ слугою Аѳанасій Шафонскій. Черниговъ, іюня 8 дня 1804 года».

Настоящее письмо, помимо свидѣтельства о пріязненныхъ отношеніяхъ между Шафонскимъ и Еропкинымъ, сохранившимся до послѣднихъ лѣтъ ихъ жизни со времени пережитой ими совмѣстно тяжкой поры 1771 года, имѣетъ еще интересъ исторіографическій, дополняя свѣдѣнія по исторіи составленія «Топографическаго описанія черниговскаго намѣстничества», сообщенныя нами въ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1886 г. и опредѣляя тогдашнія знанія по малороссійской исторіи.

Что касается его справокъ о бояринѣ Бяконтѣ, то онѣ еще разъ подтверждаютъ научную добросовѣстность Шафонскаго. Сравнивъ годъ прибытія Бяконта въ Москву (1292 г.) съ мнѣніемъ по этому вопросу Карамзина, высказаннымъ въ прим. 324 и въ прим. 367 къ IV тому его «Исторіи», мы убѣдимся, что Шафонскій опредѣлилъ этотъ годъ правильно. Карамзинъ пишетъ: «Житіе св. Алексія было вкратцѣ описано епископомъ пермскимъ Питиримомъ, въ 1455 г. убитымъ вогуличами; а въ Степ. книгѣ оно предложено гораздо обстоятельнѣе. О родителяхъ Алексіевыхъ сочинитель говоритъ: «Нѣкто отъ славныхъ болярь черниговскихъ, именемъ Ѳеодоръ, съ женою своею Маріею преселишася въ градъ Москву, идѣже тогда скиптродержавствуя в. князь Даніилъ Александровичъ» († 1303 г.).

Н. В. Стороженко.

Къ исторіи церковныхъ и монастырскихъ архивовъ. Заботясь о составленіи русской исторіи, Петръ В. въ декабрѣ 1720 года издалъ указъ, которымъ повелѣвалось: «во всѣхъ монастыряхъ, обрѣтающихся въ россійскомъ государствѣ, осмотрѣть и забрать древнія жалованныя грамоты и другія курьезныя письма оригинальныя. также книги историческія, рукописныя и печатныя, какія гдѣ потребныя къ извѣстію найдутся» [1]. На основаніи этого указа кіевскій губернаторъ отнесся съ предложеніемъ къ катедрѣ кіевской, а эта разослала 30 января 1720 года указъ, помѣщаемый ниже. Такъ какъ книги требовалось собрать какъ можно скорѣй, а обычный путь разсылки указовъ изъ монастыря въ монастырь, къ протопопамъ и священникамъ, о которомъ говорится въ указѣ катедры, могъ затянуть до безконечности дѣло, то 5 февраля съ указомъ былъ посланъ «рейтаръ» Бершовъ. Ему была дана подорожная, которую мы печатаемъ ниже, и въ которой приказывалось монастырямъ и приходамъ не задерживать Бершова, давать ему содержаніе и подводу до ближайшаго пункта. Конечно, это значительно должно было сократить процедуру. Книги отправлялись въ Кіевъ монастырями и протопопами черезъ особыхъ нарочныхъ.

Несомнѣнно, книги и рукописи были собраны и притомъ *подъ рядъ*, безъ осмотра и различія тѣхъ, «какія гдѣ потребныя къ извѣстію найдутся»; какова ихъ дальнѣйшая судьба, гдѣ онѣ дѣвались—мы не знаемъ, хотя трудно думать, чтобы они были возвращены назадъ монастырямъ. При этомъ собраніи книгъ и документовъ для цѣли, которой никогда не суждено было осуществиться, пропало, навѣрно, не мало цѣнныхъ памятниковъ нашей южно-русской старины. Не здѣсь ли нужно искать объясненія того факта, что мы имѣемъ такъ мало свѣдѣній по исторіи лѣваго берега Днѣпра въ XVII и предыдущихъ вѣкахъ, а также и въ первой четверти XVIII вѣка? **Н. В.**

Катедри Киевской указъ о собраніи древнихъ жалованныхъ грамотъ и другихъ куриозніхъ оригиналнихъ писемъ и книхъ историчнихъ, рукописныхъ и печатнихъ, какие, гдѣ суть, собравъ прислать в киевогуберскую канцелярію.

Вамъ, превелебнимъ и пречестнымъ отцамъ игуменамъ, честнимъ отцамъ протопопамъ, строителемъ, намѣсникомъ и честнимъ отцамъ

---

[1] *Соловьевъ*. Исторія Россіи (1-е изд.), т. XVI, стр. 317. П. С. З. № 3693.

презвитеромъ катедри митрополии киевской подсутствующимъ симъ катедралнимъ писаніемъ извѣстно творимъ: сего настоящаго 1721 году генваря 30 дня получили ми, все духовенство консистору митрополіи киевской, его царскаго пресвѣтлаго величества указъ, з' губернской киевской канцеляріи до катедри святософѣйской за подписомъ собственной руки сиятелнѣйшаго превосходителнѣйшаго его милости г-на князя Петра Алексѣевича сенатора и губернатора киевскаго присланний. в которомъ превисокомъ указѣ повелѣвается намъ, дабисмо во всю епархію киевскую по всѣмъ монастырямъ, якъ найскорѣй, немедля и мало, оние розислали, властию катедралною приказуючи, подлугъ монаршаго царского пресвѣтлаго величества указу, осмотрѣть и избрать во всѣхъ монастирахъ и соборѣхъ обрѣтаючіеся древніе жалованіе грамоти и другіе куріозніе оригиналніе писма, такожде книги историческіе рукописніе и печатніе, какіе гдѣ обрѣтаются, и тѣ би всѣ немедленно собравши, чрез нарочного своего законника честнаго и знатного всякъ з своего монастира отецъ игуменъ найбардзо в киево-губерскую канцелярію присилалъ по указу. О чемъ превелебніе отци игумени, строители монастирей заднѣпрскихъ и честніе отци протопопи извѣстившеся, чрезъ сей катедри архиерейской ординансъ изволте, якъ найскорѣй мощно, монаршій премощнѣйшій указъ исполнячи, вѣрно и ненарушимо и повинаходивши, гдѣ обрѣтаются всѣ вышеписание древніе жалованніе грамоти, куриозние писма и книги историчніе, присилайте по вишписаномъ чрезъ своихъ законниковъ въ киевопечерскую канцелярию; при сем же ординансѣ превелебнимъ отцомъ игуменомъ предлагается, даби всякъ, по одебраню сего писма заразъ себѣ списокъ списавши, без всякого и малаго задержанія отсилалъ нарочнимъ своимъ посланнимъ до другого по трактѣ недалече отстоящого монастиря, а списка би своего коммунѣковалъ, гдѣ близкой есть отецъ протопопъ того города, якого именемъ монастиръ именуется. Аще же кто умедлитъ за нетщаніемъ своимъ монастиръ и не исполнитъ вскорѣ монаршого царского пресвѣтлаго величества превисочайшаго указу, таковій, яко противникъ царскому велѣнію, понесетъ штрафъ и непоблажное безотпустно пріиметъ наказаніе. Для лучшаго же извѣстнѣйшаго вирозумѣнія при семъ же писаніи катедралномъ прилагаемъ и присланного до катедри з губернской канцеляріи списокъ указу. Данъ катедри святософѣйской митрополитанской киевской. 1721 г. Гевваря 30 дня.

Списокъ указу, в' катедру Святософъйскую присланного о вишписанномъ.

Сего 26 генваря в указе великаго государя и канцеляріи правительствующаго сената, печатномъ в Санкпетербурхѣ 26 декабря 1720 году, ко мнѣ написано: Великій государь указалъ, по имянному своему великаго государя указу, во всѣхъ монастирехъ обрѣтающіеся в россійскомъ государствѣ осмотрѣть, изобрать древніе жалованніе грамоти и другие куриозніе писма оригиналніе, такъ же историческіе рукописніе и печатніе книги пересмотрѣть и переписать, къ губернаторамъ и вѣцегубернаторомъ и воеводамъ, и тѣ переписніе книги прислать въ канцелярию правительствующаго сената; и того ради о собраніи онихъ жалованнихъ грамотъ и протчаго для осмотрѣнія и переписки и о присилке отъ себя знатними из монаховъ особи въ киевскую губернскую канцелярію изволте учинить по вишписанному Его Царского Величества указу, немедля. По немъ оніе пошлются, о томъ пришлѣте доношеніе которіе.... къ вамъ з тѣми жъ присланними возвратится въ киево-печерскомъ [1]). 30 генваря 1721 г. Справилъ Семенъ Муратовъ.

Іеромонахъ Христофоръ, игуменъ Свято Николскій Киевскій Пустинного монастыра.

Іеромонахъ Григорій Гошкевичъ, намѣстникъ Святософѣйскій Кіевскій.

Іеромонахъ Иоанникій Феодоровичъ, консисториста М. К.

Іеромонахъ Іосифъ Волчанскій, префектъ Киевского Брацкого могилевского.

Іеромонахъ Берло митрополіи Киевской.

Архидіаконъ Іосафъ Сенятовичъ, метрополіи Киевской ексаменаторъ.

Іеромонахъ Іона Мокрицкій, М. К. консистoриста.

Елиферій Ладинскій, виценотарій консистoриста М. К.

Указъ катедралній о тихже куриознихъ писмахъ и, у райтара Григория Бершова Государевъ указъ наскоро переписавъ и его самаго вскоръ угостивши, честно отсилать игуменомъ.

Всемъ обще духовнаго чина начальствующимъ и подначальнимъ особамъ катедрѣ киевской митрополіи подсутствующимъ, а именно монастирямъ козелецкому, нѣжинскому, максаковскому, ба-

[1]) Смыслъ, очевидно, извращенъ переписчикомъ.

туринскому и глуховскому монаршій его царского пресвѣтлаго величества указъ и повелѣніе сіятельнѣйшаго превосходительнѣйшаго его милости г-на князя Петра Алексѣевича сенатора и губернатора киевскаго властію и повагою катедри святософѣйской м: к: предлагается: даби всякъ превелебній въ Богу отецъ игуменъ в своемъ монастирѣ, за прибитьемъ посланного з симъ нашимъ писаніемъ отъ канцелярии кгубернской киевской, имѣчого з собою указъ монаршій, при катедралномъ же патентѣ виражепній, райтара Григория Бершова честно принявши и по обыкновенію угостивши, переписованъ присланній черезъ оного указъ безъ всякаго отлагателства и исправлялибъ якъ написано въ указѣ без жадного и малаго замедлѣнія, присилаючи указніе русскіи, латинскии, рукописніи и печатніи кніги и писма куриозніе вканцелярию киевскую черезъ своихъ нарочнихъ, где тилко винайдутся книги, грамоти жалованіе и писма, а посланнаго райтара Григория Бершова ни мало удержаючи в монастирѣ, по переписцѣ указу, заразъ немедленно черезъ свою подводу монастирскую до другого монастира отсилать, яко же по тракту в указѣ положилося. Такожде и пречестнімъ отцемъ протопопомъ и честнимъ иереомъ, до катедри киевской належащимъ, приказуемъ, аби и они для скорости дѣла государственнаго давали посланному райтару подводу и кормъ, понеже сие дѣло есть монаршое. О чомъ всѣмъ превелебнимъ отцемъ началнимъ духовнимъ, властию катедри м: к: предложивши, желаемъ скорого в указѣ монаршомъ управленія. Данъ з' Святой Софіи року 1721 февр: 5 дня. Такожъ и назадъ возвращающося г-ну райтару в Киевъ, такъ по монастирямъ, якъ и по священникомъ на трактѣ, даби давано подводи пилно приказуется, под штрафомъ. Іеромонахъ Григорій Гошкевичъ намѣсникъ Святософѣйскій со всѣмъ консисторомъ. (Мѣсто печати митрополитанской киевской).

(Изъ Архива Есманской церкви, глуховскаго уѣзда, черпигов. губ).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. В. Воскресенскій. Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей (1838—1888). Историческій очеркъ. Томъ первый. Воронежъ. 1888—1890. Стр. IV+623+XXXII. Цѣна 1 р. съ пересылкою 1 руб. 50 коп.

Слишкомъ узкое заглавіе труда г. Воскресенскаго даетъ мало представленія о содержаніи книги, которая является не только историческимъ очеркомъ Воронеж. Губ. Вѣд., но и составляетъ цѣнный вкладъ въ историческую литературу, какъ матеріалъ для исторіи умственнаго движенія въ провинціи за послѣднія *сто* лѣтъ. Авторъ не ограничивается судьбой Вѣдомостей и перечнемъ статей, помѣщенныхъ въ нихъ, но и старается ввести читателя въ кругъ исторіи русской умственной жизни, отмѣтить, какъ умственное движеніе центровъ отражалось въ провинціи, въ Воронежѣ, что мѣшало здѣсь ея развитію, и съ этой цѣлью, напримѣръ, подробно останавливается на шестидесятыхъ годахъ, дѣлаетъ большія выписки изъ Губерн. Вѣдомостей, характеризующія съ одной стороны требованія, предъявляемыя къ провинціальной газетѣ редакторами, публикой и столичной печатью, а съ другой и тѣ неблагопріятныя цензурныя и житейскія условія, въ которыхъ приходилось дѣйствовать провинціальной прессѣ вообще и оффиціальной въ особенности. Съ этой же цѣлью онъ помѣщаетъ «Краткій обзоръ умственной дѣятельности въ воронежскомъ краѣ за послѣднія 20 лѣтъ». «Обзоръ» этотъ занимаетъ 200 послѣднихъ страницъ труда и даетъ понятіе о томъ, сколько за послѣднее время сдѣлала и дѣлаетъ провинція, даже при неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ «Обзорѣ» можно найти свѣдѣнія о воронежской печати, о типографіяхъ, школьномъ дѣлѣ въ воронежской губерніи, библіотекахъ, разныхъ обществахъ, дѣя-

тельности и изданіяхъ статистическаго комитета, земскаго статистическаго бюро и т. д.

Обозрѣніе Губернскихъ Вѣдомостей г. Воскресенскій дѣлаетъ по редакторамъ и это, конечно, самый правильный способъ. Воронежскія Губернскія Вѣдомости, за исключеніемъ развѣ шестидесятыхъ годовъ, не имѣли какой-либо опредѣленной физіономіи, въ выработкѣ которой мы могли бы отмѣтить извѣстныя эпохи, но физіономія ихъ мѣнялась съ перемѣной редакторовъ. До 60-хъ годовъ Губернскія Вѣдомости мало даже занимались современной имъ жизнью провинціи; и это вполнѣ понятно, такъ какъ о томъ, что составляетъ содержаніе провинціи — о жизни сельскихъ сословій совсѣмъ нельзя было и писать. Въ это время Губернскія Вѣдомости даютъ массу историческаго и этнографическаго матеріала, и для Воронежскихъ Вѣдомостей особенно счастливы въ этомъ отношеніи года 1847—1849, когда редакторомъ былъ А. С. Аѳанасьевъ-Чужбинскій, а также и начало 50-хъ годовъ, когда въ Воронежѣ жили извѣстные издатели «Воронежскихъ актовъ», Второвъ и Александровъ-Дольникъ.

Въ первое время своего существованія (1838—1846 г.) «Воронежскія Вѣдомости» отличаются скудностью содержанія. Это отчасти объясняется, конечно, временемъ, въ которое возникали они, а отчасти и неумѣніемъ взяться за дѣло, чисто-казеннымъ отношеніемъ къ нему какъ со стороны редакторовъ, такъ и администраціи. Большія техническія затрудненія представляло и приведеніе въ болѣе или менѣе сносное положеніе воронежской губернской типографіи. Чрезвычайно поучительна и любопытна судьба этой типографіи. Основаніе ея относится къ концу XVIII вѣка и стоитъ въ связи съ тѣмъ умственнымъ движеніемъ русскаго общества, которое, благодаря вліянію французской энциклопедической литературы и поддержкѣ, оказываемой императрицей Екатериной II, началось сначала въ центрахъ, а затѣмъ проникло и въ провинцію[1]). Въ концѣ XVIII ст. въ Воронежѣ существовалъ уже свой литературный кружокъ, группировавшійся около протоіерея Евфимія Болховитинова, впослѣдствіи знаменитаго митрополита кіевскаго Евгенія; другимъ выдающимся дѣятелемъ этого кружка былъ Г. П. Успенскій, потомъ

[1]) Характеристику воронежской губерніи въ этомъ отношеніи даетъ *Е. Ф. Шмурло* въ своемъ трудѣ объ Евгеніи Болховитиновѣ. Ср. также *Н. И. Костомаровъ*. Литературное наслѣдіе.—Автобіографія стр. 4—6.

профессоръ харьковскаго университета. Подъ вліяніемъ кружка въ 1798 г. была основана типографія и ему главнымъ образомъ она обязана своимъ развитіемъ: за первые 6—7 лѣтъ типографія выпустила до 30 изданій. Въ 1806 г. дѣятельность ея сразу обрывается; кружокъ распался, Евгеній Болховитиновъ и Г. П. Успенскій оставили Воронежъ. Типографія начала приходить въ упадокъ, и уже въ 1811 году улучшеніе ея могло стоить больше, чѣмъ ея первоначальное заведеніе; она стала считаться лишнею, потому что нѣтъ «никакой выгоды печатать здѣсь книги *по неимѣнію цензуры и трудности сбывать напечатанныя книги*». До тридцатыхъ годовъ, т. е. до изданія положенія о Губернскихъ Вѣдомостяхъ, никто не обращалъ вниманія на типографію, и она пришла въ такой упадокъ, что «не могла производить не только хорошаго, но даже сноснаго печатанія». Большихъ усилій стоило привести ее въ надлежащій видъ, и усилія эти увѣнчались успѣхомъ. Послѣднія воронежскія изданія, а также и изданіе книги г. Воскресенскаго можно назвать образцовыми.

Мы, конечно, только въ самыхъ общихъ чертахъ намѣтили содержаніе книги г. Воскресенскаго; противъ нѣкоторыхъ мнѣній, напр. относительно «строго выдержанной программы» Губерн. Вѣд. и ихъ преимущества въ этомъ предъ частными изданіями (стр. 15) можно бы и поспорить, но мы считаемъ неумѣстнымъ это въ «Кіевской Старинѣ».—Въ заключеніе не можемъ не пожелать болѣе широкаго распространенія интересному труду г. Воскресенскаго, съ одной стороны потому, что онъ даетъ матеріалы для исторіи умственнаго движенія въ провинціи, а съ другой—является и полезнымъ указателемъ къ неоффиціальной части Воронежскихъ Губ. Вѣд. за послѣднія 50 лѣтъ. Во второй томъ труда нашего автора «должны войти біографіи нѣкоторыхъ редакторовъ и сотрудниковъ, а равно лѣтописныя свѣдѣнія за 50 лѣтъ, составленныя на основаніи оффиціальнаго отдѣла Губернскихъ Вѣдомостей и другихъ данныхъ». Томъ долженъ быть чрезвычайно интересенъ. Остается только желать, чтобы трудъ г. Воскресенскаго не остался безъ подражанія и надѣяться, что мы получимъ когда-нибудь историческіе очерки и другихъ Губернскихъ Вѣдомостей, напр., Черниговскихъ, которыя содержатъ богатый печатный матеріалъ для исторіи и этнографіи края и прошли все-таки не безслѣдно для умственной жизни Черниговщины 50-хъ и 60-хъ годовъ.

Н. В.

Историческій очеркъ столѣтняго существованія города Николаева при устьѣ Ингула (1790—1890).—Составленъ по порученію николаевской городской думы къ празднованію юбилея николаевскимъ городскимъ секретаремъ Г. Н. Ге.—Николаевъ 1890. Стр. V+122.

Во время осады Очакова дѣятельный помощникъ Потемкина, Фалѣевъ, отыскалъ при устьѣ Ингула прекрасное мѣсто для верфи. Князь пришелъ отъ этого мѣста въ восторгъ. Начались подготовительныя сооруженія; затѣмъ верфь была переименована въ городъ Николаевъ, а въ 1790 началось оффиціальное существованіе города.

Прошло сто лѣтъ, и г. Ге разсказываетъ намъ исторію Николаева. Поучительная это исторія и не мало въ ней интересныхъ фактовъ, особенно изъ до-реформеннаго періода.

Такъ г. Ге сообщаетъ намъ, что вплоть до 60-хъ годовъ о Николаевѣ, какъ городѣ, никто не думалъ. Николаевъ—это такъ—придатокъ, слободка при адмиралтействѣ,—таковъ былъ господствующій взглядъ. Съ 1805 г. городъ окончательно становится флотскимъ и подпадаетъ вполнѣ подъ опеку губернатора-адмирала. Дѣло города ограничивалось организаціей раскладки и исполненіемъ повинностей. Заботы о благоустройствѣ взяла на себя администрація. Поступала она при этомъ очень рѣшительно: адм. Грейгъ дѣйствуетъ въ городскихъ дѣлахъ безъ посредства думы, пользуясь лишь иногда городскимъ капиталомъ (24); вице-адмиралъ Лазаревъ устраивалъ, что нужно, а затѣмъ просто приказывалъ думѣ внести деньги (27). При этомъ администрація не находила нужнымъ особенно заботиться объ интересахъ города: установлена была т. сказ. флотская точка зрѣнія на дѣло; и вотъ у города отбирается въ пользу морского вѣдомства земля (болѣе 1000 дес.), строенія, городскимъ капиталомъ распоряжается черноморское казначейство, раздаетъ деньги въ ссуду адмиралтейскимъ подрядчикамъ и проч. (9—11). А между тѣмъ, если нужно было заботиться, такъ кой о чемъ другомъ: внутренняя жизнь до-реформеннаго Николаева представляла мало утѣшительнаго. Такъ, первая школа открывается только въ 1827 г. и то послѣ какихъ усилій со стороны тогдашняго головы Кустова! (12—13). Къ этой школѣ, преобразованной въ 1833 г. въ уѣздное училище, прибавилось въ 1843 г. женское училище, а затѣмъ дѣло образованія остановилось и стояло вплоть до 60-хъ годовъ.—Управлялся городъ тоже довольно своеобразно. Выборы должностныхъ лицъ происходили такъ: дума «обще съ магистратомъ» рѣ-

шала, кого изъ обывателей допустить къ участію въ выборахъ; а затѣмъ приглашались, по благоусмотрѣнію, избиратели (33). Какъ велись дѣла въ думѣ, видно изъ слѣдующаго факта: въ 1872 г. въ Николаевѣ было введено новое городовое положеніе; единственное наслѣдство, которое получила новая дума отъ старой, заключалось въ 425 полулистахъ стараго кровельнаго желѣза, 16 негодныхъ получетвертевыхъ посудинахъ и 61 чугунномъ ядрѣ (70). Ревизія сиротскаго суда (происходившая въ 60-хъ годахъ) обнаружила слѣд. картину: въ прихожей была найдена постель сторожа съ оригинальной подушкой,—огромнымъ дѣломъ нѣкоего Климова, на которомъ сторожъ спалъ уже два года; на полу валялись кучи разорванныхъ дѣлъ; приходо-расходныхъ книгъ не было никакой возможности распутать (57—59). На стр. 14 — 16 г. Ге разсказываетъ намъ исторію городскаго банка, такъ назыв. Городоваго Комитета (учрежденнаго въ 1821 г.). Въ этомъ комитетѣ «система помоганія другъ другу нашла себѣ широкое примѣненіе»; служилъ банкъ главнымъ образомъ «людямъ, которые никакими дѣлами не занимались», а кромѣ того выдавалъ ссуды и «по предложенію начальства, безусловно, безъ всякаго рѣшительно соображенія». 48 лѣтъ тянулось это безцеремонное хозяйство. Счета свои банкъ «до того запуталъ, что назначенная начальствомъ коммиссія... 3 года напрасно старалась уразумѣть, распутать ихъ». Тѣмъ не менѣе, какимъ-то чудомъ кое-что уцѣлѣло.

Началась крымская война. Послѣ ея окончанія адмиралтейство прекратило свое существованіе. Адмиралтейскій придатокъ, Николаевъ, былъ наканунѣ смерти.

Но вотъ хлынула свѣтлая волна 60-хъ годовъ, и городъ оживился. Благодаря энергической дѣятельности адмирала Глазенапа (1860—1871 г.) дѣло реформы пошло быстро впередъ: строится желѣзная дорога, иностранныя суда получаютъ доступъ въ Николаевъ, возникаютъ гимназіи, цѣлый рядъ школъ грамотности, городская больница, появляется мѣстный органъ печати. При адм. Аркасѣ городъ становится постепенно теперешнимъ Николаевомъ.

О «новѣйшей» такъ сказать исторіи г. Ге говоритъ мало. Разсказавши о провалившемся къ счастью проектѣ г. Печковскаго, начальника харьково-николаевской ж. д., по которому вся роль портоваго города должна была перейти къ этой дорогѣ (75—77), а также сообщивши нѣсколько не безъинтересныхъ данныхъ о контрахъ города съ таможней (80—82), г. Ге кончаетъ съ исторіей и

переходитъ къ современному положенію вещей; онъ сообщаетъ, что въ Николаевѣ ок. 80 тыс. жителей, 41 учебное заведеніе, двѣ библіотеки, около 3000 ремесленниковъ и пр. и пр. Книга г. Ге, вообще, очень богата фактами и нельзя не поблагодарить автора за этотъ добросовѣстный трудъ. Г. Ге вѣрно понялъ свою задачу и разсказалъ намъ о городѣ, а не о строеніяхъ да деревьяхъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи,—вотъ хоть-бы другой николаевецъ, помѣстившій въ Морскомъ Сборникѣ (1861 г., № 9) статью подъ заглавіемъ «Николаевъ».

С. Е.

Dr. Antoni I. Opowiadania historyczne, serya siódma. Lwów, 1891, c. 340.

Неутомимый dr. Antoni выпустилъ недавно седьмую серію своихъ «Историческихъ разсказовъ». Авторъ и его манера хорошо извѣстны читателямъ Кіевской Старины, въ которой не разъ помѣщались переводы его разсказовъ; посвященныя преимущественно судьбамъ шляхетскаго сословія, его работы однако представляютъ не мало интересныхъ данныхъ и для нашей исторіи, тѣмъ болѣе, что основываются зачастую на неизданныхъ и малодоступныхъ архивныхъ данныхъ.

Изъ разсказовъ настоящей книги (всего разсказовъ помѣщено въ ней семь) наиболѣе историческаго интереса представляетъ «Каменецкая измѣна» и «Львовскіе заложники»—оба относятся къ знаменитой польско-турецкой кампаніи 1672 г., закончившейся Бучацкимъ миромъ. Въ первомъ разсказѣ читатель найдетъ не мало интересныхъ подробностей о состояніи польской военной границы передъ кампаніею, объ осадѣ и взятіи Каменца и возникшихъ затѣмъ обвиненіяхъ противъ мѣстныхъ сановниковъ и даже самого Собѣсскаго въ тайныхъ сношеніяхъ съ турками, подкупѣ и измѣннической сдачѣ Каменца; главнымъ иниціаторомъ этихъ обвиненій авторъ считаетъ Феликса Потоцкаго, впослѣдствіи польнаго гетмана. Между бытовыми подробностями, во множествѣ вплетенными въ разсказъ, отмѣчу напр. описаніе средствъ, какими выкупались въ тѣ времена плѣнники изъ татарской неволи. Второй разсказъ относится къ осадѣ Львова турками (1672 г.); героемъ ея въ разсказѣ является извѣстный исторіографъ Львова, членъ городскаго магистрата Вар-

ѳоломей Зиморовичъ. Какъ извѣстно, осада была прервана, благодаря бучацкимъ переговорамъ, но на городъ была наложена контрибуція въ 80 т. талеровъ. Изъ нихъ Львовъ, истощенный предшествующими контрибуціями, оставленный большинствомъ богачей, могъ выплатить только 5000; въ обезпеченіе остальной суммы было дано десять заложниковъ, судьбѣ которыхъ и посвященъ собственно этотъ разсказъ. Неволя оказалась тяжелою, нѣкоторые умерли, не дождавшись освобожденія; нѣкоторые возвратились на свободу только въ 1679 г. Самопожертвованіе заложниковъ однако не нашло достойной оцѣнки; даже родной городъ обнаружилъ по отношенію къ нимъ очень сомнительную признательность: онъ, правда, просилъ у короля для нихъ наградъ, но когда нѣкоторые изъ нихъ получили право безпошлинной торговли и сдѣлались опасными конкуррентами для своихъ сотоварищей,—городъ сталъ ходатайствовать объ уничтоженіи этой привилегіи. Авторъ приходитъ къ заключенію, что и «drobiazg», остававшійся внѣ привилегированнаго сословія, любилъ свой край и готовъ былъ жизнью жертвовать для его спасенія, но эти жертвы привилегированное шляхетское сословіе плохо цѣнило».

Два другихъ разсказа «Наслѣдство Гумецкихъ» и «Наслѣдство принца Нассаускаго» тоже касаются одного и того же предмета, мѣстами даже повторяютъ другъ друга: принцъ Нассаускій, знаменитый эмигрантъ и авантюристъ конца прошлаго столѣтія, былъ женатъ на одной изъ внучекъ Стефана Гумецкаго, воеводы подольскаго, владѣвшаго большими помѣстьями въ Подоліи, и такимъ образомъ обратился въ концѣ концовъ въ подольскаго помѣщика. Оба разсказа посвящены судьбѣ принца и оставленнаго имъ наслѣдства, перешедшаго, впрочемъ въ весьма уменьшенномъ объемѣ, затѣмъ въ руки пріемыша—гречанки Елизаветы Экомонъ. Въ интересахъ большей послѣдовательности разсказа автору слѣдовало бы эти два разсказа переставить одинъ на мѣсто другого.

Слѣдуетъ упомянуть еще о разсказѣ «Фатьма», такъ какъ онъ составляетъ дополненіе къ болѣе раннему разсказу автора—«Судьба красавицы» (Софіи Витте, потомъ жены Щенснаго Потоцкаго), помѣщенному въ переводѣ и въ нашемъ журналѣ [1]). Въ настоящемъ разсказѣ авторъ сообщаетъ подробности о прибытіи Софіи Глявоне въ Подолію и жизни въ Каменцѣ и о судьбѣ старшей сестры ея—Фатьмы, впослѣдствіи жены очаковскаго паши. М. Г.

---

[1]) За 1887 г., кн. I.

Dr. L. Finkel. Okopy swiętej Trójcy, dwa epizody z dziejów Polski. We Lwowie, 1889. 69 стр.

Это небольшое изслѣдованіе, составляющее оттискъ изъ львовскаго Przewodnika Naukowego i Literackiego, прошло у насъ, кажется, незамѣченнымъ, хотя представляетъ извѣстный интересъ, такъ какъ предметъ его касается нашего края. Окопы св. Троицы — это упраздненная теперь крѣпость между устьями Днѣстра и Збруча, устроенная въ 1692 г. коронным гетманомъ Яблоновскимъ съ цѣлью блокады Каменца; исторіи этой крѣпости и посвящена брошюра — поводомъ къ ея составленію послужилъ проектъ реставраціи разрушеннаго костела св. Троицы, находящагося въ бывшей крѣпости.

Авторъ начинаетъ съ очерка отношеній, созданныхъ Бучацкимъ и Жоравинскимъ трактатами и послѣдующей борьбы Польши за Подолье; здѣсь интересъ новизны представляютъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ сеймиковыхъ постановленій подольской шляхты, извлеченныя изъ книгъ гродскихъ галицкихъ и львовскихъ (подольскіе сеймики до возвращенія Каменца собирались въ Галичѣ, а потомъ во Львовѣ). Затѣмъ слѣдуетъ исторія самой крѣпости св. Троицы; по мысли Яблоновскаго, она должна была служить опорнымъ базисомъ противъ Каменца, безпокоить партизанскою войною его гарнизонъ, опустошать его окрестности и препятствовать подвозу съѣстныхъ припасовъ, доставлявшихся изъ Турціи. Послѣднее удавалось рѣдко, благодаря сильнымъ конвоямъ, сопровождавшимъ обыкновенно обозы: партизанская же война велась успѣшно, и крѣпость пользовалась въ то время значительною извѣстностью. Эта видная роль окончилась съ возвращеніемъ Каменца по Карловицкому трактату (1699 г.) и водвореніемъ подольской шляхты на своихъ пепелищахъ; послѣ этого крѣпость потеряла значеніе. Только на закатѣ дней Рѣчи Посполитой крѣпость снова явилась на сцену: здѣсь въ послѣдній разъ отбивался отъ русскихъ войскъ Францишекъ Пулавскій, пока въ крайности не былъ вынужденъ уйти въ Буковину, принадлежавшую еще туркамъ. Этимъ и закончилась собственно исторія крѣпости. Впрочемъ помимо историческаго она имѣетъ еще иной интересъ — ее воспѣлъ Красинскій въ своей «Небожественной комедіи»; воздвигнутая въ послѣдніе славные дни Рѣчи Посполитой, послужившая послѣднимъ оплотомъ для послѣдняго представителя теоретическаго шляхетства — эта крѣпость была выбрана поэтомъ сценою, на которой гибнетъ изображенное имъ шляхетство.

Къ изслѣдованію др. Финкля приложено нѣсколько документовъ, между прочимъ донесеніе Яблоновскаго королю объ основаніи крѣпости и реляція о пораженіи Пулавскихъ въ Жванцѣ и Окопахъ св. Троицы.

М. Г.

Случайная библіографія.

Hammard's. Reise durch Oberschlesien zur russich—kaiserlichen Armee nach der Ukraine und zum Feldmarschall Rumanzow Sadunaiskoy.— Erster Band.— Gotha. 1787.

Книга эта представляетъ описаніе путешествія, которое было предпринято авторомъ въ 1783 г. Hammard такъ опредѣляетъ цѣль этого путешествія: «изучить подъ начальствомъ Румянцева-Задунайскаго войну, мое ремесло, и принять участіе въ дѣяніяхъ народа, который подъ руководствомъ своей великой самодержицы, восходитъ съ вершины славы на вершину блаженства» (предисловіе).

Авторъ книги человѣкъ образованный. Онъ, очевидно, много видѣлъ и много читалъ, знакомъ съ цѣлымъ рядомъ наукъ и имѣетъ опредѣленные взгляды. Нельзя ему отказать въ наблюдательности и стараніи быть безпристрастнымъ. Все это дѣлаетъ небезъинтересными тѣ свѣдѣнія о польской Украинѣ, которыя сообщаетъ Hammard.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно указать и на тѣ обстоятельства, которыя уменьшаютъ цѣнность книги и степень достовѣрности сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній.

Hammard, прежде всего, не знакомъ ни съ польскимъ, ни съ малорусскимъ языкомъ. Русскіе, пьютъ кромѣ кваса, kislitschie (кислыя щи—стр. 212); въ русскихъ рѣкахъ водятся неизвѣстныя въ Германіи рыбы—stierle (стерлядь, судя по описанію автора—стр. 213), малороссы употребляютъ въ пищу Parfchts (борщъ?—стр. 212). Ср. также стр. 102, 138, 256 и др.

Національности путешественникъ различаетъ плохо. Въ книгѣ мы встрѣчаемъ поляковъ (куда причисляются главнымъ образомъ высшіе и средніе классы), людей какой то, по мнѣнію автора, промежуточной національности (населеніе Волыни—стр. 138), гайдамакъ или запорожцевъ, козаковъ польскихъ и малорусскихъ (они же русскіе козаки); при этомъ Пугачевъ и Гонта стоятъ рядомъ (стр. 131, 162), а украинскіе козаки на обращенные къ нимъ вопросы отвѣ-

чаютъ: «kazascho» (стр. 160). Всѣ эти разнообразныя группы лицъ (за исключеніемъ классовъ среднихъ и высшихъ) авторъ склоненъ сваливать въ одну кучу, причисляя всѣхъ къ скиѳамъ, къ сарматамъ, къ родственникамъ татаръ и вообще къ варварамъ. Въ виду этого не всегда можно разобрать, о комъ повѣствуетъ авторъ, когда онъ говоритъ о «населеніи», о «козакахъ», «украинцахъ» и т. п. Далѣе, авторъ склоненъ относиться съ большимъ презрѣніемъ ко всякому міросозерцанію, ко всякимъ взглядамъ и идеямъ, несогласнымъ съ его собственными.

Такъ, въ области религіи Hammard (самъ онъ протестантъ) держится довольно либеральныхъ воззрѣній. Онъ сторонникъ соединенія всѣхъ христіанскихъ религій въ одно цѣлое; исключительная преданность одной изъ нихъ кажется ему суевѣріемъ (стр. 208). Подвластные полякамъ украинцы думали совершенно иначе и вели долгую и упорную борьбу за свою вѣру. Hammard'у такая борьба непонятна и потому онъ возмущается ею, также, какъ и поведеніемъ «служителей религіи», которые принимали, по его мнѣнію, участіе въ возстаніи Гонты (стр. 170—1); гайдамаки для Hammard'а слуги суевѣрія (стр. 208).

Такое же ироническое отношеніе ко всѣмъ несогласно-мыслящимъ проявляетъ Hammard и въ области политическихъ взглядовъ. Онъ сторонникъ т. наз. просвѣщеннаго абсолютизма. Hammard расточаетъ похвалы Екатеринѣ II и ея сподвижникамъ (см. посвященіе, предисловіе, стр. 157, 161, 203, 204 и др.). Грубый деспотизмъ и рабство ему противны (стр. 131, 154, 202 и др.). Но съ неменьшимъ, если не съ большимъ негодованіемъ относится онъ и къ демократическимъ замашкамъ запорожцевъ (стр. 169—170); а малорусскія возстанія вызываютъ у него цѣлые потоки брани; онъ ничего не имѣетъ противъ казни предводителей этой «сволочи» и «каналій»; люди, боровшіеся за Украину, для него только «каннибалы» и «разбойники» (стр. 131, 132, 168—176 и др.).

Укажемъ, наконецъ, и на то снисходительно—пренебрежительное отношеніе, которое проявляетъ авторъ,—человѣкъ европейскій, свѣтски-образованный и вылощенный,—къ этимъ дикимъ «варварамъ» и скиѳамъ» и которое тоже помѣшало ему отнестись съ должнымъ вниманіемъ ко всѣмъ особенностямъ невѣдомой и чуждой ему страны, къ ея обитателямъ, ихъ нравамъ и обычаямъ.

Изложеніе Hammard'а не отличается систематичностью. Это въ общемъ описаніе тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя проѣзжалъ авторъ, при-

чемъ онъ говоритъ относительно ихъ или по поводу ихъ все, что кажется ему достойнымъ упоминанія; авторъ допускаетъ отступленія, эпизоды, вставки.

Переходимъ теперь, послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, къ изложенію краткаго содержанія книги.

Въ отдѣлахъ I—V-мъ не находимъ данныхъ относительно Украины и начинаемъ съ VI-го отдѣла («путешествіе отъ Кракова черезъ Люблинъ, Дубно, Тульчинъ, Константиновъ въ Немировъ» стр. 128—150).

Волынь понравилась Hammard'у своей природой. Жителей онъ находитъ возможнымъ отличать отъ животныхъ. Къ какой національности относитъ онъ этихъ «Menschen» сказать трудно: съ одной стороны онъ упоминаетъ о полякахъ, съ другой сообщаетъ на стр. 138 слѣдующее свѣдѣніе: «языкъ измѣняется уже въ Волыніи; онъ представляетъ собою средину между русскимъ и польскимъ; охватываетъ Любомирію, Подолію и Украину». Населеніе Волыни, по словамъ Hammard'a, отличается своимъ здоровьемъ, силою тѣла и духа. Люди относятся здѣсь совершенно хладнокровно, по скиески, къ страданіямъ, смерти и мукамъ. Въ этомъ отношеніи они похожи на запорожцевъ. Эти каннибалы христіанъ умирали геройскою смертью во время послѣднихъ казней (авторъ говоритъ о возстаніи Гонты). Волынскихъ и подольскихъ крестьянъ нельзя, правда, смѣшивать съ запорожцами. Но родственнаго у нихъ много: крестьяне эти готовы соединиться съ гайдамаками, чтобы освободиться отъ рабства и, перебивши дворянъ и начальство, проложить себѣ дорогу къ независимости. Объ этой же свободѣ мечтали Пугачевъ, Гонта, Дзюба, Горя,—воображаемые мученики за человѣчество, которые во имя своихъ мечтаній перебили тысячи ближнихъ, отличавшихся отъ нихъ своею религіей и взглядами.

Описываемое Hammard'омъ населеніе отличается своею серьезностью и меланхолическимъ настроеніемъ. Смѣхъ этихъ людей—смѣхъ отчаянія; въ радости они ужасны и похожи на тигровъ. Женщины заражены духомъ возмущенія въ чрезвычайной мѣрѣ; еслибы мужчины здѣсь не господствовали,—сколько кровавыхъ бунтовъ пришлось бы намъ увидѣть! Кромѣ бунтарскихъ наклонностей, женщины обладаютъ и другими примѣчательными свойствами: рождаютъ онѣ почти безъ боли (sic), а затѣмъ, выпивши стаканъ водки, меду или вишневки, принимаются черезъ нѣсколько часовъ за домашнія работы. И ребята здѣсь удивительныя: пяти—шестилѣтнія дѣти умѣютъ укрощать са-

мыхъ дикихъ лошадей (sic); въ умѣніи ѣздить верхомъ эти маленькіе сарматы заткнутъ за поясъ любаго датскаго гусара.

Затѣмъ Hammard останавливается на суевѣріяхъ, предразсудкахъ, на вѣрѣ въ чертей и вѣдьмъ, которой подвержены даже винницкіе судьи. Разсказавши о домовыхъ, которыхъ никакъ нельзя поймать, объ отыскиваніи кладовъ, о вѣчной войнѣ съ чертями, Hammard переходитъ къ описанію плача по умершимъ: бабы, потерявши мужа или дитя, такъ воютъ по цѣлымъ недѣлямъ, что не даютъ спать.

Далѣе Hammard довольно подробно описываетъ городъ Дубно. Его громадная ярмарка съ милліонными оборотами, красивые склады товаровъ и зданія произвели на путешественника благопріятное впечатлѣніе Большинство населенія (котораго въ Дубно 6000)—евреи. Они захватили въ свои руки торговлю и ремесла.—Маленькій городокъ Ямполь вызываетъ у Hammard'а общія размышленія объ отношеніи польскихъ пановъ къ своимъ «подданнымъ». Крестьяне изнываютъ подъ тяжестью работы, подвергаются истязаніямъ, а панъ расточаетъ за границей эти трудовыя деньги на прихоти и причуды, задаетъ пиры голоднымъ ученымъ и аббатамъ, чтобы прослыть меценатомъ, а для своихъ крестьянъ палецъ о палецъ не ударитъ.—Чума 1771—2 года отозвалась въ тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя проѣзжалъ Hammard, тяжелыми послѣдствіями. Населеніе сильно уменьшилось. Среди евреевъ это меньше замѣтно,—они мало работаютъ, женятся рано и быстро размножаются,—чѣмъ среди христіанъ, которые изнываютъ подъ гнетомъ труда, питаются сухимъ хлѣбомъ и пьютъ много водки. До глубокой старости христіане не доживаютъ, умирая между 50—64 годами. При всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ они подвержены еще всякаго рода болѣзнямъ,—между прочимъ, сифилису; онъ здѣсь свирѣпствуетъ, занесенный, по мнѣнію однихъ, русскими, по мнѣнію Hammard'а,—союзными войсками.

7-й отдѣлъ книги (стр. 153—179) посвященъ общему обзору «Украины, ея жителей, плодородія и торговли».

Что понимаетъ авторъ подъ словомъ Украина? Вотъ что говоритъ онъ самъ: «Подолія и Украина, которыя я соединяю вмѣстѣ въ виду ихъ общей границы, орошаются къ югу (?) Днѣстромъ, съ сѣверовосточной стороны Днѣпромъ, а съ восточной (?) граничатъ съ очаковской Татаріей и Новосербіей или Запорожьемъ» (стр. 277).—Украина, по словамъ путешественника, принадлежитъ къ самымъ плодороднымъ областямъ Польши. Прилежаніе и трудъ сдѣлали-бъ ее Ханааномъ Европы.

Жители Украины—украинцы или козаки—находятся въ близкой степени родства съ гайдамаками, турками и татарами. Тутъ Hammard сообщаетъ всѣ извѣстныя ему свѣдѣнія о козакахъ, причемъ трудно разобрать, о какой національности говоритъ онъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Козаки—воинственный и жестокій народъ. Попытка Екатерины II сформировать изъ нихъ регулярное войско показываетъ, какъ много пользы можно извлечь изъ этихъ людей. Козакъ почти не цѣнитъ своей жизни. Онъ безстрашенъ и способенъ совершать чудеса храбрости и удальства. Особенно драгоцѣнны козаки для рекогносцировки. Въ этомъ отношеніи они остаются учителями другихъ. Война—родная стихія этого народа. Козаки даже охотятся на военный манеръ,—на лошадяхъ, съ копьями, по опредѣленному плану. Способности у нихъ замѣчательныя: посмотрѣть на извѣстную вещь, а затѣмъ сдѣлать ее съ большимъ искусствомъ для нихъ легко. Козаки любятъ чистоту, склонны къ бездѣлью и гульнѣ. Наклонность къ возмущеніямъ въ нихъ чрезвычайно сильна. Они отличаются вѣрностью и благодарностью за полученное добро. Малорусскій слуга—слуга идеальный. Игры, музыка, пѣсни и танцы козаковъ достаточно извѣстны. Въ нихъ можно найти характеристику этого народа, одареннаго сильными страстями.—Воинственная гордость мужчинъ проявляется и въ ихъ любовныхъ отношеніяхъ. Предложеніе дѣлаетъ не мужчина, а женщина. Hamard'у очень нравится этотъ обычай, такъ какъ онъ гарантируетъ подчиненіе женъ мужьямъ. Несчастливыхъ браковъ здѣсь очень мало, разводовъ и того меньше. Жена вполнѣ повинуется своему мужу. Но мужчинъ здѣсь нельзя назвать деспотами. Они любятъ женъ и заботятся о нихъ, а на ярмаркахъ уступаютъ имъ верховную власть и кошелекъ: медъ и водка соблазнительны, и нужно, чтобы кто-нибудь умѣрялъ пылъ къ нимъ; кромѣ того по части всякихъ закупокъ и сдѣлокъ женѣ первое мѣсто: она обладаетъ нужной для этого хитростью и звонкимъ голосомъ.

Прекрасный полъ, вообще, очень понравился Hammard'у. Не одобряетъ онъ только костюма дѣвушекъ—ихъ косъ и запасокъ. Матери ревниво охраняютъ цѣломудріе своихъ дочерей. Странствованіе по деревнѣ съ рубахой въ видѣ побѣднаго знамени (въ день послѣ свадебной ночи) вывелось уже, однако, изъ употребленія.

Общее отношеніе Hammard'а къ козакамъ очень одобрительное. Имъ онъ сулитъ возможность блестящаго будущаго,—особенно «народамъ великой Екатерины». (стр. 153—168).

Но за то авторъ не находитъ достаточно словъ, чтобы показать читателю все безобразіе запорожскихъ козаковъ (стр. 168—179). Подонки человѣчества, отброски варваровъ, убійцъ и разбойниковъ, вмѣстилище всѣхъ возможныхъ пороковъ—вотъ какъ онъ честитъ ихъ. Этотъ народъ съ кажущимся демократическимъ строемъ (выборный кошевой атаманъ) отличается своимъ фанатизмомъ и страстью къ грабежамъ. Онъ совершаетъ безчеловѣчныя дѣянія. Намѣреніе русскаго правительства избавиться отъ этой орды достойно полнаго одобренія. Запорожцы размножаются не посредствомъ браковъ, а путемъ кражи дѣтей. Женитьба у нихъ воспрещена. Вступившій въ бракъ теряетъ право жить въ Сѣчи и превращается изъ героя въ мужика.

Затѣмъ Hammard переходитъ къ описанію возстанія 1770 г. Православные священники, проповѣдывавшіе изъ ненависти къ римско-католическому дворянству о притѣсненіи религіи, Гонта, желавшій отомстить за причиненныя ему оскорбленія, запорожцы, готовые на всякое мрачное дѣло,—вотъ главные виновники этого движенія. Украинцы, склонные къ возмущеніямъ, пришли къ нимъ на помощь съ цѣлью сбросить съ себя ярмо пановъ,—и черное дѣло совершилось. Съ ужаснымъ планомъ—истребить дворянъ и жидовъ—ворвались эти банды въ брацлавское воеводство, истребили, безъ различія сословія и возраста, всѣхъ, кто не принадлежалъ къ ихъ вѣрѣ или не былъ на ихъ сторонѣ, а затѣмъ подступили къ Умани. Сдавшійся на капитуляцію комендантъ впустилъ ихъ въ городъ,—и вотъ началась дикая расправа; развѣ во времена Пугачева, на Огіо да у караибовъ совершалось и совершается что-нибудь подобное. Людей душили, разсѣкали, у беременной женщины вырывали изъ живота плодъ, а затѣмъ Гонта собственноручно совершилъ безчеловѣчную гекатомбу: онъ перерѣзывалъ горло согнаннымъ въ толпу дѣтямъ, а его помощники швыряли трупы въ колодезь, 800 человѣкъ зарѣзалъ самъ Гонта, и до 1000 дѣтскихъ труповъ найдено было въ колодцѣ. Но затѣмъ запорожцы были пойманы. Недалеко отъ Умани, въ степи, русскій офицеръ захватилъ хитростью Гонту и его приспѣшниковъ. Всего взято было 8000 человѣкъ. Они были отданы въ руки поляковъ. Гонта и другіе предводители были разрублены на части, остальные—перевѣшаны и передушены. Пойманныхъ мучили, насколько хватало изобрѣтательности. Но безъ криковъ и стоновъ умирали эти люди,—спокойно, съ варварскимъ хладнокровіемъ.

Въ 8 мъ отдѣлѣ (стр. 180—242) авторъ толкуетъ «о культурѣ страны,скотоводствѣ, земледѣліи,растеніяхъ,торговлѣ и мануфактурахъ».

Украина со стороны культуры находится въ первобытномъ состояніи. Вѣчныя войны, рабство, лѣность жителей въ связи съ ихъ военнымъ образомъ жизни и чрезвычайнымъ богатствомъ природы,— вотъ причины этого факта. Лучшимъ доказательствомъ того, какъ дурно можетъ иногда влiять излишняя заботливость природы, служатъ нѣмецкія колоніи въ Россіи и Польшѣ. Цивилизованные люди разлѣнились и превратились въ варваровъ. На колоніи истрачены громадныя суммы, и все таки изъ нихъ ничего не вышло: колонисты распились и разлѣнились, переходятъ въ Польшѣ, подобно номадамъ, съ мѣста на мѣсто, подвигаясь все ближе и ближе къ предѣламъ родины. И вотъ русскимъ и полякамъ приходится думать о томъ, какъ избавиться отъ нищихъ, грубыхъ и безпокойныхъ нѣмцевъ (стр. 180—182).

Попытавшись затѣмъ дать общую картину украинскихъ степей (с. 183—187), Hammard переходитъ къ скотоводству (стр. 187—200), положеніемъ котораго онъ недоволенъ. Рогатый скотъ держатъ зимой въ холодныхъ стойлахъ, кормятъ и поятъ его такъ скудно, что онъ въ концѣ концовъ принимается за собственный пометъ, а вмѣсто воды употребляетъ снѣгъ. Неизбѣжный результатъ—постоянный моръ скота. И только въ теплое время года роскошныя степи Украины поправляютъ дѣло. Лошади пасутся день и ночь въ степяхъ, а зимой ихъ держатъ такъ-же, какъ и рогатый скотъ. Лошади ходятъ всегда табунами, отличаются своею дикостью и ведутъ побѣдоносныя войны съ волками. Поймать ихъ очень трудно даже ловкимъ козакамъ: до послѣдней возможности отстаиваютъ онѣ свою свободу. Съ овцами здѣсь обращаются первобытнымъ образомъ. Шерсть поэтому плохаго качества. Попытки русскаго правительства улучшить породу овецъ и свойство шерсти кончились неудачей: выписанные для ухода за овцами нѣмцы оказались въ общемъ невѣжественными мошенниками. Большія и свирѣпыя свиньи, которыхъ въ Украинѣ очень много, смахиваютъ больше на дикихъ, чѣмъ на домашнихъ животныхъ. Свиней держатъ даже евреи, выгоняя ихъ, впрочемъ, въ субботу вонъ изъ усадьбы.

Пчеловодство (с. 201—202) ведется тоже некультурнымъ образомъ. Искусственные ульи попадаются очень рѣдко. Пчелы сами выбираютъ себѣ въ лѣсахъ деревья, затѣмъ на этихъ деревьяхъ дѣлается замѣтка и въ извѣстное время изъ дупла извлекаютъ медъ. Этимъ дѣло и ограничивается. Земледѣліе стоитъ плохо (с. 202—207). Почва здѣсь—жирный черноземъ. Урожай—самъ 12-ть. Но какъ

тутъ обрабатываютъ землю! Легкимъ плугомъ, слегка захватывающимъ землю, да деревянной бороной,—и только. Въ русской Украинѣ дѣло поставлено лучше: пашутъ здѣсь часто 4-мя лошадьми и и довольно глубоко. Хлѣбъ въ Украинѣ складываютъ подъ открытымъ небомъ. Онъ, конечно, загниваетъ отъ сырости и усердно истребляется воробьями и другими птицами. Въ Украинѣ сѣютъ рожь, пшеницу, овесъ, ячмень, табакъ, горохъ, арбузы и проч. Виноградъ, картофель, хмѣль, шафранъ, крапъ (марена), анисъ, шелковица совершенно неизвѣстны.

Въ лѣсахъ (стр. 208—210) много плодовыхъ деревьевъ, ягодъ, цвѣтовъ. Къ востоку и юго востоку мѣстность становится бѣднѣе деревьями, такъ что жители прибѣгаютъ къ высушенному коровьему помёту.

Фруктами жители не дорожатъ и плодовъ не сушатъ. Яблоки, сливы—все это срывается въ недозрѣломъ видѣ. Изъ вишень и малины приготовляютъ особые напитки—«Wischniak» и «Malignac» (210—211).

Сказавши затѣмъ нѣсколько словъ объ украинскихъ рѣкахъ, богатыхъ рыбой (бѣлуга, осетръ, щука, карпъ, сомъ, стерлядь), и о немногочисленныхъ минералахъ (селитра, известь и мергель), Hammard переходитъ къ мануфактурамъ и фабрикамъ (с. 215—222).

Въ Немировѣ существуетъ набивная фабрика Винцента Потоцкаго. Въ 1784 г. здѣсь работало болѣе 120 человѣкъ и произведено было до 1500 штукъ матеріи. Тому же Потоцкому принадлежитъ и кожевенный заводъ, гдѣ въ 1784 г. работалъ одинъ мастеръ, 4 подмастерья и 8 учениковъ. Въ Чудновѣ (гр. Потоцкаго) есть фаянсовая фабрика и стеклянный заводъ. Въ Тульчинѣ живутъ ремесленники—нѣмцы. Есть еще нѣсколько незначительныхъ промышленныхъ заведеній въ Смѣлѣ у Александра Любомирскаго и въ Бѣлой Церкви у Браницкаго.

Довольно подробно разсказывается въ книгѣ о торговлѣ Украины (с. 222—237). Вслѣдствіе того, что у Турціи и Россіи своего сырья довольно, Украина торгуетъ главнымъ образомъ съ Германіей и другими западными государствами. Выгодами отъ торговли пользуются евреи, греки и армяне. Только оба Потоцкіе, принимающіе дѣятельное участіе въ торговыхъ оборотахъ страны, составляютъ исключеніе. Въ западныя государства вывозятся лошади, скотъ для убоя, зерновой хлѣбъ, водка, медъ, поташъ, воскъ, сало, кожи, мѣха,

шерсть, ленъ, пенька; въ Турцію—бараны, сало, медъ и,—въ случаѣ неурожая,—зерновой хлѣбъ. Ввозятся (тоже преимущественно съ Запада) соль, сукна, тонкое полотно, бѣлье, набивныя бумажныя и шелковыя матеріи, мѣдь, желѣзо, аптекарскіе товары, сахаръ, кофе, англійское пиво, ромъ, сыръ и т. п., изъ Турціи и Греціи привозятъ различные фрукты, чубуки и контрабандный табакъ.

Въ концѣ отдѣла Hammard касается вопроса о монетахъ и векселяхъ (с. 237—243).

Въ Польшѣ, окруженной разнообразными сосѣдями, бѣдной, лишенной рудниковъ и фабрикъ, обращается огромное количество иноземныхъ денегъ. На ряду съ серебряными польскими монетами встрѣчаются деньги русскія, австрійскія, прусскія. Изъ золотыхъ монетъ особенно много дукатовъ,—въ послѣднее время преимущественно голландскихъ.

Благодаря расточительности дворянъ, государство переполнено векселями. Еслибы вексельное право отличалось строгостью, еслибы дворяне не были гарантированы отъ его суровыхъ послѣдствій своими сословными привилегіями,—для должниковъ—и при томъ знатнаго происхожденія—не хватило бы тюремъ.

9-й отдѣлъ книги («мѣстоположеніе Украины; ея границы, свойства почвы, дороги, мосты, деревни и города и проч.»—стр. 243—262) занятъ на половину (с. 243—253) соображеніями о неудобномъ положеніи Польши вообще и Украины въ частности во время войнъ между Турціей, Австріей, Пруссіей и Россіей: Польша лежитъ какъ разъ на военномъ пути, а нейтральное положеніе нисколько не защищаетъ ее отъ прохода и стоянокъ войскъ.

Высказываетъ здѣсь Hammard и цѣлый рядъ стратегическихъ мнѣній на счетъ Днѣстра, Буга, Днѣпра, лежащихъ вблизи городовъ, укрѣпленій и т. д. Сказавши нѣсколько словъ объ украинскихъ рѣкахъ и прудахъ съ ихъ небезопасными плотинами (стр. 253—4) и похваливши сравнительно сносныя дороги (254), Hammard описываетъ живописныя, потонувшія среди зелени деревни (с. 255); онѣ окружены рвами и палисадами, въ видахъ безопасности отъ набѣговъ, какъ думаютъ одни,—чтобы помѣшать скоту разгуливать по полямъ, какъ полагаетъ самъ Hammard. Затѣмъ путешественникъ разсказываетъ объ украинскихъ городахъ (257—260). Выше всѣхъ прочихъ онъ ставитъ Немировъ; тутъ есть фабрика, красивыя лавки, 4 церкви; домовъ около 400,—въ которыхъ жи-

вутъ преимущественно евреи; дома одноэтажные, двери изъ комнаты ведутъ непосредственно на улицу. Прочіе города построены плохо, нѣтъ въ нихъ ни фабрикъ, ни полиціи. Стоитъ упомянуть Могилевъ на Днѣстрѣ и Бердичевъ съ ихъ знаменитыми ярмарками да еще Чудновъ. Затѣмъ Hammard сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній на счетъ воеводы Потоцкаго и его жены (с. 260—1), высказываетъ порицаніе политическому строю Польши (261—262) и этимъ заканчиваетъ книгу.

С. Е.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы 6.—Русская Мысль 6.—Русская Старина 6.—Русскій Архивъ 6.—Историческій Вѣстникъ 6.—Сѣверный Вѣстникъ 6.—Русское Обозрѣніе 6.—Наблюдатель 6.—Русскій Вѣстникъ 6.

Вѣстникъ Европы 1891 г. VI. *А. Пыпинъ. Новые матеріалы по исторіи литературы.*—Разбирая «Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1891 г.», авторъ указываетъ, между прочимъ, на напечатанные въ этомъ сборникѣ новыя матеріалы для біографіи Гоголя, извлеченные изъ его рукописей г. Тихонравовымъ (стр. 703—705).

Русская Мысль 1891 г. VI. *Вс. Миллера. Экскурсы въ область русскаго эпоса* (продолженіе).—Разборъ былины объ Ильѣ Муромцѣ по сравненію ея съ былинами иранскаго эпоса (стр. 1—32).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ краткая рецензія на «Отчетъ по опытному полю полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества за 1889 г.». Черепахина (стр. 282).

Русская Старина 1891 г. VI. *Бѣлозерская. Вас. Троф. Нарѣжный.* Продолженіе біографіи (стр. 523—545).

Замѣтка Шаталова по поводу напечатаннаго въ майской книгѣ письма Мазепы къ Меншикову о присылкѣ въ Шлиссельбургъ двухъ знающихъ священниковъ (стр. 680).

Въ приложеніи: портретъ Т. Г. Шевченко, написанный имъ самимъ въ 1859 г. (на первой страницѣ).

Русскій Архивъ 1891 г. VI. *В. Горленко. Живописецъ В. Л. Боровиковскій.* Приведена подробная біографія этого извѣстнаго художника конца прошлаго и начала настоящаго вѣка, уроженца полтавской губ. (стр. 257—291).

Въ приложеніи—Записки Ф. Ф. Вигеля. «Воспоминанія о Кіевѣ конца прошлаго вѣка, гдѣ авторъ провелъ свои дѣтскіе годы (стр. 33—48).

Историческій Вѣстникъ 1891 г. VI. *I. Ясинскаго. **Анекдотъ о Гоголѣ**.* Небольшой разсказъ о посѣщеніи Гоголемъ М. В. Юзефовича въ Кіевѣ, въ 1847 или 1848 г. (стр. 514—598).

18. Принесенъ указъ съ коллегіи о деревняхъ ратушныхъ. Отвѣтъ получилемъ отъ Худолѣя, же не можетъ въ Глуховъ ехать. Отписалемъ до лукомского, до прикажчика и до писара. Обѣдали въ Луцѣ, а ночовали въ Токарахъ.

19. Коней осмотрувалемъ своихъ, которихъ тамъ стоитъ 13. Оттоль поехалемъ до Андрѣевки, на службу приехали. Переездомъ, видѣлемъ у Артополотского хутора своихъ 2 кобилъ, отъ суддѣхи [1]) дарованнѣхъ, обидвѣ темногнѣдіе, у едной лошакъ гнѣдой. Зъ Андрѣевки ездилемъ въ Купуцѣовщину и тамъ своихъ коней осмотрувалемъ 18. На ночъ приехалемъ въ Роменъ.

20 недѣля. Рано бувъ у мене ундеръ-офѣцеръ, зъ коллекгіи малороссійской присланний, требуючи вѣдомостей о селахъ ратушнихъ. Розослали укази о присланню вѣдомостей о селахъ ратушнихъ и о взятіи штрафа зъ бородатихъ промишлениковъ. Писалемъ въ Глуховъ до правителей и отвѣтъ послалемъ Худолѣевъ. Ездили до монастирища [2]) и тамъ гуляли всѣ, и подпияхомъ.

21. Господаръ п. Федора Кочубея, пріехавшій сюда, въ Роменъ, по дѣвку служебку нашу, Мотру, а сестру Кочубеевой [3]), отпущенъ зъ нею зосталъ въ домъ. Погоня по его и по дѣвку послана, для обмана его. Листи послалемъ до Леонтія и Кузмѣ асаула о розискахъ. До Орановского о Нѣславскомъ (?). Григор. Остапенко пріехалъ зъ Глухова зъ листомъ правителскимъ о зборахъ на церковъ Кіевопечерскую, которій и вѣсти добріе говорилъ. Василя Дацѣя въ турму посадить казалемъ, за украденную имъ инквизицію. П. братъ Андрѣй поехалъ до Бубновъ. Снѣгъ началъ ити.

22. Житель липовскій бувъ зъ жалобою на Мартинця, за коня, имъ взятого зъ собою его, о чомъ и писалемъ до Орановского. Опредѣлилемъ къ п. Билиму до правленія Василя Дяченка и для писання—Петра Верещаку. Виехалемъ зъ Ромна передъ вечоромъ. У Хмѣловѣ послалемъ атамана роменского въ дворецъ монастирскій,

---

[1]) Жуковской.

[2]) См. выше, стр. 14.

[3]) Отсюда можно заключить, что младшій сынъ казненнаго Кочубея—Ѳедоръ былъ женатъ на крестьянкѣ.... О немъ см. Русск. Арх., 1876 г., III, 366.

где бувъ господаръ Кочубеевъ, для припроваженя его ко мнѣ, которій тогдажъ безъ вѣсти уйшолъ, а дѣвку отослали въ Роменъ. Пріехалемъ на ночъ въ Смѣлое, где стрѣлцѣ [1]) явились.

23. Стрѣлцямъ, вмѣсто Степана Романчука, опредѣлилемъ старшимъ атамана смѣловского. Писалемъ до сотника чорнуского и до Орановского о куплѣ греблѣ Пузницкой, зъ сотникомъ пополамъ. Тогда жъ писалемъ до Леонтія Янковского — о учиненню розисковъ нѣкоторихъ въ Лукомлѣ, Наружжю, Горошинѣ и Буромлѣ. Поехалемъ зъ Смѣлого и оглядалемъ степу, продаючогося отъ Романчука Левка. Пріехалемъ на ночъ до футора Корсакового.

24. Отъ футора Корсакового отправилемъ Леска сторожа зъ листами въ Роменъ до сотника, а особливе до атамана роменского о Дацѣеви. Поехавши оттоль, пріѣхалемъ на полудень къ Сейму и, перевюзшись, обѣдалемъ въ Мутинѣ, где Василя Книша засталемъ. У вечеру пріехалъ къ намъ Федко Ганничъ зъ писмомъ и зъ хлопцемъ артюхувскимъ.

25. Писалемъ рано зъ Мутина до Леонтія, о инквированню взятковъ Кочубеевскихъ. Пріехалемъ оттоль о полднѣ въ Тулиголови, где въ имбару було горѣлки 4 кухви. На ночъ приехалемъ въ Глуховъ.

26. Рано бувъ я у ясневелможной и тамъ обѣдъ кушалемъ, зъ п. п. Василемъ Томарою и Федоромъ Марковичомъ, дядкомъ. Потомъ былемъ у Кошелева, а у вечернѣ ст. (свят.) Михайла, а оттоль у пана асаули енер. Человѣкъ хоружовскій пріехалъ на розискъ о заграбленнихъ волахъ у футора Калюжновского, Константиновскихъ... Котлубай приехалъ тутъ, въ Глуховѣ, збирать пчоляпую торочную (тогорочную) десятину, зъ Яковомъ дозорцею. Извѣстилемся отъ п. Федора, что прошлими днями, пріехавши въ Глуховъ, отклонился самъ за сотничество полковое прилуцкое.

27. Недѣля. На службѣ божой былемъ у церквѣ Анастасіи и кушалемъ у ясневелможной, где брегадирша, прокурорша и Коше-

[1]) Козаки-стрѣльцы занимались добычею всякаго рода дичи для гетмана и для мѣстныхъ полковниковъ. О нихъ см. статью Мих. Плохинскаго въ III-мъ томѣ Сборн. Харьк. Ист.-Филол. Общества.

ліовѣ обѣ були. По обѣдѣ у п. Скоропадского бувши, читалемъ присланніе зъ Петербурху челобитніе с.: либов. (?). Оттоль поехавши, былемъ у п. асаули ене р., а оттоль и у брегадира, где до полночи просидѣли. При мнѣ писмо къ нему отъ губернатора кіевского принесенно, что Матюшкинъ генералъ-маіоръ пожалованъ въ генерали порутчики.

28. Бувъ у правителей и доношеніе дано мнѣ Кочубеемъ и Трощинскимъ, поданное на мене онимъ. Такожъ принялемъ у нихъ и листъ ко мнѣ писанній о присланню вѣденій о селахъ и деревняхъ ратушнихъ и о приходахъ зъ онихъ, зъ тимъ докладомъ, якіе села суть именно ратушніе, тіе мѣютъ грамоти или другіе привилеи, другіе засъ сливутся толко ратушними, о якихъ обоихъ інтерессахъ писалемъ укази во всѣ сотнѣ и до Билима. До Петрановского — о прибуттю его сюда. До роменской старшини о присланню вѣденія — о козакахъ умершихъ въ походахъ. Обѣдали у мене п. Федоръ дядко и п. Тарнавскій.

29. У ясневелможной именини ея отправляли и гуляли зъ брегадиромъ, прокуроромъ и Кошелевимъ, и подпіяхомъ гаразда, когда изъ куріеромъ въ задіоръ войшолъ въ дому прокурорскомъ. Послалемъ рано Бяловского и Остапа въ Тулиголови переписать все господарство и отобрать отъ Остапа, а вручить войту сварковскому.

30. Войта сварковскаго послалемъ въ Тулиголови для отобраня на свои руки всего тамошнего господарства, когда и человѣка сварковского опредѣлилемъ для скупленния и отобрання осенщины отъ сварковціовъ. Василь, глинскій сотникъ наказ., отехалъ и отецъ Петро лукомлскій. У Василя ключника отобралемъ грошей рублей 30. Присилалъ сотникъ срѣбранскій [1]) своего человѣка Себестіяновича, за доводячимися себѣ отъ мене грошми зол. 80.

31. Обѣдалемъ у ясневелможной. П. Федоръ дядко простился и отехалъ въ Прилуку. У п. асаула ене р. читалемъ укази сенатскіе рѣшителніе, въ 5 пунктахъ заключенніе.

1. Ноеврій. Остапови господарство глуховское вручилемъ. Ездилемъ до футора Калюжновского, где воловъ 30, а коровъ 9, козъ 12,

---

[1]) Антонъ Троцина.

коней 6, осмотрѣлемъ и еще два стоги жита незмолочени. Послалемъ укази до сотниковъ роменского, лохвицкого и лубенского о избранню двохъ щетчиковъ и одного комисара. Получилемъ писемъ правителскихъ двѣ; о принаттю 10 компанѣйцевъ и видаванню онимъ провіанту. Еще жъ получилемъ указъ зъ коллегіи—о присланню отвѣту въ томъ, что греки купци о ярмарку Іліиномъ роменскомъ въ Ромнѣ протестовались передъ мною на Шереметева. Войтомъ въ Сварковѣ Павла Лазаренка учинилемъ.

2. Принялемъ грошей еще отъ Василя ключника 10 рублей до первихъ 30, октовр. 30 взятихъ, и роспись учинилемъ ему о 40 рубляхъ забраннихъ. Нѣжинскій полковникъ пріехалъ въ Глуховъ зъ Нѣжина, а зъ С.-Петербурху—князь Волконскій, ундеръ-леитнантъ отъ гвардіи. Зъ Ромна получилемъ писма отъ старшини и отъ криксъ-комиссара Толкачова, чтобъ дракгунамъ, прійшовшимъ на караулъ до коммиссаріяту, дать провіянтъ и фуражъ. Бувъ у склепу и вина смотрѣлъ: анталовъ 2 повнихъ и 2 неповнихъ, да бочочокъ 2 да бочка 1 и кухва неповна въ дулями налита виномъ. Зъ Ромна зъ дичиною пріехали изъ гостинцемъ царичанскимъ. Доводячіеся гроши 80 зол. п. сотникови срѣбранскому черезъ зятя его послалемъ.

3 неделя. На службѣ у монастирѣ чорничомъ бувъ, а по службѣ у ясновелможной, когда брегадиръ и протчіе були. По обѣдѣ були на вечеринцѣ у брегадира. Бѣловскій зъ Федкомъ ездили въ Калюжинскій футоръ и ревѣдовали.

4. Листъ о требованіи небуваломъ провіянта и фуража караулнимъ въ Ромнѣ, послалемъ до правителей черезъ Клима. У Милютиновича бувъ рано. Дядко зъ Чернѣгова пріехалъ зъ писмами жени моей и швакгра п. Андрѣя Полуботка, о пріездѣ моемъ туда, просителними, въ Кувѣчичи. Плетюнка пріехалъ зъ рибою и кавяромъ, у которого и грошей отобралемъ 106 зол. копѣйками, а полушками 22 зол. Горбикъ бурумскій, бувши у мене, сказалъ, что уже поеднался зъ Федоромъ, бувшимъ старостою бурумскимъ.

5. Далемъ за дворъ солодовникови Степанови грошей рублей 9. Отлѣчовалъ Комаровскихъ (?). Далемъ Бутурлимови грошей рублей 5, на медъ, якій мѣлъ въ Ромнѣ отпустить.

6. Нѣжинскій полковникъ отехалъ въ Нѣжинъ. У брегадира бувши, игралисмо въ карти и виграломъ. Гайдаямъ [1]), ходившимъ въ Царичинъ, заплатилемъ 48 зол. додатнихъ.

7. Рано бувъ въ коллекгіи и (у?) старшини енер.; и Семенъ Лизогубъ (былъ?) и розговорували о заводѣ его зъ родителемъ. Зъ Лисенкомъ чернѣговскимъ, пріехавшимъ зъ грамотами на села свои, видѣлемся. У вечеру глинскій бувъ отъ полковника Ковбаси.

8. Писалемъ въ Роменъ о присилцѣ вѣденій и другихъ интерессахъ. Отправилемъ чернѣговского дядка зъ лошадми и писалемъ до чернѣговскихъ и жени своей. Леонтого (?) отпустилемъ въ Овдоколле и 5 рублей грошей далемъ ему на кухви винніе и чтобъ купилъ 100 дощокъ липовихъ. Лукомскій сторожъ приехалъ зъ писмами многими, между которими були и отъ родителя зъ Сулаку и отъ Полянского зъ Астраханѣ, о щастливомъ его прибытіи въ Сулакъ. Лихаровъ, маіоръ, зъ С. П. Бурху пріехалъ.

9. У правителей былемъ и отвѣтствовалемъ на суплѣку Дацѣеву и просилемъ розищиковъ. Въ Ясманъ на розискъ посилалемъ Фѣдка да Остапа. Писаръ Савѣцкій зъ Манджосенкомъ и Билименкомъ були у мене.

10. Неделя. Були у ясневелможной всѣ и гуляли до поздна.

11. Продали рибу 500 сомовъ, сотце по 6 рублей безъ золотого. Тамъ же продали кавяру 36 пуд. зъ двома кухвами, пуд. по 6 зол. Поставилемъ дворника въ Калюжновскій футоръ, огородника сварковского за 7 копъ, и одежу ему и женѣ его. Ясманскихъ войтовъ, настоящого и бувшого, отправилемъ, казавши на бувшомъ доправить 4 четверики жита. Забара взялъ 3 кухви горѣлки минять на жито 3 четверти, а на гроши, гуртомъ, носатками по 2 рублѣ. Пургансъ приймалемъ. Доношеніе зъ копѣею протесту кгрецкого, данного мнѣ въ Ромнѣ на Шереметева, отослалемъ въ коллекгію, черезъ Комаровского. Роману, стар. тулиголов., далемъ 10 копъ на всякіе росходи и новіе реестра. Грома, вороницкого козака, лубенской сотнѣ, отправилемъ зъ листомъ до сотника лубенского.

(Засимъ вырванъ листъ).

---

[1]) Гайдай—погонщикъ воловъ.

23. Василь Дяченко пріехалъ зъ денгами, на церковъ Печерскую определенними, якихъ коллекгія доправляетъ 1060 рублей. Привезлъ зъ собою книгъ латинскихъ, Калениченкомъ Петромъ купленнихъ. У лазнѣ п. суддѣной бувъ.

24. Неделя. Александръ Івановичъ Румянцовъ пріехалъ рано въ Глуховъ и зъ нимъ братъ его Никита и швакгеръ — графа Матвѣева синъ, Федоръ Андреевичъ. Бувъ молебенъ на Екатерину въ Николая св. Обѣдали у ясневел. и гуляли доволно.

25. Былемъ рано у Румянцова, а оттоль у ясневелможной. Никиту Плетюнку войтомъ учинилемъ. Зъ березовскими людми, о сѣножать упоминавшимися, розійшлись и карту они дали и я казалъ Останови дать имъ, уступуючи имъ сѣножати тоей, подъ кондиціею буде купчой нѣтъ.

26. У Румянцова на банкетѣ були, у вечеру, и въ карти іграли и програлъ 5 рублей, пополамъ зъ княземъ Волконскимъ. Гадяцкому полковникови рукавички, купивши, далемъ.

27. У Румянцова бувъ рано. Золотара вибили за плутовство. У ясневел. обѣдалъ. Господара бувшого раховали. Писма зъ Ромна о Шелеховской и яру великомъ (?) крѣпости, прислани.

28. Кокошкинъ пріехалъ зъ Москви. Гуляли у п. асаула енер.

29. Былемъ у коллекгіи; зборщицкіе доношенія зъ Лохвицѣ и Лубенъ видѣлъ, о мнѣ и протчіихъ поданніе. У ассессоровъ былемъ. У правителей бувши, промеморію читалемъ натермѣнованную о грошахъ взятихъ въ походъ п. родичомъ. Тамъ же бувши, Кочубей и Трощинскій читали указъ, зъ коллекгіи данній имъ. о ревизѣи футоровъ въ полку лубенскомъ.

30. У брегадира банкетъ бувъ, понеже брата его Андрея Лукича именини, где и я былъ. Прежде въ дому. потимъ, когда и Карпѣка прійшолъ, ездившій въ полкъ лубенскій — ревѣдовать невисланнихъ козаковъ въ походъ низовій и зъ оного утекшихъ, и указъ, себѣ данній зъ канцелляріи, отдалъ мнѣ. Отъ Василя Кочубея бувъ его человѣкъ Кованка и указъ, зъ коллекгіи данній ему, о ревизѣи футоровъ въ полку лубенскомъ показовалъ, по которомъ писалемъ во

всѣ сотнѣ, чтобъ реестровани були футсрѣ и остановка бъ отъ старшини не была ни въ чемъ. Комаровскій довжицкій бувъ у мене.

1. (Декабрь). Недѣля. Писалемъ укази до сотниковъ глинского, лубенского, и чигир.-дубровского о присланню вѣденій о козакахъ, пошовшихъ въ низовій походъ. Обѣдалъ у ясневел. По обѣдѣ булъ у брегадира, где играли въ карти Румянцовъ и проч.

2. У прокурора рано былъ, когда принесено къ ему писмо отъ коменданта стародубовского Пашкова, о полковникахъ великороссійскихъ, будто пріехавшихъ до Стародуба, зъ прошеніемъ о извѣстіе о семъ. У правителей бувъ и о 100 рубляхъ зъ дому родителского на церковъ Кіевопечерскую говорилемъ, жеби онихъ не править. Горѣлки куховъ 3 еще взяли въ Сварковъ на шинкъ: Плетюнцѣ одна, а 2 Забарѣ, замѣнювать на жито. П. п. Скоропадскій и седневскій сотникъ обѣдали у мене и сами исти себѣ варили, за отлучкою въ Ясманъ кухара.

3. Дацѣй лукомскій явился. Румянцовъ, брегадиръ и протчіе були у ясневел. и чарокъ по 10 випивши водки, пойшли на обѣдъ до Кошелева, а ясневел. поехала въ Гамалѣевку. Желязо зъ Ромна пріехалъ и привезлъ унѣверсали на села, данніе родителю моему, а отъ Билима писмо о магазенахъ, зъ прошеніемъ наставленія. Отвѣтъ учинивши на 3 чолобитніе Кодинченка, Петра Кривого, лукомского, и Надсуленка, козака горошинского, послалемъ до ассессоровъ суду енер., а тіе всѣ чолобитчики отехали въ доми своя.

4. Федоръ Івановичъ Протасіевъ пріехалъ въ Глуховъ и сталъ въ дворѣ сотника глух. Онъ же и Румянцовъ зъ брегадиромъ и протчіими, на вечеринцѣ, у мене долго просидѣли.

5. У Протасіева рано былемъ. Лезовскій пріехалъ зъ жидовкою обложковскою, которая за горѣлку отдала грошей 5 рублей Остапови, а болшъ 20 рублей на ней есть. Алексѣецъ за побитте его, Лезовского, наказанъ. У ключника взялемъ грошей рибнихъ 50 рублей.

6. Ключникъ рано наказанъ бувъ. Рано у брегадира былемъ и розговорувалемъ зъ нимъ о Свѣчцѣ Лукяну и картѣ отъ его теперъ данной, да зъ нимъ же пойшолъ до Румянцова, где чли указъ новій о коронацѣи государинѣ імператрици. Тамъ же брегадирови

говорилемъ о денгахъ печерскихъ 1000 рублей, которіе доправлялъ на дому родителскомъ, о 100 рубляхъ, которихъ старшина енералная доправляетъ. У п. Кондзеровского обѣдалемъ, а оттоль бувъ у брегадира. Комаровскій поехалъ.

7. Листъ зъ Ромна отъ Билима о заплатѣ годовой полковимъ и вѣденіе о числѣ онихъ принесенни. Отъ писара цедула о томъ же, отъ родителки о зборщикахъ лубенскихъ, обнешихъ въ коллекгіи насъ, будто имъ возбраняли зборовъ збырать; отъ Тарновского—о курѣнчикахъ козакахъ, чтобъ по унѣверсалу родителскомъ привернуть и о забраномъ на городъ полю отъ преступника его жъ курѣнчика. Въ Роменъ писалемъ до родителки, до Билима и Савѣцкого писара отвѣтъ о заплатѣ годовой, до самаго Билима о магазенахъ. Доношеній двое, одно о магазенахъ, другое о заплатѣ полковимъ служителямъ, послалемъ черезъ Комаровского въ вой. енер. канцеллярію, якіе онъ Валкевичу и отдалъ. Онъ же принюсъ листъ правителскій о перемѣнѣ всѣхъ зборщиковъ. Дацѣй зъ березняковскими людми помирился. Писаръ кампанѣйскій полку Тонконога бувъ у мене зъ унѣверсаломъ правителскимъ о видаванню провіянта и фуража товариству ихъ, въ полкахъ гадяцкомъ и лубенскомъ. Василь Дацѣй повинную намъ далъ, а я далъ листъ до сотника наказ. лукомского, о защищеніи его отъ безчестячихъ его.

8. Неделя. Послали укази во всѣ сотнѣ о перемѣнѣ всѣхъ зборщиковъ черезъ лукомского сторожа и Крутка. Шинкара жида въ Обложки приняли и меду мѣрницю дали. Зъ п. Федоромъ, писаревичомъ (Савичемъ), видѣлся и въ насъ обѣдъ кушалъ. Матяшу березняковскому писмо до сотника наказ. луком. далъ о раздѣленню 10 копъ и на другихъ, до отплаченя Дацѣеви.

9. Рано бувъ я у Румянцова, а оттоль у церкви Анастасіевской; послѣ оттоль зъ п. Скоропадскимъ прійшли до дому обѣдать, когда п. судѣная и Кондзеровская у насъ обѣдали. Рано задатку садовничому далемъ рубля нѣмцеви. По обѣдѣ пойшлисмо вкупѣ до сотника глуховского, прійиовавшого всѣхъ, где у карти игравши зъ Румянцовимъ, на мѣстцу Протасіева, програлемся.

10. Юдка Якубовичъ, жидъ, бувши у мене зъ своимъ швакгромъ, жидомъ Иллею обложковскимъ, моимъ шинкаремъ, поручился и карту поручную далъ.

11. Караулъ поставленъ у дворахъ чернѣговского [1]), судѣ и писара енер. Валкевичъ за караулъ посаженъ. Сенецкій сотникъ зисканъ и Галецкій въ Глуховъ, и послани въ С. П. Бурхъ.

12. Молодикамъ далемъ вмѣсто футра 100 зол. и щось (?). Подѣ за давнее вино заплатилемъ 16 зол. Ясневелможная зъ Гамалѣевки пріехала въ Глуховъ.

13. Александеръ Івановичъ Румянцовъ зъ Протасіевимъ поехали зъ Глухова въ Стародубъ. П. Яснополскій, господаръ ясневел., пріехалъ зъ С. П. Бурху въ Глуховъ.

14, Полковникъ нѣжинскій у себе бувъ и ми у его, где сотникъ глуховскій и отаманъ були. Пива полвару зварили. Листи родителскіе зъ крѣпости св. Креста принесенни въ Глуховъ.

15. Неделя. Брегадиръ зъ коллекгіи бувъ у ясневел., оттуду въ свою квартиру пошолъ, за которимъ и я ходилъ и просилъ его о уволненне себе отъ правленія сего полкового. Кушалъ у ясневелможной. Въ дому засталемъ п. Добронизкого.

16. Остапу на росходи далемъ зол. 100. Должнихъ казалемъ ему жъ отнесть до сотника глухов. зол. 75, якіе для того и отдалемъ ему. Рублей 10 Степану Солодовнику далемъ же до прежнихъ 9 зол. даръ (?) его Комаровскому 10 зол. за контерфектъ [2]). Взялемъ рибнихъ грошей у Василя ключника зол. 100. Поехалемъ, не обѣдавши, въ Роменъ и пріехалемъ на ночъ въ Камень, куда и Романъ молодикъ зъ будками пріехалъ.

17. Черезъ Романа, молодика, писалемъ до паней о господареви бывшомъ и о Антону кухареви. Поехавши рано, обѣдалемъ на степу, а на ночъ пріехалемъ въ Роменъ позно уже, куда и родителка зъ Луки позно жъ пріехала.

18. Воску 2 кружки отобралемъ тутъ. Писалемъ въ сотню лубенскую о лѣсѣ на магазеинъ, и въ лукомскую—о безчинникахъ све-

---

[1]) Т. е. у черниговскаго полковника Полуботка.

[2]) Т. е. за написаніе портрета.

верних (?) проявившихся. До того воску еще круговъ 2 болшихъ и 2 малихъ осмотрувалемъ своего, и когда весь зважили воскъ, показалось всего 71 фунтъ, у 6 кружкахъ малихъ и великихъ.

19. Видѣлемся на Засуллю зъ Кочубеемъ. Отписалемъ до капитана о магазенахъ, у Веремѣевку, и того жъ дня опредѣлилемъ коммиссара къ тому жъ строенію Івана Остапенка. Писалемъ до лубенского сотника о лѣсѣ. Тако жъ до сотниковъ писалемъ о моемъ скоромъ въ Глуховъ отездѣ, и щобъ посѣтили мене по обикновенію по святахъ заразъ, для отезду моего скорого объявлялемъ.

20. П. Михаило Скоропадскій проехалъ рано черезъ Роменъ, зъ Глухова, до Сорочинецъ. Івана Остапенка вислалемъ зъ Ромна комисаромъ до магазеновъ, въ Веремѣевку. Въ канцеллярію енералную послалемъ вѣденіе о маетностяхъ змѣнничихъ. Въ коллекгію малороссійскую послалемъ доношеніе о магазенѣ—отколь брать драни и дерево и работникамъ чимъ платить. А послали черезъ мѣского козака. Ісаия Сухаревъ, подполковникъ, проехалъ черезъ Роменъ до Бурокъ [1]) для арешту. Гаврила послалемъ за ланцужкомъ золотимъ у 40 червонихъ, которій взялъ жидъ робити; на заплату далемъ ему грошей рублей 5.

21. Зъ коллекгіи принесенъ указъ о присланню щетчика. Коммунѣковалемся ст. таинамъ. Родителка до Бубнувъ поехала.

22. Неделя. Писалемъ до Орановского, въ отвѣтъ объ інтерессѣ горошинскомъ. Отецъ Захарія, кіевскій ст. Михайловскій, бувъ у мене и кушалъ. Родителка зъ Бубновъ пріехала.

23. Родителка даровала хребтовое лисее футро. Пару юхтъ купилемъ. Михайло Перехристенко бувъ и листъ отъ отца Гавріила зъ П. бурху далъ и книгу системму махометанской вѣри принеслъ отъ его и прошку ревелского.

24. Зборщиковъ новихъ лубенскихъ и щетчика, давши ему доношеніе, объ немъ же до коллекгіи писанное, отправилемъ въ Глуховъ. Павелъ кгрекъ роменскій за матеріи, данніи ему на продажъ, принеслъ грошей зол. 77, а еще якоби, по словахъ его, остался виноватъ зол. 100.

---

[1]) Разумѣется мѣстечко Борки, принадлежавшее генер. судьѣ Чарныну.

25. Писма отъ зборщиковъ лохвицкихъ 1, а другое отъ Михайла ревѣзора о заплатѣ за кола etc., а третее отъ атамана чигиринъ-дубровского принесенни. Оберъ комисаръ Бакіевъ у вечеру бувъ и просидѣлъ долго.

26. Принесенъ указъ зъ войсковой канцел. зъ печатнимъ указомъ о коронацѣи імператрици и тогда жъ оній прочитанъ зосталъ въ церквѣ. Тако жъ другій получилемъ указъ о присилкѣ въ зборщики посполитихъ, а не козаковъ. И отвѣтній листъ зъ канцелляр. получилемъ о принесенномъ туда вѣденіи маетностей измѣнничихъ. Обѣдали у насъ Полянскій, Бакѣевъ и пр. Зъ Кіева Маленикъ пріехалъ.

27. *(Оторвана часть листа).*

28. Родителка рано отехала въ Глуховъ. Тако жъ рано и п. Скоропадскій отехалъ. Сотники чорнускій, пѣратинскій и лукомскій попріезди. Отецъ Цясецкій, красногорскій намѣстникъ, пріехалъ.

29. Неделя. Далемъ рано осподареви Андрееви зол. 40 на купленне солоду, а еще 40 послать въ Харковъ, Хведчуну, а 10 зол. на справленне барилъ 20. Укази два, 1) о публѣкованню печатного о коронацѣи гсд. імператрици, а другій, о присланню въ зборщики посполитихъ, подписалемъ и послалемъ. П. писареви отдалемъ вѣденіе о селахъ ратушнихъ. Пріехалемъ зъ Ромна на обѣдъ въ Смѣлое, а на ночъ въ Каменъ.

30. Зъ Камена поехавши, пріехалемъ на обѣдъ въ Тулиголови, где усмотрѣлемъ въ імбарѣ куховъ 2 повнихъ, а въ третой 2 носатки, а въ росходной—зъ двѣ. Жита около 30 четвериковъ привезено зъ Сваркова зсипного. Въ бутурлимовскимъ млинѣ розмѣру два полубочка повнихъ жита. Пріехалемъ на ночъ въ Глуховъ.

31. Взялемъ у Василя ключника рибнихъ грошей рублей 15, а шинковихъ за 2 кухви горѣлки, которіе носатками Забара роздавалъ, 36 рублей. Тіе жъ всѣ денги Остапови на расходи отдалемъ.

Протоколъ домашній, на рокъ 1724 заведенный.

Януар. 1. Купилемъ на мѣстѣ рукавички, за копу, сѣбирками подшитіе. Извѣстилемся, что Лукянъ Свѣчка вчорайшого дня пое-

халѣ до Семена Лизогуба, въ Андрѣевку, и зъ нимъ въ одной былѣ тутъ, у Глуховѣ, господѣ.

2. Въ коллекгіи былемъ, где брегадиръ взглядомъ магазеиновъ предлагалъ мнѣ, что остановка отъ полку лубенского учинилась. Опредѣлилемъ п. Зарудного въ всѣ сотнѣ о магазейнахъ ехать и спросить объ остановцѣ въ онихъ старшину, которому інструкцѣя дана.

3. Бувъ у коллекгіи. Обѣдали у насъ п. п. суддѣная и асаулиная енералніе, зъ родителкою, когда приходила Ткачиха нѣякаясь, упоминаючись о дерево, взятое во время погорѣлого будинку. У Кошелева зъ п. Миклашевскимъ бувъ и торгъ учинилъ ведлугъ крестянина его, за 50 рублей. Полковникъ нѣжинскій пріехалъ въ Глуховъ.

Родителка зъ Глухова отехала рано. Сухаревъ повернулся. У брегадира рано былемъ и тогда жъ его пожекгналемъ. Грошей рублей 40 у ключника было въ тотъ часъ. Поехалемъ зъ Глухова въ Камень, на ночъ; ехалемъ часовъ полъ 5.

5. Неделя. Поехавши оттуду, пріехалемъ на ночъ въ Роменъ.

6. Пріехала родителка, зъ Глухова, рано. Провіянтъ-мейстеръ Голенищевъ привезлъ зъ собою писмо отъ Полянского ко мнѣ, зъ Ахтирки отпущенное, о томъ, чтобъ провіянтъ и фуражъ посилать зъ сеей сотнѣ въ Ахтирку, на коммиссаріатъ.

7. Черезъ сторожа лубенского послалемъ доношеній 2 въ канцеллярію, одно—о безчинникахъ и о вѣденіи сѣлъ ратушнихъ посилаючомся, а другое о требованіи Полянского, оберъ-криксъ комисара, вчорайшого дня принесенномъ въ писмѣ; черезъ его жъ писалемъ до Кошелева, полковника, о крестянину, сторгованномъ за 50 рублей, и до жени моей, о многихъ домашнихъ інтерессахъ. До капитана чорторизского и до Остапенка въ Веремѣевку писалемъ о магазенахъ, отвѣтуючи и Остапенка наказуючи. О присилцѣ туда тертичниковъ писалемъ въ сотнѣ лубенскую и чорнускую. О виданню для посилокъ Остапенку козаковъ, писалемъ въ Чигиринъ-Дуброву. О присланню сюда сторожовъ поліовихъ писалъ въ сотнѣ лукомскую, лубенскую, лохвицкую и пѣратинскую. До городничого смѣлянского

писалемъ, жебы онъ посылалъ зборщиковъ въ Глуховъ, о томъ же и до атамана писалемъ. Отписалемъ до Полянского, въ Ахтирку. на листъ его зъ прошеніемъ объ отставцѣ. Тожъ, чтобъ въ Ахтирку отсоль не везти провіянту, але близше бы опредѣлено было для того якое село или место. Сотника Данила виправилемъ на встрѣчъ противъ Румянцова.

8. Купилемъ меду вѣдерокъ 10 и полвѣдерка ценою по 8 зол., у людей санджаровскихъ. Выехалемъ зъ Ромна зъ полночи 1 години, въ Лохвицю, стрѣтить Румянцова.

9. Пріехалемъ свѣтомъ у Лохвицю, где у полковника Шереметева былемъ и у п. Павловой, а оттоль заразъ поехалемъ у Івахники; на дорозѣ стрѣлемся зъ п. Стефаномъ Гамалѣею, ехавшимъ въ полкъ гадяцкій для ревизѣи. Пріехалемъ у Івахники, у обѣднюю годину, отколь у вечеру виехавши къ Жабкамъ, якби у версту, ночною добою, стрѣтилемъ господина Румянцова, и вечѐру кушали, уготованную мною, тамъ же, когда и Протасіевъ пріехалъ. У Лохвицю Зарудного отправилемъ повторе.

10. Рано зъ Івахниковъ поехали, пріехали въ Лохвицю рано жъ, и заехали въ квартеру полковника Шереметева и, тамъ по чарцѣ водки випивши, отехалъ Румянцовъ въ Сенчу, на обѣдъ, а я, отпровадивши его за 3 версти, вернулся назадъ, до п. Павловой, а оттоль поехалемъ въ Луку, а оттуду на ночъ въ Токарѣ.

11. Зъ Токаровъ поехалемъ рано и пріехалемъ на обѣдъ въ Андрѣевку; тамъ получилемъ писмо отъ чорнуской старшини о зборщикахъ и тертичникахъ и отписалемъ къ ней, жебы такъ тертичниковъ 4 у Веремѣевку, яко и зборщиковъ 2 въ Глуховъ, посилани были немедленно. Писалемъ и до Михайла ревизора о податѣ зборщикамъ лохвицкимъ, писавшимъ объ оной до родителки, жебы заплатилъ. Глинскій Василь видѣлъся зо мною тамъ же. Поехалемъ оттуду въ Куцупѣевщину и оглядалемъ своихъ воловъ, которихъ, сказалъ овчаръ тамошній, числомъ 29. На ночъ пизно пріехалемъ въ Роменъ.

12. Неделя. Получилемъ писмо зъ канцелляріи о зборщикахъ, за подписомъ колежскимъ. Зъ Пѣратина писано о зборщикахъ зъ

посполитихъ невинаходячихся. Зъ Веремѣевки отъ капитана писано, что дерева и работниковъ нѣтъ, тако жъ и отъ комисара Остапенка о томъ же и о протчемъ.

13. Черезъ Григорія Манджоса указъ посланъ во всѣ сотнѣ о висилцѣ зборщиковъ зъ посполитихъ въ Глуховъ, и ему жъ дана інструкцѣя и нормъ (?) двухъ доношеній. Черезъ чигиринъ-дубровского сторожа посланъ указъ во всѣ сотнѣ о висилцѣ дерева и тертичниковъ у Веремѣевку. Черезъ его жъ писано до капитана о томъ же и до комисара Остапенка. А объ обсилцѣ до буромского старости капитанови. Черезъ сторожа пѣратинского Божка послано доношеніе въ канцеллярію и вѣденія о маетностяхъ ратушнихъ, а въ доношеніи — и о требованіи писменномъ Полянского взглядомъ привозу провіянта и фуража въ Ахтирку, на коммисаріатъ, зъ сотнѣ роменской, предложено. У шинкара тутейшого роменского Дениса грошей взялемъ рублей 10. Козлинъ краснихъ до шоръ пару купилемъ. Михайло, ревизоръ бывшій, прислалъ ко мнѣ вѣденіе взятихъ зборщиками лохвицкими за прошлій 1722 годъ грошей 261 зол., а другое вѣденіе за 1723 годъ, требуемихъ еще ими жъ зборщиками грошей 189 зол. за добра родителскіе, въ лохвицкой сотнѣ обрѣтаючіеся.

14. Черезъ Петра Чернецкого послалемъ въ Глуховъ доношеніе въ коллегію и грамоту, тако жъ и унѣверсали для обявленія, на села мнѣ данніе, о чемъ до паней, тако жъ до Кошелева, прокурора и Заплатина писалемъ.

15. Черезъ лубенского сторожа послалъ 3 рубля грошей и рецептъ на декоктъ въ аптеку, о чомъ до лубенского атамана писалемъ; до его жъ и о присилцѣ зборщика, вмѣсто Степана, писалемъ. Въ сотнѣ лубен., луком. и чигир.-дубр. писалемъ о компанѣйцяхъ, жебы зъ виборомъ нового окладу, по копѣ за фуражъ, удержатись до указу, поколь зъ Глухова оній получу. До сотниковъ о ихъ прибуттю сюда для пріезду господина Румянцова, писалемъ, совершеннихъ [1]). Ковалямъ роменскимъ грошей рубля далемъ за роботу и на уголле.

---

[1]) Т. е. до сотниковъ совершеннихъ (дѣйствительныхъ, а не наказныхъ).

16. П. Федоръ Зарудній повернулся зъ полку въ Ромен и привезлъ отъ жадной старшини ассекураціи о висилцѣ дерева и протчего въ Веремѣевку, до магазеновъ строячихся. Писмо отъ правителей о присилцѣ зборщиковъ прислано.

17. Писалемъ до прикажчика константиновского, жебы онъ посилалъ зборщиковъ въ коллекгію, въ Глуховъ. О томъ же и до городиского сотника писалемъ. Черезъ Микиту судейского получилемъ письмо правителское о Василю Евраху, лубенскомъ жителеви. Черезъ его жъ получилемъ указъ за подписомъ коллежскимъ и правителскимъ, о иноку Рѣшилову, которій посланъ за капитанами чили расколщиками, жебы ему помоществоване чинить. Василь Дяченко повернулся зъ Кіева и привезлъ зъ собою листъ отъ войта кіевского до правителей, и росписку зъ майстрату тамошнего о принятихъ денгахъ тамъ въ Кіевѣ отъ него 5000 зол., на церковъ печерскую. Федоръ Іванов. Ушаковъ, отъ гвардіи капралъ, зъ С.П.Бурху едучи до господина Румянцова, заехалъ ко мнѣ и, посидѣвъ мало, поехалъ въ Гадячъ. Іоска Шимка коммиссаромъ въ Веремѣевку до магазеновъ послалемъ.

18. Зборщикъ роменскій повернулся зъ Глухова и привезлъ грошей отъ паней моей 150 зол. Черезъ сторожа лохвицкого писалемъ доношеній двѣ въ вой. енер. канцеллярію, одно — о новомъ требованіи компанѣйцевъ по копѣ за фуражъ, а другое—о посланномъ вкупѣ поручномъ доношеніи лубенской сотнѣ о щетчику. Послалемъ въ сотнѣ указъ о вистатченню деревъ еще такого числа, якъ прежде, у Веремѣевку до магазеину. Слюзиха явилась о денги упоминаючись. Подводи зъ Сухоносовки пріишли въ Роменъ 4, на которихъ привезено бочку орѣховъ, да яблукъ возъ, да мяса свинного. Они жъ принесли два глеки мидянихъ. Климъ молодикъ зъ Глухова пріехалъ.

19. Неделя. Панове сотники лохвицкій и городискій цѣліе и наказній пѣратинскій пріехали въ Роменъ. Господинъ подполковникъ Андрей Семен. Кропотовъ до господина Румянцова зъ Борзни поехалъ и, въ Ромнѣ бувши, зайшолъ къ намъ и посидѣлъ. Отъ писара хоружовского получилемъ отвѣтное писмо на листъ мой до

прикажчика о зборщикахъ писанній, же прикажчикъ зъ старими зборщиками самъ поехалъ въ Глуховъ. Отъ Григор. Манджоса получилемъ писмо о зборщикахъ. Поехалъ Ющенко въ Гадячъ.

20. Зборщики городскіе, явившись у мене зъ доношеніемъ о себѣ тамошней старшини, поехали въ Глуховъ. Зъ крѣпости отъ род(ителя) писма принесенни зъ Будокъ тамошнимъ человѣкомъ. Отъ капитана Чарторизкого зъ Веремѣевки и отъ нашого комисара писма принесени о непривозѣ зъ жадной сотнѣ деревъ туда по 14 число генваря.

21. Въ Глуховъ послалемъ писма до правителей о константиновскихъ зборщикахъ и о городискихъ посланнихъ. До прокурора зъ поздравленіемъ въ капитанахъ и до паней. Григор. Манджожъ повернулся и отвѣтъ старшинъ о зборщикахъ привезлъ.

22. Писалемъ до коммисара Шимка въ Веремѣевку и послалемъ къ нему вѣденіе опредѣленного дерева и работниковъ зо всѣхъ сотень до ма(га)зеину. Человѣкъ процювскій, посиланній до Федчуна зъ грошми 40 зол., повернулся назадъ и гроши привезлъ зъ собою, не винайшовши его. До сотниковъ наказ. лукомского, чигир., глинского и смѣловского о прибитіи ихъ сюда, писалемъ, тако жъ и до чорнуского о зборщикахъ чорнускихъ. Черезъ презенти послалемъ зъ листомъ п. писара до юсковского отца Савѣцкого 300 зол. Слюзисѣ.

23. Зъ Веремѣевки пріехалъ козакъ зъ писмами капитанскимъ и комисарскимъ, зъ которихъ въ послѣднемъ пишетъ, что дерево привозить треба туда тросаженное. Отъ господина брегадира Румянцова принесено писмо, чтобъ старшина вся была въ Ромнѣ собранна, тако жъ и козаковъ, со всякой сотнѣ по 50 человѣкъ, и дожидались его въ Ромнѣ, а листъ его отправленъ зъ Полтави 19 д. генваря. Того жъ дня и отправили укази во всѣ сотнѣ, черезъ сторожа пѣратинского, о прибуттю сюда старшинъ и козаковъ. Черезъ его жъ послани укази и о присилцѣ дерева, якъ и прежде писано, до Веремѣевки, на магазейнъ. Особливо работниковъ, жеби, кромѣ тертичниковъ, было числомъ [illegible]. Особливо кроковъ и латъ, а именно: зъ смѣловской сотнѣ, работниковъ [illegible] зъ ромен. 8, а зъ глинской 4.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Часть 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Сociніанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій, Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Мотыжинскій Архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в. Изд. Савицкихъ. Кіевъ. 1890. 8° 223 + XVIII стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ пол. XVI в. Кіевъ. 1890. Ц. 25 к.

Я. Шульгинъ. Очеркъ коліивщины. К. 1890. 8° 209 стр. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Цѣна 2 руб. 2 кн. 2 руб. 25 к. За пересылку прилагается 25 к. Кн. 3, цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Книга 4, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Кн. 5-я Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. Кн. 1878. Цѣна 10 руб. (вмѣсто 25 руб.), съ пересылкою 11 руб.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ Св. Владиміра или въ ред. „Кіев. Стар.“.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1891 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1891 г. продолжается:

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Малая-Владимірская ул., д. № 32.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—90 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**